

Современный
русский
верлибр

Воймега

Нина Александрова
Алексей Алёхин
Иван Ахметьев
Сергей Бирюков
Ольга Брагина
Андрей Василевский
Лилия Газизова
Мария Галина
Марианна Гейде
Анна Голубкова
Дмитрий Григорьев
Фаина Гримберг
Андрей Грицман
Владимир Губайловский
Данила Давыдов
Дмитрий Данилов
Владимир Друк
Андрей Егоров
Валерий Земских
Александр Иличевский
Лариса Йоонас
Владимир Козлов
Андрей Коровин
Ирина Котова
Сергей Круглов
Инга Кузнецова

Современный
русский
верлибр

Современный
русский
верлибр

Антология

Москва

Воймега

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
С56

Составитель
Лилия Газизова

Редакционный совет
Лилия Газизова, Андрей Грицман,
Данила Давыдов, Вячеслав Куприянов, Арсен Мирзаев,
Юрий Орлицкий, Александр Переверзин (главный редактор)

С56 **Современный русский верлибр** : антология / сост. Л. Р. Газизова. —
М. : Воймега, 2021. — 428 с.
ISBN 978-5-6044597-9-9

В антологию «Современный русский верлибр» вошли произведения авторов, пишущих на русском языке, представляющих разные поколения и придерживающихся различных эстетических установок. Книга является своеобразным взглядом изнутри на современный русский верлибр и имеет оригинальный теоретический аспект: в ней собраны ответы участников антологии на вопросы о верлибре, что делает её не просто собранием текстов, но и попыткой осмыслить, что происходит с русским свободным стихом сегодня.

Возрастное ограничение 16+

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5

ISBN 978-5-6044597-9-9

© Авторы, текст, 2021
© Л. Газизова, 2021
© А. В. Чёрный, оформление, 2021
© «Воймега», 2021

От составителя

Эта антология должна была появиться больше года назад. Пандемия, которая была объявлена из-за распространения COVID-19, отложила её выход на неопределённое время. Ещё 2017 году я обратилась к поэту и издателю Александру Переверзину с предложением выпустить сборник «Современный русский верлибр». Александр идею поддержал, но посоветовал подумать над оригинальной концепцией издания — чтобы оно не стало одним из тех коллективных сборников, которые именуют «братскими могилами».

Так мы решили ограничиться сравнительно небольшим количеством авторов, представляющих разные поколения и придерживающихся различных эстетических установок, и предложили приглашённым участникам антологии поразмышлять над тем, что сегодня происходит с верлибром, какое место он занимает в современной русской поэзии, обозначить его основные направления и тенденции. Я благодарна поэту и литературоведу Даниле Давыдову, который помог сформулировать вопросы для авторов.

На мой взгляд, яростное противостояние сторонников силлаботоники и свободного стиха осталось в прошлом. Многие приверженцы силлаботонического стихосложения периодически обращаются к верлибру, а порой в текстах современных авторов нет чёткой грани между регулярным и свободным стихом.

Вероятно, кто-то не досчитается в этой книге любимых поэтов. Но, как говорилось выше, у нас не было задачи собрать под одной обложкой всех, кто отметился в этом жанре. Она состояла в том, чтобы показать возможности и разнообразие современного свободного русского стиха.

Вопросы, на которые было предложено ответить авторам, сформулированы так:

1. Что происходит сегодня с русским верлибром?
2. Какое место занимает верлибр в вашем творчестве и творчестве близких вам авторов?

При этом никаких ограничений у авторов не было, они могли говорить о верлибре в свободной форме.

Лилия Газизова

Нина Александрова

Поэтесса, литературный критик, кураторка. Родилась в 1989 году в Челябинске. Жила в Екатеринбурге. Училась на филологическом факультете УрГУ, сейчас — в Литературном институте имени А. М. Горького (семинар Е. Ю. Сидорова). Автор трёх книг стихотворений. Публиковалась в российских и зарубежных литературных журналах: «Знамя», «Урал», «Нева», «Новая Юность», «Слово/Word», «Плавучий мост», Homo Legens, в проектах «Литература», «Полутона», Sigma и других. Лауреатка Всероссийской Бажовской премии, поэтического конкурса имени Иосифа Бродского, Международного Волошинского конкурса. Дважды стипендиатка Министерства культуры России. Живёт в Москве.

Именование

фиксировать ежесекундно
простое мятое небо
сиплый снег
хрупкая лесная трава
ледяная трава
просыпайся
время давать имена
травам корням животным
трогать
тёплые звуки
перекатывать на языке
карамелькой
обдирать небо до крови
угадывать вкус
иначе
ничего не существует
всё неправда

* * *

не могу дышать это страх
смерти или большого чужого
прикосновения обладать
поглотить растворить
собирать себя каждый день
с утра привинчивать пальцы
защёлкивать грудную клетку
открывать глаза делать вдох
тремор пространства множество отражений
так много меня и все смотрят насквозь

проходят насквозь не выдыхая
мои сёстры кости и кровь коллективное тело
сильные и прекрасные мёртвые и живые
боль одна и дыхание одно на всех

* * *

когда ты напишешь
вернёшься из мира апатии и тоски
транков и нейролептиков
разрезанных рук и слёз на ночном эскалаторе
что я скажу
как скучала как думала о тебе
что зависимости не отпускают
насилие просто попытка сбежать от себя
а любовь узнавание собственной травмы в другом
расскажу ли про то
как прикасалась кожей к небу в печатниках
слушала пульс весенней земли на профсоюзной
гладила окаменевшее подземное море на трубной
или
в комнате без окон лягу рядом с тобой
растворять себя в пульсирующей темноте
сливаться с обоями
прорасти через стены пол потолок
никогда не рассказывать
как нежно щебечет расколотый движется лёд по москве-реке
как тихо выдохнув лопнули тополиные почки
как влетаешь в рассвет и чёрные звёзды заглядывают в глаза

высыхаешь
рассыпаешься в пальцах
каждую секунду
всё больше
становится тобой

* * *

1

главное скрыто и узнаётся в молчанье
язык речи комом сухим стоит
язык тела язык прикосновенья
нужно дать ему имя нет не нужно
нутряным голосом слова со дна подбирает
язык леса тяжело ворочается во рту
язык земли бьётся в висках пульсирует вот корнями обнял
за закрытыми веками солнце переворачивается встаёт
хрустальные листья над головой
звери поднимают лицо заглядывают в глаза
земля течёт сукровицей травяной цветочной водой
зелёное на рукавах на ладонях в небе в тебе
пальцы покрылись корой завязались почек узлы
язык рассыпается теперь язык это ты

2

гудение пульс
чёрная нутряная земля
изнанка тела
каждой сестре сестра

наш шелестящий голос
станет твоим навсегда
единственное
тело
остаётся
тело
единственное что остаётся

Нина Александрова о верлибре

1

Мне видится, истерическое внимание к русскому верлибру поутихло. Его более-менее оставили в покое: не пытаются называть новым языком поэзии или орудием дьявола. Хотя слово «верлибрист» в некоторых особо одиозных кругах всё ещё является ругательством, но в массовом сознании (литературном в первую очередь), к счастью, укоренилась мысль о том, что верлибр — просто инструмент осуществления художественного высказывания. Не самоцель, не вызов обществу, а просто ещё один способ говорить, ничем не хуже и не лучше остальных.

2

В моей поэтической практике — основное. Меня и многих близких мне авторов интересуют темы преодоления языка как ходульной инерционной системы, которая сама по себе препятствует истинному говорению. Которая создаёт и обосновывает реальность, где есть место насилию и угнетению, которая состоит из них и составляет их. С другой стороны, меня также интересуют до-литературные практики, фрагментация текста и высказывания, где работает логика сетей и нет линейного развёртывания смыслов. Для исследования этой темы в текстах верлибр является наиболее органичным способом говорения.

Алексей Алёхин

Родился в 1949 году в Москве. Окончил журфак МГУ. С начала 1970-х полностью перешёл на технику свободного стиха, после чего фактически потерял возможность публиковаться и более двадцати лет зарабатывал журналистикой. Много путешествовал по стране, а в 1990–1991-м около полутора лет провёл в Китае. В 1993-м основал первый в российской словесности толстый поэтический журнал «Арион». Первый (андеграундный) поэтический сборник «Природа вещей» выпустил в 1983 году. В последующие годы вышло девять книг стихов и поэтической прозы, в том числе «Записки бумажного змея» (2005), «Псалом для пишмашинки» (2006), «Голыми глазами» (2010), «Полёт жука» (2011), «Временное место» (2014), а также книжка для детей «Расскажу про Пятилапа» (2015). Стихи переводились более чем на пятнадцать языков; критические статьи и эссе — на немецкий, английский, французский, испанский, китайский и другие языки. Лауреат премии «Петрополь» (2004) и премии журнала «Новый мир» (2013), награждён специальным дипломом поэтической премии Anthologia (2017). Живёт в Москве.

Сад поломанных статуй

гипсовые щиколотки девушки с веслом
сандалии пионера с горном
копыто маршальского коня
бронзовые башмаки вождя

*администрация сожалеет о скоротечности времени
выгул собак запрещён*

каменные ягодицы мыслителя

Смерть новобранца под Урус-Мартаном

в слове «человек»
застряло слово «пуля»

Благая весть

сегодня в саду
я принял слетевшую на страницу мошку за букву
и прочитал

жизнеописание затерянной в траве дужки от очков

никчёмной как отпавшая от человека рука
которой мог писать грозить грести в воде
и потрепать ребёнка за ухо

сизу перевозжу
до утра с кириллицы на мефодицу
том за томом

Стансы к Анне

1

как не впадая в фальшь
рассказать о том анилиновом небе?

2

о похоть облаков

3

цветы так бесстыдно раскрылись
что хотелось побыть пчелой хоть на время

4

есть что-то бабье в коровах

да и сама Земля со стороны
похожа на тучную пёструю корову
летающую в облаках

5

рояль за стеной
выговаривал всё ту же музыкальную фразу

6

так парикмахер
умеет определить по линии пробора
характер и судьбу

7

и облачилась в наготу

8

акустика наших объятий
гулкая как пустой театр

9

слышно только
как в будильнике капает время

10

так вот где у Леты брод

11

пёрышко
то ли из крыла ангела
то ли из подушки

12

это правда
что Вселенная расширяется
с каждым женским вздохом?

если бы яблоки могли думать

Телеграмма

две бабочки
влетели в сад перемешиваясь в воздухе
отчего показалось их целая стая

так грустно
будто мне завтра умирать

Страшный суд

вострубят трубы
заблещут одежды и нимбы

на экзаменационном столе билеты
руки в перстнях ручки с золотым пером

лица строгие а ты голый
оставил пропотевшее тело на земле

*ты почему крестика не носишь?
и денег на толстенькую свечу жалел?
сад ленился тем летом поливать?*

*зачем её во сне голой видел?
а по кошке грустил пуще как по человеку?*

*да ты хоть раз птичий оркестр на рассвете слышал?
только когда до ветра вставал и снова спать?*

*над облаками смеялся?
гимн советский помнишь а отче наш нет?
дурака валял?*

*загорелые плечи
в лацканах золотые яблочки и змейки
галстуки от леонардо и от малевича*

*а кто тут настоящий садовник
узнаешь по чернозёму под ногтями*

и он молчит

Алексей Алёхин о верлибре

1

Без малого четверть века назад в заметке под заголовком «Просуществует ли фестиваль верлибра до 2000 года?», предварявшей публикацию участников очередного Фестиваля свободного стиха, я написал: «...вполне представима ситуация, когда верлибр делается настолько привычен, что читатель не всякий раз будет замечать, написано ли стихотворение свободным стихом или регулярным, — как сейчас не обращает внимания, написано оно ямбом или хореем. И тогда нужда в фестивалях верлибра отпадёт».

Случилось ли это? Думаю, что нет. Русский верлибр пока что так и не стал вполне равноправной системой стихосложения. Не стал, при всех несомненных удачах. При наличии пусть небольшого, но пантеона. Притом что многие серьёзные читатели и правда не разделяют при чтении стихи, написанные хореем, от верлибрических.

Верлибр не только трудней писать (всякий раз для начала необходимо доказать, что это и правда — стихи), но и труднее читать (прочувствовать как стихи без рифменных и ритмических подсказок). Тем не менее им пишут всё чаще и применяют к всё более широкому полю поэтических высказываний, от любовной и пейзажной лирики до философской и «политической». При этом возникает обилие и разнообразие форм, сравнимое с наработанным тремя веками русского регулярного стиха.

И всё же верлибр у нас относительно молодое явление. За столетие, если говорить не об отдельных вещах, а о состоявшихся поэтиках, в его биографии лишь считанные взлёты (хотя объём верлибрической графомании уже близок к написанной четырёхстопным ямбом). Однако думаю, мы вправе ожидать от русского верлибра не только штучных шедевров, но и поэтических величин, сопоставимых с американским Уитменом, с французским Аполлинером. Но и в будущем я не жду его тотального торжества.

В отличие от моего покойного друга Владимира Бурича, полагавшего верлибр грядущим поэтическим счастьем всего человечества, призванным сменить и упразднить устаревшую силлаботонику и прочие сонеты, я на такую победу

не только не рассчитываю, но её и не желаю. По мне, верлибр прекрасно себя чувствует как раз в соседстве с регулярным стихом — или даже в симбиозе с ним, — порождая гетероморфность.

2

С 1970 года я пишу практически только свободным стихом — это мой способ поэтического мышления. Хотя почти в каждой моей книге оказывается и одно-другое стихотворение, написавшееся традиционным размером: что пришло, то и пришло. А вот близкие мне поэты старших поколений, включая и тех, с кем я дружу, почти поголовно работают в силлаботонике — правда, часто довольно далёкой от канонических образцов. Исключением был Бурич, а из ныне живущих — Олег Чухонцев, у которого есть изумительные верлибры. Зато в следующих поэтических генерациях — у тех, кому нынче пятьдесят, сорок, тридцать лет, — немало преинтересных стихотворцев, активно и успешно обращающихся к свободному стиху, кто — постоянно, кто — периодически. Я не хочу кого-то выделять, чтоб не обидеть остальных, их имена по большей части можно найти на страницах «Ариона».

Иван Ахметьев

Родился в 1950 году в Москве. Окончил физический факультет МГУ (1975). Работал инженером в НИИ, библиотекарем, затем переводчиком, редактором. С 1991-го публиковал неофициальных авторов советского периода: Л. Виноградова, Е. Кропивницкого, А. Маковского, Г. Оболдуева, Я. Сатуновского, М. Соковнина, П. Улитина, И. Холина, Л. Черткова, С. Чудакова и других. Основные книги стихов: «Стихи и только стихи» (1993), «Девять лет» (2001), «ничего обойдётся» (2011). Стихи переводились на четырнадцать языков. Участвовал в составлении антологий «Самиздат века» (1997; поэтическая часть), «Поэзия второй половины XX века», «Русские стихи 1950–2000». Лауреат премии Андрея Белого (2013). Куратор Антологии неофициальной поэзии и раздела Павла Улитина на сайте «Русская виртуальная библиотека». Живёт в Москве.

* * *

в моей душе есть
ребёнок и старик

старику нужен покой
а ребёнку ласка

* * *

искусственные ёлки хороши
вот только жаль
что они не осыпаются

* * *

я выключил свет
на этом кончился день

* * *

приятно
руку
положить на стол

* * *

куда нам спешить
спешить нам некуда

я никогда не спешу

* * *

Ибо мы подобны дереву
растущему через трещину в бетоне

Его ствол сохранит форму трещины

Не нам
разбивать бетонные стены

наше дело расти

* * *

я встретил двух маленьких близнецов
и хотя они были совершенно одинаковы
посмотрел на меня
только один

* * *

прошу прощения
вас и так много
а тут ещё я

* * *

теперь вам уже не понять
не угадать
не представить
как это было

то
чего никогда не было

* * *

больше всего увидишь
если замрёшь на одном месте
на зиму
 лето
 ночь
 день
как старый чемодан на балконе

* * *

ЧТО ВЫ ЧТО ВЫ
Я НИЧЕГО

* * *

эта наша гордость
всегда будет напоминать нам
о нашем позоре

* * *

мои стихи рассчитаны
на максимально чуткого
и максимально доброжелательного читателя

такого читателя
они создают

* * *

камни существуют
деревья растут
звери живые
я думаю
Бог есть

* * *

может быть
мы многого не знаем
а может быть
мы не знаем
ничего существенного

* * *

Приятно заметить
столь нежное сердце
в столь
в таком
в общем
как вот Вы

* * *

пиша в темноте
не заметил
что ручка не пишет

* * *

почему это стихи
самому неясно

что-то заставляет
записывать

Оболдуев
Сатуновский
Некрасов

* * *

птички проснулись

а вот и люди
затопали по потолку

* * *

почти вспомнил
бабушку
подругу моей бабушки

* * *

стало пасмурно

и закапало

сичу один
среди стихов

* * *

Купаться запрещено
но утки
не слушаются

* * *

не здесь
то есть
не сейчас
и не сразу
но обязательно

* * *

Э. Булатову

по лесной тропинке

шишкин
шишкин

а впереди там

куинджи

* * *

«я пишу мало
но я пишу непохоже на других»

мама сказала:
«не хвастай
пусть будет похоже на других
но побольше»

* * *

я как Микеланджело
чищу картошку
снимаю всё лишнее

* * *

это я, почтальон Печкин!
принёс повестку
для вашего мальчика

* * *

на это не смотрите

это для себя

* * *

просыпаешься
и оказываешься
снова на белом свете

* * *

Стихотворение состоит из двух слов.
Слова сии суть «блаженство» и «беспокойство».

Иван Ахметьев о верлибре

1

Русский верлибр успешно развивается. Впитав различные влияния Запада и Востока, опираясь на различные исторические свойства русской поэзии. Молодым поэтам в наше время в этом смысле хорошо, им доступны многие достижения в этом деле...

2

В моей практике верлибр занимает существенное место, как мне кажется, естественно сочетается с другими формами. Наиболее близкие мне авторы — Некрасов, Сатуновский и Холин — были и среди основных создателей современного русского свободного стиха. Верлибр у них — один из вариантов этого явления. Тут важна ещё преемственность сложившихся в русской поэзии критериев — что такое стихи, как отличить удачные произведения от неудачных. В этом смысле важен исторический спор Некрасова и Пригова. Последний, как известно, работал сериями и пытался показать, что критерий качества устарел, не работает в наших условиях. Это какое-то сочетание лукавства и самообмана, по-моему. Конечно, и серии имеют право на существование, но ограниченное. Об этом я писал в девяностых:

это такие штуки
которые вроде как
ни для чего не нужны
а только просто
чтобы знать
что они есть

Знать одно, но любим мы качественные произведения, которых много есть и у Пригова. Примерно так относился и Некрасов, который считал, что в искус-

стве, в том числе и словесном, имеют значение, в сущности, только те вещи, которые здорово получились, поражающие новизной и совершенством.

Итак: верлибры — это такие стихотворения, произведения словесного искусства, которые бывают иногда у некоторых авторов очень хороши. Зачем они нужны, почему понадобились? — понятно, чтобы что-то выразить, чего не сделаешь по-другому...

Здесь мы умалкаем, уступая место теоретикам.

Сергей Бирюков

Поэт, переводчик, критик, перформер, доктор культурологии, исследователь русской поэзии XVII-XXI веков, теоретик и практик поэтического авангарда. Родился в 1950 году в Тамбовской области. Окончил филфак Тамбовского государственного пединститута (1974), кандидат филологических наук. Основатель и президент Международной Академии Зауми. Преподавал в Тамбовском университете имени Г. Р. Державина, почётный профессор этого университета. В настоящее время преподаёт русскую литературу в университете имени Мартина Лютера (Германия). Автор более двадцати поэтических и теоретических книг. Среди поэтических: «Муза зауми» (1991), «Знак бесконечности» (1995), «Поэзис» (2009), «Звучарность» (2013), «Окликание» (2015), «Продолжение разговора» (2017). Стихи переведены на двадцать пять языков, входили в зарубежные антологии современной русской поэзии, а также выходили отдельными изданиями. Лауреат Международной премии имени А. Кручёных, Всероссийской премии имени Ф. И. Тютчева, Второй берлинской лирик-спартакиады, Международной литературной премии «Писатель XXI века» и других, удостоен звания «Посол поэзии» (Румыния, 2016).

Окликание

что Хлебников птицей нахохлился
что Хлебников шелестящим орешником
что бобэоби
что малыш Хлебников
что Хлебников в солдатской фуражке
что Велимир в мордовской шапке
что Зангези
что шелест и шёпот
что речь речи речики речики
что зинзивер
зиив чуив челять чул
чу-у-у-у

(последние звуки произносятся с медленным затиханием)

Памяти Геннадия Айги

...и увидеть как солнце восходит
над Шаймурзино
где средоточие
где капли мёда на листьях травы
придорожной

вновь пройти тропинкой сельской
мимо кустов шиповника

чтобы тетрадка на груди шелестела
чтобы шептались буковки

эта суровая бедность мира
нежность грубого холста
дуновение
неизбежность

а также
голос кукушки в отдалённом перелеске
дерево на холме
цветные перевязи
неубывание ааааА

Конец августа

в последние дни августа
накануне школы
вспоминаешь
белую рубашку
красный галстук
подаренный братом
запах яблок в портфеле
белизну тетрадного листа
клеточки для цифр
линейки для букв
прочитанные летом учебники
путешествия в дальние страны
по географическому атласу
постижение законов физики
в холодной реке
запах печёной картошки

дым костра
московскую девочку

приехавшую на каникулы
сказавшую что анатомию
изучают в 10-м классе
ах вот как!
конец августа
песня «скоро осень
за окнами август»
как там дальше
в этой невероятной пьесе...

Продолжение сна

невозможно запомнить но всё-таки
хотя бы в обрывках
запоминается продолжение
сна
почему-то неизвестное место
что-то вроде классной комнаты
где рюкзаки и сумки свалены
брошены кое-как
несколько знакомых лиц
но неточно определяемых
то ли он то ли похожий на
она или похожая на неё
словно ты приехал неизвестно
откуда приехала она неизвестно
полный неясностей и недомолвок
разговор
огоньки сигарет щёлканье зажигалок
обратная последовательность действий
ты отвечаешь предвидя вопрос
почёсываешь переносицу

после получения известий
собственно нет даже слов
ну так полусловья
фрагменты речи
опустошение
продолжение сна
видимость бесконеч

К формуле Филонова

Иногда пересекаюсь в пространстве
с Павлом Филоновым,
ну, например, если схожу с поезда
в каком-либо городе Европы
и некоторое время иду пешком
в Вене или Риме,
Лионе или Париже
и неожиданно встречаю этот взгляд,
направленный на тот же витраж
или на картину,
как будто зрачком биофотоаппарата,
снимающим аналитически,
так, что всё искусство,
которое он видит,
оседает в его зрачке
архивом, который он
будет распаковывать постепенно
уже в Петербурге-Петрограде-Ленинграде,
создавая сверхискусство,
соединившее Кранаха и Дюрера, Леонардо и Веласкеса,
Эль Греко и Микеланджело,

а также сельских примитивистов,
витражных мастеров,
да и самого Господа Бога,
автора земли, воздуха, воды, солнца, луны
и других небесных тел,
автора птиц и зверей,
а также человека — с причудливыми рисунками
кровеносной системы...

Надёжность фиксации

Внимание! Проводятся испытания
надёжности фиксации
прививки слова к темноте
к утреннему лучу
к дереву возле дороги
так зацепит что мороз
по коже
обдерёт и не встанешь
не оторвёт ли ветром
не вырвет ли с корнем
не обнаружит ли
полной несостоятельности
a priori a posteriori
до и после
между
в промежутке
в синонимическом ряду
между прочим (!)
когда ты закрепляешь слово
на балконе проволокой
и всё продумано до мелочей

ты думаешь о том
что оно оторвётся и улетит
туда где злые колючие
острорежущие
легковоспламеняющиеся
что с ним будет
что с ним будет
о что с ним будет

Сергей Бирюков о верлибре

1

Мои взгляды относительно свободного стиха сформировались ещё в 1970-е годы, когда он не особенно приветствовался. Я приверженец такого стиха, который называю «русский свободный свободный стих», то есть это стих действительно свободный от всех ограничений, в том числе в нём допускаются спорадическая рифма (в том числе внутренняя), полиметрия. Верлибром сейчас в российском поэтическом сообществе никого не удивишь. Но вот такого стиха, о котором я говорю в начале ответа, мне кажется, не так много.

2

У меня никогда не было задачи писать непременно верлибром. Собственно текст вызревает и обретает форму в процессе. И этот текст может принять самые разные формы. Свободный стих — одна из форм. Поэтому в моей практике он занимает необходимое место! То же самое я могу сказать о близких мне коллегах. Я надеюсь, что готовящийся сборник «Современный русский верлибр» покажет нам адекватную картину сегодняшнего состояния этой формы на российской почве.

Ольга Брагина

Поэт, прозаик, переводчик. Родилась в 1982 году в Киеве, где и живёт по сей день. Окончила факультет переводчиков Киевского национального лингвистического университета. Автор книг «Аппликации» (2011), «Неймдроппинг» (2012), «Фоновый свет» (2018). Публиковалась в журналах «Воздух», «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Волга», «Дети Ра», «Зинзивер», «Двоеточие», «Цирк «Олимп + TV» и других. Стихи переведены на английский, польский, чешский и латвийский языки.

* * *

пусть мне снова будет 26 я буду читать
книги из серии «Бестселлеры интеллектуальной прозы»
в очереди на маршрутку в Дарнице
думать что жизнь состоит из литературы
запах шашлыка когда открываются двери
вагона метро на Гидропарке тесноты общественной жизни
думать что здесь есть логика даже
если дальше ничего нет или скука или логика и скука
не смотреть в конце чем там всё закончилось
иногда читать ретродетективы ради красоты слога
не ради знания кто убийца это условность всегда неважно
существует ли предопределение или текст пишется сейчас
твоим неразборчивым почерком в мятой тетрадке пусть
мне снова 26 я ничего не знаю о тебе
и никогда не узнаю хорошо это или плохо
очередь почти не движется где-то
снова затор хотя в Харьковский район едут постоянно
ты тоже ничего не знаешь обо мне думаешь
что у тебя началась новая жизнь после переезда в столицу
лихорадочно ищешь источники дохода пишешь стихи
ничего не изменилось в отсутствие стихов
пустых копилок невстреч равных прощению простых вещей
я думаю что жизнь это текст ты хочешь
стать классиком но здесь ничего не меняется
текст равен себе вне текста неинтересно
дверь открывается на Гидропарке включают свет

* * *

у тебя некоммуникабельный характер
ты не являешься авторитетом для
учеников средней школы с углублённым изучением английского
с бесполезным изучением географии с уроками политинформации
с дневниками наблюдений за природой
журналом «Юный натуралист»
так написано в машинописной характеристике здесь всё посчитано
все сочтены твоя мама моложе чем ты сейчас
нужно уметь выжигать по дереву делать человечков из желудей
светлого будущего нет но будущее присутствует где-то
к двухтысячному году каждая
советская семья получит отдельную квартиру
обустроит советский быт купит новую стенку
стены красят зелёным скамейки
красят зелёным ни к чему не прислоняйся
это не мастер-класс «Как написать идеальный сценарий»
как сочинить свою жизнь чтобы все удивились
рабочий и колхозница плывут
в своей лодке куда-то вперёд в будущее
нужно смотреть прямым и радостным взглядом
не перечислять то чего там нет никому не перечить
лодка колышется на волнах Лета сегодня
тепла почти комнатная температура
стены из ракушника покрываются
инеем снопы связывают праздничными ленточками
заворачивают в подарочную бумагу
мирный атом томится под крышкой
восходит тестом на скудном маргарине
скоро его подавать к столу человечки
из желудей спят в спичечных коробках
все они моложе чем ты сейчас у них
впереди самое светлое будущее тёплая Лета

* * *

зачем тебе помнить Киев восьмидесятых
белые стены церковей стерильно чистые окна
пустота молчание белый цвет бинтов первая свежесть асфальта
горячего асфальта среднепрожаренного битума
зачем тебе помнить где эта газировка
 без воды пирожные безе чистотела
ты застрянешь здесь навсегда
 будешь перебирать старые фото вот ты до рождения
пробираешься мимо героев революции
 тёплых столпов самодержавия родимых осин
зачем тебе помнить Киев теперь
 столько не живут не любят мёртвых не рвут тетради
мутную взвесь подольского масла Аннушка разлила
зачем тебе помнить кто жил в этом доме
 любимого цвета императора Николая
рассказывал сказки дворникам рассказывал сказки друзьям
детства не признавшим через столько лет никто не помнит тебя
здесь проходит демаркационная линия жизнь под местным наркозом
то чему нет названия но зачем тебе помнить
 Киев восьмидесятых разделять на до и после
часослов герцога Беррийского загибать страницы стачивать корешки
любовь не лжёт не милосердствует
 не заканчивается не начинается только горячий асфальт
дефицит желудей картофельных очистков воды из крана
морской соли для ванн счастливых людей в метро
зачем тебе помнить

* * *

слушать опиум для никого смолу абрамцевских елей стирать с губ
чёрная лакировка действительности тёплая вода кранов
редко тебе отвечают на том конце провода

голоса популярных исполнителей бывших песен
знакомые голоса не туда попали проще забыть
ноты случайные встречи в метро в переполненном вагоне
клетчатые сумки на колёсиках удивление или равнодушие в глазах
вены схем на заклеенных объявлениями окнах
сеть социальных магазинов скидки на муку билеты на автобусы
эта привычка читать всё что написано
случайные встречи в метро на выставках совриска в подворотнях
нужно говорить оправдывать речь артикулировать смыслы
но хочется молчать хочется молчать хочется молчать
ты говоришь у нас нет оправдания
только последовательность бессмысленных действий
жетоны разных цветов
разветвления реклам сети социальных магазинов объяснений
ты говоришь у нас есть
готовое объяснение как любовь превращается в соевое молоко
и кто будет смотреть на срок годности

* * *

я читала мемуары дочери Вячеслава Иванова
ты говорил у неё такой странный язык
старомодный какой-то но не мог объяснить в чём странность
потом улетел на Байкал я пошла на фестиваль
поэты пили водку у ворот кладбища
краснокирпичная постройка очень много парков очень много поэтов
тогда ещё не было полиции на каждом шагу

мы ходили летом по городу не понимали зачем мы здесь
впрочем это чувство возникает в любом городе мира
вопроса зачем читать мемуары дочерей поэтов
у меня не возникало никогда
ночью на канале «Южный округ» шла передача
про хипстера который делал поделки
какие-то сувенирные свечи украшения для табуреток пыль стёклышек
мы удивлялись кто это смотрит в четыре утра
потом он перешёл со своими поделками
в утреннее шоу на канал «ТНТ» мы купили комод
в сибирском мебельном «Хозтовары» там было два комода
что сейчас идёт на канале «Южный округ»
есть ли ещё этот канал сколько всего кануло в Лету
наши воспоминания создали нас такими одинокими в этом подъезде
городе шумных сэкондов запутанных пересадок
ты говорил у неё такой необычный стиль я читала про Рим тридцатых
утром на кухне и кофе стыл заменяя хлеб

* * *

может быть кто-то прочитает мои стихи через сто лет
и узнает как я тебя любила
вот борщ не сварила ни разу стихи я и так пишу всё время
это моё главное занятие
а сделать что-то полезное борщ сварить заработать денег
ради любви ведь можно было не только то что делать приятно
можно было не просто ограничиваться словами
но я не понимала что это за мир
в моём мире всегда всё было логично
слова всегда значили то что подразумевалось
раньше мне всегда хватало слов
потом они закончились их можно тасовать

как угодно но зачем
никто не узнает как я тебя любила наверное
я и сама не знала как это происходит обычно
в повседневной действительности стирки руками
я не понимала что это за мир
психиатрическая больница имени Ганнушкина за окном
богаделки в тулупах мрачной поступью мертвецов
гуляли по двору туда-сюда я смотрела в окно
гопники во дворе бросались бутылками
соседки выгуливали собак маленьких пород
алкоголики в беседке обсуждали Платона
или Сократа точно не помню кого потом к весне все исчезли
появились чёрно-белые котики ты сказал: «они пережили зиму»
я ответила: «ну хорошо ведь» и улыбнулась им

Ольга Брагина о верлибре

1

Современный русский верлибр являет собой совокупность самых разных художественных подходов. Философская ирония постмодернистских текстов соседствует с медитативной лирикой и минималистскими произведениями. Гибкий ритм, передающий любые оттенки интонации, и внимание к детали обеспечивает повышенную информативность лирического высказывания.

Традиционный верлибр второй половины XX века отличает естественная разговорная интонация, ясность синтаксических конструкций, устоявшиеся художественные приемы, отличительные признаки минималистской поэтики — лаконизм, нейтральность интонации, авторская пунктуация, цитатность, письменная фиксация внутренней речи.

Обращение к устной речи здесь особенно органично. Верлибр максимально приближен к ритму и интонации повседневной речи, поэтому поэтический текст легко может ассоциироваться с фрагментом диалога. Активизация визуального начала в современной поэзии во многом связана с развитием верлибра.

2

Верлибры занимают значительное место в моём творчестве (хотя я не отказываюсь полностью от силлаботоники) — как способ фиксации впечатлений и осмысления жизни в контексте повседневности, здесь сюжеты мировой культуры могут преломляться в свете мимолётных впечатлений дня, а фиксация субъективных настроений соседствует с более широкими обобщениями.

Среди близких мне авторов необходимо упомянуть Галину Рымбу, по словам которой «на уровне отдельного стихотворения у любого поэта возникает какой-то более или менее упорядоченный микрокосмос, карта которого скорее может представлять собой живую траекторию перемещений и совпадений, но никак не границы устойчивых языковых государств», скрупулёзное картографирование предметов и явлений, утверждение их места во вселенной и траекто-

рий их движения друг относительно друга оказываются исключительно важны в её творчестве, Льва Оборина, для которого поэзия является гражданским высказыванием в контексте осмысления повседневности, и Андрея Сен-Сенькова, верлибрические миниатюры которого, как правило, объединены в небольшие стихотворные циклы; в центре каждой миниатюры сложная метафорическая конструкция, а в циклах Сен-Сенькова обычно происходит нанизывание метафорических характеристик одного и того же предмета, который таким образом предстаёт в разных, неожиданных ракурсах.

Андрей Василевский

Родился в 1955 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького в 1985 году (поэтический семинар Евгения Винокурова). С 1976 года работает в журнале «Новый мир», с 1998-го — главный редактор. С 2002 года преподаёт в Литературном институте (доцент кафедры литературного мастерства), в 2014–2018-м вёл семинар поэзии на Высших литературных курсах. Автор семи поэтических книг, последняя по времени — «Обновление устройства» (2020). Лауреат Премии Правительства России в области СМИ (2015). Живёт в Москве.

[лицемеры]

сидят
говорят
об умном

а сами
простите
дышат

вдыхают
одно
выдыхают
другое

а делают вид

* * *

раскинулось небо широко
товарищ

мы едем
как можно дальше

возьми кота
и собаку

и саженцы яблонь

* * *

не смотри близко
на белку

в её глаз
ничего хорошего

особенно белки
и голуби

бог сказал
это хорошо

было давно
всё меняется

[философы]

так вот само по себе существование
того или иного вида живых существ
не имеет в виду

не направлено

не направлено на достижение блага
отдельно взятой особи этого вида
что бы мы под этим ни подразумевали

давай подразумеем под этим хорька

хорошо само по себе существование хорьков
не имеет в виду не направлено
на благоденствие ещё живого хорька

а уж мёртвого тем более

что бы мы под этим ни подразумевали

ну хорёк он и есть хорёк
знаем

(радостно смеются, бьют хорька веником)

* * *

нехорошо человеку
быть одному
в темноте

не потому что кто-то
страшный
оттуда придёт

никто не придёт
не надейся

*мама, мама! я оборотень!
нет сынок
не надейся*

Письмо

*«На вершинах
Венерианских гор,
Возможно, лежит
Металлический снег».*
Возможно, учёный прав.
Но дух уже не захватывает.

*«Плохая физика;
Но зато какая
Смелая поэзия!» —*
Сказал Пушкин
По другому поводу.
Возможно, поэт прав.
Но дух уже не захватывает
Ни по какому поводу.

Спрашиваешь,
Что у нас нового?
Всё то же:
Чужие вчера
Перешли реку,
Но мы не спали.
Мы давно не спим.

* * *

Четырехколёсный экипаж
С двигателем внутреннего сгорания,
Которым любитесь
Внеземной разум,

Скучающий
В черепной коробке
Местного уфолога,
Члена Российской академии
Естественных наук.

Я тебя чувствую,
Думает уфолог.
Кого? — удивляется
Внеземной разум.

* * *

в конце сороковых годов
борис леонидович пастернак
как-то скоропостижно
получил нобелевскую премию
как лирический поэт
и почему-то расхотел
писать доктора живаго
и любить ивинскую
сволочи
академики
бормотал сталин
снимая перед сном
мягкие сапоги
и размышляя о том
что ему теперь делать
вариантов было два
и оба неинтересные

а анна андревна ахматова
произнесла в адрес лауреата бонмо
вошедшее затем в историю русской литературы
но такое двусмысленное
что я его и представить себе не могу

Андрей Василевский о верлибре

1

Русский верлибр стал одной из «обычных» систем стихосложения, хотя и не столь распространённой, как силлаботоника. Поэтому огорчает ещё встречающееся «идеологическое» к нему отношение (с любым знаком). Отмечу также, что верлибр является драгоценной возможностью уменьшить количество слов в стихотворении, но, к сожалению, его часто используют с противоположной целью — как возможность произвольно увеличить количество слов в строке, количество строк в стихотворении, а зря.

2

Как «практикующий стихотворец» я работаю почти всеми возможными способами. И как активный читатель — не выбираю между верлибром и не верлибром.

Лилия Газизова

Поэт, эссеист, переводчик. Родилась в Казани. Окончила Казанский медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького (1996). Шесть лет проработала детским врачом. Автор пятнадцати сборников стихотворений, изданных в России, Европе и Америке. Основными считает: «Люди февраля» (2013), «Верлибры» (2016), «О лётчиках первой мировой и неконтролируемой нежности» (2019). Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Арион», «Дружба народов», «Урал», «Интерпоэзия» и зарубежных изданиях. Стихи переведены на двенадцать европейских языков. Лауреат нескольких литературных премий. Переводит татарскую и турецкую поэзию на русский язык. Основатель и организатор Международного Хлебниковского фестиваля ЛАДОМИР. Ответственный секретарь журнала «Интерпоэзия» (Нью-Йорк). Живёт в Кайсери (Турция), преподаёт русскую литературу в университете Эрджиес.

* * *

Буду смотрительницей маяка,
Нет, лучше женой зрителя маяка.
Буду вставать на рассвете
И готовить ему простую еду.
Буду смотреть, как он ест,
Молча и неторопливо.
Буду приходить к нему днём
С термосом горячего кофе.
Буду смотреть, как он пьёт его,
Вглядываясь в горизонт.
Буду замечать, как меняется цвет его глаз
В зависимости от его настроения
Или времени суток.
Буду мало знать про него
И не буду стремиться узнать больше.
Вечером буду засыпать в одиночестве,
Не дождавшись его.
Буду видеть сны о кораблях,
Уносящих меня прочь
От чёртова маяка...
Буду вставать на рассвете.

* * *

Когда мы поссорились,
Между нами выросло дерево.

Прошло несколько дней,
И между нами уже лес.

Твой неподвижный силуэт
Ещё можно разглядеть.

А я прячусь то за одним,
То за другим деревом.

Пройдёт лето,
И мы увидим друг друга.

Но деревья всё равно
Будут стоять между нами.

Львиный рык и курицын кокот

Добрый Перенов подарил мне
Львиный рык
И курицын кокот...
Весь день я ходила по городу,
И все говорили:
— Смотрите,
Вон женщина с рыжими волосами
Несёт в руках
Львиный рык
И курицын кокот.
И на мобильники фоткали.

Меня не пускали в магазины,
Говорили, что
С львиным рыком

И кокотом куриным
Они не обслуживают.

Только продавщица фруктов,
Заглядевшись на них,
Дала яблоко.

Устав от них,
Рыка и кокота,
Я решила
Их выпустить на свободу
И тихонько в воду опустила.
Так они и поплыли,
Между собой переговариваясь, —
Львиный рык
И курицын кокот...

Каждое утро

А. Н.

Каждое утро
Придумываю твою смерть.
И к вечеру
Она сбывается.
Но к рассвету
Ты снова оживаешь
И гладишь мои волосы.

* * *

Большие поезда не останавливаются
На маленьких станциях.

Август развода родителей
Гудит во мне гулом
Приближающегося поезда.
И нарастающим стаккато колёс...

Я с няней лето провожу
На маленькой станции,
Где дочь её флажками машет,
Встречая-провожая поезда.

Трудно в шесть лет сосчитать все вагоны.
То и дело сбиваюсь,
Ведь большие поезда не останавливаются
На маленьких станциях.

Я храбро по шпалам гуляю,
На рельсы монетки кладу,
А поезд их сплющивает.
Получаются большие и тонкие.
Немного развлечений на забытой станции.
Большие поезда не останавливаются
На маленьких станциях...

Две собаки, одна кошка,
Бабочки, и жуки, и птицы —
Бесстрашная фауна обитает
Вдоль линий железнодорожных.
И всех нас завораживают поезда,

Которые не останавливаются
На маленьких станциях...

С тех пор предпочитаю самолёты...

О лётчиках Первой мировой и неконтролируемой нежности

С. Ш.

Ты говоришь,
Фон Рихтгофен — «сапог».
Я говорю,
Он — «ас из асов».
Ты говоришь,
Он не рыцарь неба.
На минуточку, говорю,
А восемьдесят сбитых самолётов?
Эрнст Удет, говоришь.
Да, говорю,
Но он второй.
Эрнст Удет, говоришь.
Ладно, Эрнст Удет.
Только он не в моём вкусе.
У него был бар в самолёте,
И он застрелился.
Только он не в моём вкусе.
И ты не в моём вкусе.

Ты говоришь,
Тебе с детства нравятся

Девушки с причёской как у меня:
С чёлкой и распущенными волнистыми.
Я говорю,
У тебя нет шансов.

Итак, лётчики Первой мировой —
Летающие на скрипках Страдивари,
Поверившие в себя
И в своё дурацкое небо.
Счастливые и гибнущие.
Счастливые и гибнущие...
Я говорю.
Ты говоришь.
Мы говорим.

* * *

Стать стрелкой на часах
Казанского Кремля.
Клавишей Delete
Мирового компьютера.
Западающей си-бемоль,
Утренним бесцветным мраком,
Всеми собаками мира.
Очками Exte на родной переносице,
Безвольным сердечным клапаном —
Чем угодно,
Лишь бы не Лилей Газизовой.

Лилия Газизова о верлибре

1

Русский верлибр — одна из поэтических техник. Не более. Он не гость в русской литературе, как это видится некоторым. Также совершенно неверно противопоставлять верлибр организованному стиху. К сожалению, вовлекаются в этот беспредметный спор даже авторитетные и безусловно одарённые поэты, критики...

В верлибре огромный потенциал, который по-настоящему не распознан. Отчасти предосудительное отношение к верлибру со стороны как рядовых читателей, так и некоторой части литературного сообщества объясняется чудовищным количеством просто плохих верлибров, опубликованных в литературных изданиях или выложенных в *сеть* в последние годы.

Надеюсь, с него слетит и идеологическая шелуха, которую видят так называемые наследники «подлинных» традиций русской поэзии.

2

Верлибр стал для меня преобладающей формой более десяти лет назад. Парадоксальным образом, а может, закономерным, этому способствовали и драматические обстоятельства моей биографии. Позволив себе быть свободной в жизни, изменив себя и своё отношение к миру, я захотела нарушить и рамки *метра* в письме.

Мне интересно то, что делают Фёдор Сваровский, Ия Кива, Екатерина Симонова. Это очень настоящее.

Мария Галина

Родилась в Твери в 1958 году, окончила биологический факультет Одесского университета, занималась биологией моря. С середины 1990-х — профессиональный литератор; автор нескольких книг стихов и прозы, лауреат премий Anthologia (2006) и «Московский счёт» (2006, 2014). Живёт в Москве.

Из книг «Письма водяных девочек»
и «Четыре года времени»

Препарируя Брема

Необходимые пояснения. Несколько лет назад я для одного издательства комментировала трёхтомник Брема с точки зрения поправок на последние достижения зоологии и этологии. Выяснилось, что старик устарел в плане систематики и допускал типичные для своего века ошибки, говоря о поведении тех или иных животных, однако у его текста есть волшебное свойство: некоторые фрагменты (разумеется, в переводе) организованы ритмически. Часть этих фрагментов в произвольном порядке и представлена в данном цикле.

Болотная камышевка
В отличие от большой
Гнёзда над водой не строит

Питается горихвостка
Исключительно насекомыми
И приносит большую пользу

Гнёзда их разоряются
Совами и сычами
Иногда — крысами и мышами

Ворона даже можно
Приучить вылетать из дома
И возвращаться обратно
Но давать ему большую свободу опасно
Он убивает домашних животных

Птенцов родители
Выкармливают очень заботливо
Насекомыми, улитками и червями

Науманн слышал
Как одна кукша
Удивительно верно
Подражала ржанию жеребёнка

Брат Науманна
Застал однажды
Кукшу
За душением самки
Певчего дрозда,
Матери многочисленного семейства

По своим привычкам
И образу жизни
Это в высшей степени
Приятная птица

Живут мейны в гористых
Заросших лесом
Областях Южной Индии и Цейлона

Песня его простая
Хоть и не без приятностей
Она состоит из одной
Унылой, короткой строфы

Нередки случаи
Когда акула
Выпускает из пасти
Проглоченных ею людей

Плохой климат

У нас такой плохой климат
что все перипатетики
захлёбываются снегом
уходят на дно бесконечной чёрной зимы
не успевая
договориться до чего-нибудь толкового.

У нас такой плохой климат
что Диоген вечнокашляющий
из своего сырого контейнера
под трубами навесной теплотрассы
давно переселился
на цветущие поля асфоделей

у нас такой плохой климат
что Данте и Беатриче
после первой же брачной ночи
улетели в Таиланд на медовый месяц
и не вернулись обратно
живут там долго и счастливо
но нам ничего не пишут

У нас такой плохой климат
что киклопы кинокефалы
с окраин мира
переселились на помойки промзоны
говорят по-нашему
ничем от нас не отличаются
вообще ничем

Мария Галина о верлибре

1

Я понимаю, что есть определённая усталость от метра. Парадокс в том, что и от верлибра, как мне кажется, уже есть определённая усталость.

2

Я отношусь к тем авторам, которые полагают мнемонические приёмы, суггестию, аллитерацию и проч. важными составляющими текста. Тем более, русский язык вообще так устроен, что почти любая законченная фраза будет метрически организованной.

Марианна Гейде

Родилась в 1980 году. Автор двух книг стихотворений: «Время опыления вещей» (2005) и «Слизни Гарроты» (2006); трёх книг малой прозы: «Мертвецкий фонарь» (2007), «Бальзамы выжидают» (2010) и «Стеклянные волки» (2013).
Лауреат премий «Дебют» (2003), молодёжной премии «Триумф» (2005), «Стружские мосты» (Македония) за первую поэтическую книгу (2006), премии Андрея Белого в номинации «Проза» (2012).

* * *

Мы приблизились.

Ощерившись, встопорщив иглы, существо глядело на нас исподлобья.

Оно сделалось раза в полтора себя шире,

мнимым размером своим пытаясь нас запугать.

Признаться, нам как будто и вправду стало не по себе.

Хотя мы и знали, что оно не причинит нам никакого вреда.

Но вдруг как будто всё переменилось,

точно на секунду или две оно сумело своим нехитрым

манёвром перетянуть нас на сторону лесных людей,

на сторону их страхов и повадок, и их боги коснулись

наших макушек изнутри, так легко, точно жук пробежал.

А мы будто бы охотники. И боги окружили нас, как мы

околожи существо. Никто не должен оступиться, потому что

если ритуал будет исполнен неверно хоть в одном движении,

то не добыть нам игл для священного ожерелья.

Хуже, что — игл! Спугнём существо, прогневим богов —

и оно, пожалуй, наслёт на нас долгую зиму.

Зиму, голод, болезнь — что вздумается.

Поэтому нужно быть предельно осторожными.

Нужно, чтобы существо прониклось к нам доверием и подарило нам

иглы, потому что богам это угодно. Существо ведь само —

порожденье богов и через него боги лишь вернут своё,

а мы выкажем им своё почтение.

Много слов — а длится этот морок всего пару мгновений.

Мы ведь не охотники, не лесные люди.

Мы пришли сюда не за этим.

Или за этим?

Существо продолжает смотреть на нас исподлобья.

Как будто пытается загипнотизировать.

И мы на него глядим. Кто кого переглядит.

Чей взгляд окажется весомей.

Потом кто-то из нас, как бы стряхнув с себя наваждение,

разворачивает сеть.

* * *

«Мы видели:
яблоко упало
и под тяжестью его веса
земля ахнула и в ней осталась вмятина,
тогда мы всё поняли
про чудо, что удерживало его на ветке так долго
и не давало ей надломиться.
Мы подняли странный плод,
который, конечно, был никаким не яблоком,
точнее приподняли, еле-еле, двумя руками,
он треснул и из него стекала вязкая жидкость,
тёмно-красная, напоминавшая смолу.
Мы попробовали её, на вкус она отдавала медью
и была похожа на кровь.
До этого мы пробовали только свою собственную кровь,
и то лишь из любопытства.
Тотчас всё вокруг переменялось,
наши тела приобрели тяжесть
и сделались нам малы,
запахи обострились и стали почти вещественными,
мы могли взять след любой вещи
и прочертить её путь вплоть до места, где она упокоилась,
и этих следов было столько, что от этого лопалась голова,
нас штормило и шатало во все стороны от этого переизбытка знания,
с которым пока непонятно было что делать, как поступить.
В конце концов мы в изнеможении
упали в траву и поглядели на дерево,
а оно ухмыльнулось и произнесло:
«Вот вы и попались!»
затем обернулось стружкой дыма и утекло в небо.
Осталось лишь яблоко
или то, что мы принимали за яблоко.

Оно по-прежнему лежало на земле, треснувшее,
но весь яд из него вытек,
так что, когда мы подняли его, оно уже совсем ничего не весило,
и мы с досады смяли его шкурку и отбросили прочь,
долго, медленно потом поднимались, кое-как управляясь
собственными телами, сделавшимися нам в тягость, сожалея
о том, что никогда им не стать прежними,
невесомыми, сияющими»,

— так говорили ангелы, сидя на земле. Мы кормили их с рук
сушёным инжиром, поили квашеным молоком. Мы жалели
их и иногда выпускали поплескаться в воде. Они говорили,
что вода забирает их вес и они могут вновь обрести иллюзию
невесомости. Они говорили, что если бы умели дышать
в воде, то навсегда бы там остались, никогда бы не
выныривали на поверхность. Солнечный свет причиняет боль
их глазам, вызывая постоянное истечение слёзной жидкости.
Поэтому днём они спят в своих пещерках, выбираются из них
только ночью. Ведь у них глаза везде, и, оказавшись на свету,
они плачут всем телом.

* * *

Перед тем как установить контакт, их предупредили:
— Там всё происходит несколько заторможенно,
потому что перед тем, как сказать, они в уме считают до пяти
или до десяти — в зависимости от того, кто перед вами,
простолюдин или человек высокого положения,
чем выше статус, тем длиннее паузы,
этому их обучают с детства,
чтобы они могли контролировать агрессию,
чтобы иметь время всё обдумать и принять решение,
хотя обычно решение они уже приняли с самого начала

и медлят только ради приличия;
они все по природе довольно злые,
поэтому завели такой обычай,
чтобы хоть как-то сохранить сообщество.
Старейшины так и вовсе молчат минуты три,
прежде чем слово вымолвят,
с ними нужно быть особенно терпеливыми.
Они говорят в таких случаях: «Ничего, ничего,
боги на небесах — те могут ответить спустя годы,
а могут и вовсе никогда не ответить».
Поэтому старайтесь соблюдать их правила,
потому что если вы не будете соблюдать правила,
то они решат, что вы дикие,
и уничтожат вас просто из предосторожности.
Группа приняла эти сведения со всей серьёзностью:
к этому располагала судьба предыдущей группы.
Предыдущая группа отнеслась к ним недостаточно серьёзно.
Хотя, по существу, это было не так уж важно:
решение, как было сказано, они приняли почти сразу
и просто выжидали повода:
что-что, а это они умеют.

Марианна Гейде о верлибре

1

Как мне кажется, в начале 2000-х верлибр всё ещё оставался для русского читателя какой-то экзотикой, но в настоящий момент к нему уже все привыкли и воспринимают его просто как один из вариантов организации текста. С одной стороны, это уничтожает эффект «разрыва шаблона» — «что, и это стихи, по-вашему?», с другой стороны, оно и к лучшему, чем менее стереотипизировано читательское восприятие, тем больше внимания уделяется непосредственно тексту.

2

Для меня как простого читателя вообще не стоит вопрос о том, относить ли какой-либо текст к стихам или прозе, это, на мой взгляд, какой-то избыточный вопрос. Это скорее из области литературоведения. А как автору мне иногда очевидно, что ритм того или иного текста требует или не требует паузы в определённых местах. Но если речь идёт о каких-то фонетических экзерсисах, то это уже совсем другая история. А если о минималистичности текста, то третья. Некоторые тексты требуют большой пустоты для того, чтобы прозвучать. Некоторые просто нарезаются как бы для облегчения дыхания чтеца. А бывает и так, что тексты настолько сложно фонетически устроены внутри, благодаря внутренним рифмам или аллитерациям, что наличие каких-то внешних признаков (рифмы, чётко вычитываемого ритма) не имеет особенного значения.

Анна Голубкова

Поэт, прозаик, филолог. Родилась в Твери, окончила истфак ТвГУ (1995), филфак МГУ (2002), кандидат филологических наук (2006, диссертация «Критерии оценки в литературной критике В. В. Розанова»). Автор трёх книг стихов и четырёх книг прозы. Статьи и рецензии публиковались в многочисленных журналах и интернет-проектах. Монография «Литературная критика В. В. Розанова: опыт системного анализа» (2013) и сборник статей «Взгляд сбоку и немного сверху» (2016). С 1997 года живёт в Москве.

* * *

он был огромным
этот цех камвольного комбината
куда нас пригнали на практику
в рамках школьного упк
тем кому повезло
досталась информатика
но так как никто не знал
что это такое
они всю практику сидели
в кабинете и клеивали
основу для пропусков
а нам выпал камвольный комбинат
и вот мы стояли в огромном цеху
и смотрели на машины
меланхолически втягивавшие
бесконечные ленты
наполовину обработанной шерсти
доставшаяся нам профессия
так и называлась
оператор ленточного оборудования
перед началом работы
нас отвели на инструктаж
к бригадиру
он сидел в стеклянной будке
под самым потолком цеха
туда надо было забираться
по узкой металлической лестнице
в стеклянной будке
были почти не слышны
стук станков и шуршание
бесконечных шерстяных лент
оттуда сверху бригадир

как какой-то маленький божок
наблюдал за происходящим
и распространял грозу
или благоволение
*(конечно не имеет смысла упоминать
что бригадир был мужчина
а все работницы — женщины
но так и было на самом деле)*
и вот мы четыре школьницы
между десятым и одиннадцатым классом
стояли в платочках
перед толстым пузатым мужиком
сидевшим за грязным столом
и бренчавшим какими-то ключами
а за тонкими стеклянными стенками
урчали и рычали станки
переваривавшие бесконечные
шерстяные ленты
не пихайте пальцы в станок
говорил бригадир
а то оторвет палец
кто вас потом беспалых
замуж возьмет
мне было шестнадцать лет
я считала себя чем-то вроде женского
варианта милашки квазимодо
совершенно искреннее полагая
что настоящая любовь это не для меня
но даже мне эта фраза
показалась какой-то сверхциничной
разве замуж выходят для того
чтобы работать
почти подумала я тогда
но отвлеклась на толстые

волосатые пальцы
выстукивавшие по столу ключами
какую-то знакомую мелодию
да кому вы будете беспальные нужны
повторил бригадир
после чего мы расписались
в специальной книге
и пошли к своим рабочим местам
нашей задачей было подкатывать к станку
огромные круглые чаны на колесиках
заправлять в специальное отверстие
шерстяную ленту
и на выходе подставлять пустые емкости
чуть меньшего размера
это было самое скучное
время в моей жизни
работа была очень простая
она не требовала
специальных навыков
станок прогонял через себя ленту
за несколько минут
у меня была с собой книга
но читать было невозможно
и эти минуты приходилось ходить
по цеху взад-вперед
смотреть на грязные окна
с выбитыми квадратиками
толстых стекол
на теряющийся где-то в высоте
огромный потолок
на мрачных работниц в фартуках
бегающих вокруг таких же станков
единственной отрадой
было посещение столовой

где наряду с жидкими щами
синеватым картофельным пюре
и плоскими невкусными котлетами
продавались огромные оладьи
похожие на подошву
почти несъедобные
но удивительно прекрасные
в своей абсолютной бесполезности
а после столовой я шла обратно в цех
чтобы бесконечно кружить
вокруг станка
бесконечно пережевывающего
толстую шерстяную ленту

* * *

в твери женщина 39 лет
по образованию филолог-русист
бывший учитель русского языка и литературы
пошла погулять со своим шестилетним сыном
ударил его два раза по голове
и нанесла более 40
колото-резаных ранений в области тела
а затем попыталась сжечь труп
ее поймали в тот же день
но будучи в состоянии
сильного алкогольного опьянения
она даже не понимала
чего от нее хотят все эти люди

иногда эта баба
кажется мне метафорой россии

страны пожирающей своих детей
на завтрак обед и ужин
в любое время дня и ночи

в комментариях на местном сайте
добрые люди соревнуются
в описании способов казни
женщины согрешившей
против своего предназначения
народное мнение единодушно —
она заслуживает только смерти
как можно более жестокой
и желательно публичной

вот точно так же
они поступят и с тобой
моя бедная родина
медея антибогородица

мальчика кстати
звали родион

Анна Голубкова о верлибре

Русский верлибр, по моему, прекрасноразвивается в настоящее время. Хотя, как ни удивительно, до сих пор спорадически возникают дискуссии о том, можно ли считать верлибр поэзией или же его нужно отнести к прозе. И это в эпоху, когда границы между прозой и поэзией точно так же становятся проницаемыми, когда стихотворением вообще может стать документ или самое обычное подслушанное на улице высказывание. По большей части то, что у нас называют верлибром, на самом деле чаще всего является гетероморфным стихом. Вот и мне, например, было довольно сложно найти у себя верлибры «в чистом виде», без каких-то ритмических фрагментов и/или звуковых повторов. Вообще русский язык сам по себе довольно мелодичный, и исконные русские стихи были тоническими. Так что когда поборники строгой силлаботоники выходят в битву под знаменами традиции, это всегда выглядит немножко смешно. Ну и в любом случае (это и силлаботоники тоже касается) не имеет смысла заранее навязывать стихотворению какую-то внешнюю форму. Главное, чтобы его форма наилучшим образом соответствовала содержанию.

В моей практике верлибр и близкие к нему стихотворные формы занимают основное место. Очень редко пишу силлаботонические стихотворения, и чаще всего они призваны придать произведению слегка комический или иронический оттенок. Конечно, в ранней юности я сочиняла рифмованные стихи, но они уже тогда не нравились мне своей предсказуемостью и какой-то совершенно неискоренимой банальностью. Это, разумеется, не значит, что сейчас невозможна интересная силлаботоника. Возможна, но она требует, как мне кажется, какой-то совершенно чудовищной работы над собой и стихом. Верлибр же позволяет не только чувствовать себя более свободной, но и выявлять поэтические средства, и так уже заложенные в русском языке. Известно, что Чехов называл прозу Бунина «тройным бульоном». И вот для меня чаще всего силлаботоника — это масло маслом масляное, то есть нагромождение художественных средств, цель которого, чаще всего, одна — «сделать красиво». Поэтому, конечно, именно верлибр, у которого нет памяти жанра, нет дополнительных семантических значений, дает поэту возможность в полной мере показать то, на что она/он способен.

Дмитрий Григорьев

Родился в 1960 году в Ленинграде. Автор нескольких книг стихов и прозы, многочисленных публикаций в тонких и толстых журналах, лауреат премии имени Н. Заболоцкого (2005). Некоторые стихотворения и рассказы были переведены на основные европейские языки. Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Положи мои слова на землю,
утрамбуй их ногами, чтобы не поднимались,
чтобы сеточка подошвы отпечаталась на каждом,
чтобы их никто не трогал и,
проходя мимо, каждый говорил: «Бросовая вещь».
Чтобы их засыпало снегом,
чтобы на них мочились собаки,
чтобы они были незаметны, словно
прошлогодние листья,
чтобы, глядя на них,
говорили: «Земля...»

Тогда подними мои слова к небу.

* * *

Я ехал к тебе так быстро,
что встречные пчёлы
изрешетили меня как пули...

Только пыльца и мёд
остались в моём сердце.

* * *

Строители потеряли уровень
длинный, алюминиевый, с пузырьком
в стеклянном окошке,

всё перевернулось с ног на голову —
не найти линию горизонта,
и строгая вертикаль
куда-то уехала,
дом стоит недостроенный,
а рабочие бродят по саду
в своих оранжевых касках,
словно грустные птицы,
смотрят на деревья —
те уж точно знают, где верх, а где низ.

Далеко от дома

Мне нечего читать,
кроме пустых клеток в блокноте
да старых смс на экране телефона,
в которых так много спрессованных слов о любви,
что хватит на сотню романов,
и каждое второе сообщение
заканчивается поцелуем,
порхающим в эфире,
потерянным в электронных сотах...
А о чём ещё писать?

Я мысленно продолжаю каждое сообщение,
разбрасываю буквы
по зелёным холмам Ирландии,
которых никогда не видел,
но могу представить
зелёное сукно бильярдного стола,
где так долго спали любовники,

что в отпечатки их тел
закатываются словно в лузы
золотой шар солнца,
серебряный шар луны.

Моя работа

Я — бездельник
и божественное время трачу даром...
Трачу его и трачу, так что порой самому стыдно,
вот возьму завтра и скажу: «Гости,
я собираюсь работать — уходите из моей жизни!»

А какая же у меня работа?
Божественное время тратить даром,
больше ничего и не умею...

* * *

На этой планете
космонавты наркоманы
бегают за крысами мутантами
среди мясистых мухоморов
и тощих поганок.

Я спросил космонавта в серебряном комбинезоне:
«Зачем ты бежишь за этими крысами,
розовыми, с белыми бантиками на голове,
с очаровательными хвостиками,

которыми они пишут друг другу письма
синей тушью туч, белым молоком облаков».

Космонавт ничего не ответил,
только бросил в меня безумный взгляд,
словно камень
из окошка гермошлема,
и пыхтя умчался.

Думаю, что космонавты до сих пор бегают,
а моя крыса уже вернулась,
поймала очередную тучу,
высунула язык и аккуратно выводит кончиком хвоста
письмо подружке.

* * *

Башмаки мои продырявились,
и один всё время слетает —
лучше я перейду эту лужу,
этот перекрёсток,
эту жизнь
босиком.

Дмитрий Григорьев о верлибре

1

А что верлибр? Всего лишь одна из устойчивых форм бытования современной русской поэзии. На мой взгляд, рифма и ритм не являются обязательными признаками поэтической речи, её в большей степени определяет особый род энергии, интонация... «Каждый слышит, как он дышит. Как он дышит, так и пишет...» — весьма точно спел Окуджава. Пранаяма, правильное управление дыханием, а значит и переносимой энергией, лежит в основе почти всех духовных практик, в том числе и поэтической. А форма пойманного и записанного стихотворения — дело вторичное, зависит от множества причин, в том числе и от личности ловца. Поэтому верлибр жил, жив и будет жить. На мой взгляд, сейчас большинство читателей поэзии его понимают и признают. Ну и поэтов, создающих свободные стихи на русском языке, становится всё больше.

2.

У меня мало «чистых» верлибров, в основном гетероморфный стих — так я слышу весь этот джаз вокруг и внутри с его риффами, свингами и зачастую — кодами-рифмами. Среди моих знакомых есть и поэты, склонные к рифмованному высказыванию, и почти «чистые» верлибристы. И первые, и вторые иногда выдают яркие, сильные стихотворения. Какая разница верлибр, это или нет?

Фаина Гримберг

Образование: филолог (очное), историк (заочное). Опубликовано более двадцати книг стихов и прозы; в том числе романы «Клеопатра», «Золотая чара», «Своеручные записки Элены фон Мюнхгаузен», «Судьба турчанки, или Времена империи» и другие. Сборники стихов: «Зелёная ткачиха», «Любовная Андреева хрестоматия», «Четырёхлистник для моего отца», «Повесть о Верном Школяре и Восточной Красавице» и другие. Лауреат поэтической премии «Различие».

Спокойное стихотворение фантазия

Валентине Стефаненко и Венсану Молли

Мы бродили вдоль Енисея
Мы поднимались в горы
Валя жила в детстве на берегу Енисея
в посёлке Черёмушки
Теперь она туда ездит каждое лето
Я поехала с ней
Я уговорила моего сына-подростка поехать с нами
И вот мы идём
мы живём
Валя, хакаска Зоя, мой сын Венсан и я
Утром Зоя здоровалась с восходящим солнцем
поднимала к нему руки
Дома у неё был цветной телевизор
потому что её русский муж работал на золотых приисках
Она научила Валю есть зимнюю рябину и не бояться медведей
Это были горы Западные Саяны
Тайга
Десять километров
Мы идём от посёлка по гравийной дороге
до тропы
идём по лесу до курумника
идём по торчащим из-под камней корням кедров
Подъём на курумник
И вот луга высокогорья
Вот маленькие кедры и хребет Борус
Только на самом деле кедр — это такая сосна
это сибирская сосна
А пока до курумника дойдёшь по лесу
оводы преследуют, как войско летящих врагов

Но вот уже на высокогорье только редкие осы
и пауки ползучие на камнях
И какие-то ещё существа существуют под корнями деревьев
А река
она даже не текла
она шла, она катилась вдоль гор
она виделась сине-серой и тёмно-голубой
А небо виделось беловато-серым
И клочковатые, немного прозрачные облака
И сладкая черника поздним летом
Валя собирала её скребком в такую деревянную посуду
У Венсана пальцы и губы почернели от чёрной черники
Это детское что-то в нём
и у меня нежность до слёз
Почему-то я вспомнила
как мой маленький сын вставал в кроватке
на матрасике
застеленном белой чистой простынкой в мелких бледных цветочках
голенький вставал на ножки
толстенькие ножки
и сердито вцеплялся пальчиками в перильца
У него были такие мягкие маленькие волосики
Я схватывала его на ручки и целовала нежные щёчки
А сейчас он худенький и узколицый
с каким-то своим миром в голове
неоткрытым мне
Мой сын становится всё более незнакомым мне
Я это поняла
и страдала от этого своего понимания
Часто когда он говорил
он как будто говорил сам себе
Однажды, когда мы все сидели у костра,
он вдруг сказал, что хотел бы заниматься музыкой
хотел бы научиться играть на саксофоне

А в горах наверху вдруг становилось холодно
Я просила Венсана надеть куртку
Он взглядывал мрачно
ему была неприятна такая мелочная опека
Он нарочно не надевал куртку
Я училась терпеть
Валина собака гоняла бурундуков и пищу
Я смотрела на моего сына
Он бегал из стороны в сторону за собакой
Собака громко лаяла
Я боялась смотреть на него
потому что ему не нравилось,
когда я так пристально смотрела на него
Поэтому я быстро водила глазами сверху вниз —
от его черноволосой, коротко стриженной головы
и насмешливой улыбки
к быстрым ногам в чёрных спортивных штанах
Его кроссовки взлетали низко над землёй
Мы все так одевались, ходили здесь —
в футболках, спортивных штанах и кроссовках
А я ещё повязала голову цветастым платком
по-мусульмански
закрывая лоб
и надевала ещё платье
Я и тогда была толстая
и мне было бы стыдно,
чтобы штаны обтягивали зад
А когда я повязывала платок, я вспоминала быстро мамину маму
мою татарскую бабушку
она так любила меня
Но платок она так не повязывала
А еврейскую бабушку, мать отца,
плакальщицу на еврейских похоронах

я никогда не видела
она давно умерла
Я боюсь за Венсана
потому что в тайге ползают гадюки
и если на них не наступать, они не тронут,
но ведь нечаянно возможно ведь наступить
и летом клещи
Валя их выдёргивает из шерсти своей собаки
Из-за этих клещей и гадюк я совсем не могла наслаждаться
красотой реки и тайги
потому что я боялась за Венсана,
и надо было сдерживаться
и не говорить ему, чтобы он был осторожен
Но вдруг я ни о чём не могла думать, даже о сыне
я была вся — странное наслаждение этим воздухом, водой реки,
тайгой
Я была как будто живое дерево,
редкая в этих местах берёза
я была стая бабочек светлых над лужей на дороге
я была муравьиная тропинка с мелкими чёрными муравьями
и неведомым зверем из дальней чащи я тоже была
и красивой рысью с кисточками на ушах
и курумником я была —
каменной россыпью
сползающей медленно вниз
со склона горы
я была
В малиннике мы собирали малину
Мы поднимались на большой и малый Борус
и ходили к горному озеру
И ночевали жили в приюте имени Пелихова
Это была изба, там были сени, и нары, чтобы спать
Пелихов основал этот приют
для тех, кто в тайге

Он потом погиб
А в этой избе всегда готовили чай и еду
и не ругались матом
Там бывали разные люди
Мы там жили и не боялись
Потом эту избу-приют сожгли,
но мы сейчас об этом не знаем
Валя и Зоя сбивают кедровые шишки
большой деревянной колотушкой
собранной из двух стволов деревьев
Они сами сделали колотушку
Шишки сыплются на землю
Мы завтракаем за длинным дощатым столом
Мы обжариваем шишки в костре,
чтобы не замараться смолой,
и едим орехи из шишек
На рассвете Зоя поднимает руки и голову к солнцу
и какое-то время так стоит
Она приветствует солнце
На обед мы варим суп в котелке на костре
жарим грибы-лисички в сковороде
Мы добавляем в наш чай три листочка
шаманской травы сайган-дайля
«Это Россия» — задумчиво и серьезно сказал мой сын
привыкший проводить лето в одной французской деревне
где живут родные его русского отца
возле города Лангр в Шампань-Арденнах
А я думаю, что мой сын не ошибся
он сказал правду.

Фаина Гримберг о верлибре

1

На мой взгляд, это очень популярная форма русского стихосложения. Но верлибр и рифмованный стих в равной степени должны использоваться поэтами.

2

Я часто использую свободный стих; мне интересно работать с вариациями ритма; но, конечно, не отказываюсь и от рифмованного стиха. Два моих самых любимых поэта — Мария Ходакова и Александр Воловик — пользуются почти всегда рифмованным стихом.

Андрей Грицман

Поэт, эссеист и врач. Родился в Москве. Окончил 1-й Московский медицинский институт. С 1981 года живёт в США. Пишет на русском и английском. Автор пятнадцати книг на двух языках. Публикации во многих журналах, включая «Новый мир», «Октябрь», «Дружбу народов», «Урал», «Арион» и другие. Более ста публикаций в англоязычной периодике. Стихи и эссе включены в несколько международных антологий и переведены на европейские языки. Основатель и главный редактор журнала «Интерпоэзия» (2004) и ведущий поэтических вечеров в популярных литературных клубах Нью-Йорка. Живёт в Манхэттене.

* * *

Господи, как я хочу начать сначала!
Поселиться в пригородном домике,
окружённом магнолиями и покосившейся
деревянной оградой.
Выносить мусор по средам,
банки-бутылки по четвергам.
Приезжать домой вовремя.
Рассказывать о событиях дня.
Распускать галстук, плотно глядя
на индюшачьи котлеты.
Долго спокойно курить, наблюдая,
как ты сортируешь почту.
Смотреть сериал вполглаза.
К двенадцати лечь, почитать
дневники Кафки, просмотреть
стихи в последнем «Нью-Йоркере»,
напоминающие скелеты лодок
на берегу пересохшего озера.
Ощутить счастье обитаемого
острова в океане.
Дождаться момента наступления
твоего лёгкого женского сна,
плывущего всё дальше от меня
к берегам девичьего детства.

Улучив момент, выскользнуть из постели,
бесшумно выломать дверь счастья,
выскочить наружу,
бежать куда глаза глядят
мимо чужих фосфоресцирующих окон,
оставляя клочья шкуры на

ветвях деревьев. Добраться
до окраинного сырого оврага,
где всё ещё тлеет тот костёр,
пахнет дымом неизвестного
мне дерева, найти место,
где я когда-то спрятал то,
что всё равно не могу найти,
заметить тень её фигуры,
стремительно ускользящей
в темноту.

Улица

Я помню стену, улицу и дым повисший
над рекой невидимой. И я один из них
но неизвестно им моё присутствие или я
один, другой среди теней на стенах
зовущих тянущих живую руку но
улицу не перейти. Тих сумеречный мир
ни звука. Тени на стене от без вести
пропавших. Память камня словно
плющ ползущий грибница памяти
кладбищенская чаща.
Бесплоден спор — рука
не достигает взлетевших птиц. Ворота
приоткрыты не видно лиц. Всё говорит
о том что жизнь была и есть
всевышний пролетел задев крылом
ночную тень от башни.
И след его пропал.
Но двое без конца ведут свой разговор.

Они его не слышат.
Он — в шуме лип и в осязание
ветра с невидимых полей за городом.
Поодаль ребёнок не уснул.
Он слышит гомон
взрослых а дальше час такой — не слышно
туда тел
лишь шёпот душ по улице
где ангел пролетел.
Не видно выхода но это
не тупик. Граница города в беспамятстве
полей. На улице пока светло. Прозрачный
ранний вечер. Пора идти домой — на свет
на запах быта. Но некуда идти. Остыл
последний след. Расположение тел
геометричность жеста — по Лобачевским
линиям за мглу за горизонт. Но
горизонта нет. Лишь явная черта
на улице потерянных имён последних слов
безмерного остатка недосказанного.
Потом фигуры тают и речь
теряется в светлеющих стволах.
И только стая знает — есть у птиц душа
иль только сгусток гладких мышц
несущих терпкий свой глоток. Но есть
душа у мест. Так облучённый лес
несёт свою судьбу сквозь ядерный овраг.
На улице почти пустой — пыль шорохи
судьбы. Но обещанья нет что кто-нибудь
дойдёт. И утром не найти следов монет
вещей оставленных впотьмах
у каменных ворот. Никто и не придёт.

А за окном — быт нем как натюрморт.
Недвижимый до будущего века.
Но тонким пульсом — жизнь на волоске.
Свет тёмных глаз в глухом растворе мрака.
Так и моя семья: кто в лес
кто по дрова. Молекулы любви
рассеяны по свету.
И на пути туда — я говорю себе
и женщина-судьба послушает
кивнёт и медленно уйдёт
по тихой улице за раму
без ответа.

Андрей Грицман о верлибре

1

Русский верлибр находится в периоде развития. Удивительно, что ещё продолжают дискуссии о правомерности этой формы стиха. Как и в других формах литературы, всё зависит от дарования автора и от развивающейся техники применения. От понимания того, как соотносится «исповедь души», то есть поэтическое творчество, с интонацией, голосом, с данной формой. Свободной от режимных условий русской силлабо-тонической поэзии. Есть прекрасные авторы, которые «созрели» и у которых данная форма выглядит естественно, органически.

2

Я пишу по-русски и по-английски. Естественно, что в англоязычном творчестве я пишу свободным стихом, свойственным американской поэзии и американскому английскому языку. На русском есть ситуации, когда поэтическая речь сама диктует форму верлибра. Порой традиционная форма стиха не позволяет выговориться, выразить мысль-эмоцию. Я думаю, что создать эффективный верлибр на русском сложнее, чем традиционный стих. Чтобы он работал, нужен значительный заряд, сгусток эмоции, чтобы текст на расползался. Это нужно отличать от минималистской формы стиха, жанра, в котором работают несколько интересных авторов.

Владимир Губайловский

Родился в 1960 году в посёлке (ныне город) Посылаево Кемеровской области. Окончил мехмат МГУ. В настоящее время редактор отдела критики журнала «Новый мир». Первое стихотворение опубликовано в 1985 году. Стихи публиковались в журналах «Новый мир», «Дружба народов» и других периодических изданиях и антологиях. Автор книг стихотворений «История болезни» (1993), «Судьба человека» (2008). Лауреат премии журнала «Новый мир» (2001), премии «Заветная мечта» за роман «Камень» (2008), русско-итальянской премии «Белла» в номинация «Эссе о поэзии» (2015). Живёт в Москве.

* * *

Помоги мне смириться.
Дай мне силы остаться тем,
кем я был испокон:
мужем, отцом,
человеком, чья жизнь занята целиком
тяжёлым, невнятным трудом,
не дающим ни радости, ни покоя;
посвящена
попыткам немного ещё заработать
на хлеб насущный...

Я плакал, слушая «Апокалипсис».
Я слышал, как тает моё ледяное сердце...
Под сводами Домского
протестантского собора,
в заснеженной Риге, в Старом городе
холодным ноябрьским вечером.
(В Домском жёсткие,
неловкие лавки,
к тому же не топят.)

Разбуженные, вознесённые
хором мужским, детским хором,
колебались огромные ветви
тревожного звука.
И своды собора гудели,
как паруса, плотно набитые ветром.
И осыпался серебристой фольгой
гул металлического огня.
И шумело под ветром,
и, тяжёлое, падало на пол,
и взлетало, рассекая пространство

голосом чистым и женским,
Слово.
И возглашало дитя:
«Первый ангел вострубил».
Силы какие проснулись во мне,
что откликнулось в сердце
на слова Иоанна?
Если бы знать.

Смирись. Пусть будет что есть,
пусть твоё сердце болит.
Я хочу, но я не смогу, не выдержу, нет...

Судьба, как телега, увязла
в чавкающей колее
по самую ступицу.
Какие же силы нужны,
чтобы стронуть её.

Дай мне помощь в труде ежедневном,
в каждом шаге моём.
Нет больше надежды,
гордых прав одиночества нет.
Слаб я.
Не верю в абсурд бытия.
Мир прекрасен, но я-то ничтожен.

Ничем я не заслужил твоей помощи,
нет во мне веры, и грязны мои помыслы —
славы хотел я. Прости мне, Господи.

Дай мне знак.
Чудо, которое совершилось,
слишком легко объяснить —

случайностью, совпадением, ошибкой...
Мир не любит чудес, не выносит —
слишком они тяжелы — тонут.
Мир смыкается топью,
ровняет разрывы ряской.
Не нужны чудеса, нет в них пользы.
Прячут венцы творенья
головы в песок материальный.

Прости мне.
Прегрешения тяжкие,
неверье ничтожное,
окаянную гордость мою.
Если Ты хочешь...
Если Ты хочешь.

Ода футболу

Футбол — это парад уродов.
Вы видели, как защитники
Прячут за спину руки, играя в штрафной?
Тынянов писал, что звук похоронит кино,
Искажит его пластику и музыку,
Потому что кино не театр, а балет.
Футбол — это немое кино.
Когда мяч как приклеенный подчиняется повороту стопы,
Когда он обтекает бедро и падает на подъём,
Когда голова становится идеальным
Ударным инструментом...
Когда мяч от одного игрока к другому
Летит, подчиняясь единственному касанью,
И вся команда кажется часовым механизмом,

Который на невозможной скорости
Раздвигается, покрывая пространство,
Как это было у команды-мечты Гельмута Шёна в 1972-м,
Как это было у великих голландцев в 1974-м,
Как это было у киевского «Динамо» в 1985-м...
Тогда перехватывает дыхание,
И ты не понимаешь, как такое возможно.
Футбол — великая игра —
Игра безруких.

Смерть вратаря

*«Анжи» (Махачкала) — ЦСКА (Москва) — 0:0. Чемпионат России.
18 августа 2001 г. Махачкала. Стадион «Динамо». 18000 зрителей.*

Если бы Перхун выставил колено,
Наверно, Будунوف получил бы травму —
Он шёл на мяч отчаянно и безоглядно,
Но тогда бы они не столкнулись головами.
Вратаря унесли с поля. Нападающий ушёл сам.
Отёк мозга у Перхуна начался сразу,
В самолёте он впал в кому,
Из которой уже не вышел.
Ему было 23. Он был талантлив.
У него была беременная жена.
Но он не выставил колено.
Будунوف вернулся на поле —
Только в следующем сезоне.

Пересматривая видео этого столкновения,
Я думаю о рыцарском турнире,
Когда обломком копья

Был смертельно ранен французский король
Генрих II.
Перхун был тоже
Как король неосторожен.

20 лет спустя

*Майкл Мурер, США — Джордж Форман, США. 5 ноября 1994 г.
Лас-Вегас, Невада. Чемпионский бой за титулы WBA и IBF
в тяжёлом весе. Бой 12 раундов.*

10 раундов Форман стоял,
Прижавшись к канатам,
Закрывшись перчатками,
Под градом ударов
Стоял и терпел.
Ему уже 45 лет,
Он не может порхать по рингу,
Как 20 лет назад,
Когда он проиграл великому Мохаммеду Али.
Но он может стоять,
10 раундов под градом ударов,
Понимая, что все судьи
Уже отдали победу противнику.
Терпеть и ждать.
Поединок заканчивается
У Формана нет ни единого шанса.
Мурер уверен, что победил,
И на мгновение он ослабляет контроль.
Удар Формана —
Тяжёлый, как трамвайная полуось, —
В челюсть.

Мурер рушится на пол.
Судья начинает счёт.
Мурер лежит без движенья.
Счёт кончается. 10!
Мурер не может подняться.
Это — нокаут.
Форман становится чемпионом мира
Второй раз —
20 лет спустя.

Владимир Губайловский о верлибре

1

Сорок лет назад Давид Самойлов в «Книге о русской рифме» написал: «Свободный стих состоится лишь тогда, когда возникнет его национальная форма. Создателем его может быть только гений. Нынешние образцы верлибра ещё не обеспечены потенциалом таланта. Свободный стих в переводе чаще всего терпит крах. Нет ещё оригинального подхода к свободному стиху. Видимо, не настало для этого время».

Любая «национальная форма» — это «ветвь меньшая на стволе» мировой культуры. Беда советской поэзии не в том, что «не настало время», беда — в её искусственной изоляции, в её оторванности (отломанности) от поэзии мировой, в её консервативности и неспособности увидеть действительно новые явления, случившиеся прямо у неё под носом.

Советский переводной верлибр — это придуманная переводчиками искусственная стиховая форма, которая уже при рождении была маркирована как иностранная. Такой как бы русский гекзаметр, который должен изображать звучание Гомера. Или верлибр, который хочет прикинуться Уитменом. Такой верлибр основой национальной формы стать не мог. И ведь был поэт (и, конечно, он был не один, но для меня это имя особенно важно), который уже в то время, когда Самойлов писал свою книгу, работал с настоящим русским верлибром — это Ян Сатуновский. Может быть, Сатуновский и есть тот гений, которого Самойлов не видел, сетуя на необеспеченность верлибра «потенциалом таланта».

Советская поэзия не могла принять в себя мировую по элементарной причине: читать по-английски, по-немецки, по-французски, по-испански могли единицы. Даже переводчики европейской поэзии часто работали с подстрочниками.

Чтобы возник русский свободный стих, требовался не новый гений, а новый читатель. Самойлов просто не мог представить, что придут целые поколения людей, выросших в русской языковой культуре и свободно переходящих с русского Youtube-канала на английский, те, кто может взять билет на самолёт,

через несколько часов выйти в Риме или Париже и услышать живую итальянскую или французскую речь. Но это случилось.

Конечно, сравнительно немногие русские читатели и сегодня могут читать в подлиннике Целана или Паунда (впрочем, большинству немецких или английских читателей это тоже непросто), но вместе с обыденным языком абсорбируется его глубокий опыт, который уже впитал поэтическую культуру, и в том числе культуру свободного стиха.

И мы наконец прочитали Сатуновского и что-то поняли про себя самих, но уже в другом — мировом контексте. А вопрос о русском верлибре сначала потерял остроту, а потом просто ушёл с повестки дня, как что-то странное, архаичное, забавное даже. Вот ведь над чем люди копыя ломали.

О том, что верлибр сегодня — нормально работающая форма, говорит и такое, например, ощущение: когда я вижу стихи с расшатанным ритмом и неточной рифмой, они кажутся не приблизительной силлаботоникой, а напротив, регулируемым свободным стихом. А это совершенно другое восприятие и представление.

2

Когда я работаю над текстом, я не могу отделить содержание от метрической формы. В некоторых случаях это — верлибр. Очень редко это сознательный выбор. Но так случилось, что на протяжении нескольких лет я писал почти исключительно верлибром. Потом мне захотелось канонической строгости. Маятник качнулся. Это нормально.

Из поэтов, пишущих верлибром, мне наиболее интересен опыт Санджара Янышева. Его книга «Умр. Новая книга обращений» — это почти проза, но она собрана из прозрачных метрических кристаллов. В таком пространстве замедляется время, а само пространство работает как собирающая линза. Это свежо и сильно.

Данила Давыдов

Поэт, критик, редактор. Родился в 1977 году в Москве. Окончил Литературный институт имени А. М. Горького (семинар прозы Р. Т. Киреева) и аспирантуру Самарского педуниверситета. Кандидат филологических наук; диссертация «Русская наивная и примитивистская поэзия: генезис, эволюция, поэтика» и ряд научных публикаций на эту и другие темы. Автор десяти книг стихов, книги малой прозы, книги критики и эссеистики. Редактировал ряд антологий премии «Дебют», раздел в антологии молодой поэзии «Девять измерений»; был редактором и соредактором журнала «Шестая колонна», вестника молодой литературы «Вавилон», альманахов «Окрестности» и «Абзац». Лауреат премий «Дебют» (2000), Anthologia и «ЛитературРентен» (обе за критические работы о современной поэзии; 2009). Около тысячи критических текстов в разных жанрах, опубликованных в специализированных изданиях. Стихи и проза публиковались в журналах «Новое литературное обозрение», «Воздух», «Новый мир», «Волга», «Черновик», «Митин журнал», «Интерпоэзия», «Зеркало», «Крещатик», «Дружба народов», «Урал», «Алконость», «Новая Юность», многих других изданиях, в переводах на более чем десять языков. Живёт в Москве.

* * *

мы не должны
наделять авторов древней поэзии собственными эмоциями
понятиями нашего века
это была ритуальная эпоха
время, когда поклонялись
вполне социокультурно определяемым механизмам
по сути, эпоха без личности
лирика той эпохи — лишь повторение канонов, заданных
внешними по отношению к так называемому
«автору» обстоятельствами
не более того.
сложно сравнивать эту лирику с современной
никогда не следует забывать, что лишь теперь лирика —
способ передачи индивидуального чувства,
в прошлом же, вопреки обывательскому мнению,
не было ничего такого, —
пишет литературовед сорокового века
сидя на ганимеде или калипсо
в нанокварцевой кабинке своей

* * *

чтобы создавать свободу
надо
подробнейшим образом
изучить насилие

часто бывает,
что в процессе изучения
насилие становится
интересней свободы

* * *

помнишь, товарищ,
девяносто девятый, к примеру?
не уверен, что помнишь
ты ведь уж не хочешь быть мне товарищем

ты ведь куда-то уехал безвестно,
или чиновником стал,
или умер,
или просто тебе всё это скучно теперь

но вспомни, товарищ

* * *

мне не верят, когда я пишу о любви
о законах её, о её неприятностях,
тяжести невыносимой её

вы не верьте, не надо, пускай
я останусь лишь тем,
кто веселит и сообщает информацию

* * *

когда ж ты уже
разорвёшь оболочку
внутренняя тварь

Бутылочное горлышко

когда совсем небольшой стаей
они шли из мёртвых мест
в них содержались
нерождёнными пока потомками
и те,
кто будет убит,
и те,
кто будет убивать,
и те, кто убьёт убивших

* * *

очень хороший результат
через две станции
у него проснулась совесть

* * *

одна старая хиппейская знакомая
пишет: как вы смеете оскорблять родину?
пусть у неё есть недостатки и даже язвы,
но можно ли осудить больную мать?
нет, дорогая, больную мать осудить нельзя,
и предать её нельзя,
но есть матери не больные, а злонамеренные,
те, кого лишают родительских прав

* * *

по мёртвым что, говорит он, закусывая
у них свои там есть устройства, и, пока мы их помним
им в общем-то хорошо

я смотрел на него с изумлением,
не то чтобы я был чужд цинизма,
но это как-то даже в моих понятиях переходило за грани.

они там вообще, причмокивая говорил он,
живут за счёт нашей памяти
вообще, за счёт крови и души, которые поедаемы ими

я не мог возразить, ведь тут и не возразишь,
а просто не хочу, чтобы память так была устроена
желание же моё, конечно, лишь частная проблема

истина тем более

* * *

если б космический коммунизм имел бы смысл
то под мелодию поля мориа
можно было б и слиться в экстазе

но, говорят, уточнили формулу дрейка
и раньше издохнут все, чем услышат наш голос

ты издохни, грантовая подстилка,
что детство у меня отбирает
и будущее у себя самого

* * *

анамнез-то разный у всех —
сказал Философ, так разгибая спину,
потягиваясь, что хотелось повторить его жест,
ведь шея, и, но казалось,
теперь нельзя

они всё думают о некоторых формулах поведения —
сказал Философ, почёсывая бедро.
он носил такие, знаете, брюки, тактильные, открытые миру.
— они полагают, что истина достижима
системным распределением, кластерным анализом —
сказал Философ. он, спокойный, закурил,
— и нет никого, кто мог бы противопоставить этому идиотизму
личный, выстраданный бред

я осмелился возразить, что поэзия, возможно.
он посмотрел на меня прямо,
и тогда я впервые увидел, что глаза-то его
совершенно безумны

— мы никогда не полагались на ритм —
сказал Философ

но вот уж с этим я точно не согласился

* * *

пересмотр некоторых исторических сценариев
зависит от нас
зависит от коллективного действия
от индивидуального ума

пересмотр некоторых антропологических сценариев
никак от нас не зависит
зависит от эволюционных процессов
от внезапных астрономических событий

здесь следовало бы перейти к синтезу
но синтеза не будет
будет лишь утомлённая привычность иронии
по отношению к тому, что нельзя терпеть

Данила Давыдов о верлибре

1

Свободный стих вот уже несколько поколений выступает в качестве какого-то прецедентного случая, камня преткновения и бесконечного повода не столько для дискуссий, сколько для априорных высказываний, подчас сугубо априорных и проникнутых вкусовщиной, подчас более взвешенных, но всё равно субъективных. Меж тем, возникая спорадически ещё в позапрошлом веке, в эпоху отечественного модернизма и авангарда, верлибр проявился (как и другие радикальные способы отхода от стиховой инерции — чисто акцентный стих, вплоть до раёшника, минимализм, версе, визуальная и графическая поэзия, не говоря уже о разного рода полиметрии и гетероморфности) как вполне самостоятельный тип организации поэтической речи. Советская эпоха, боясь всего свободного, боялась и свободного стиха, как любых иных неконвенциональных типов письма, — а конвенцию она помещала где-то между ломоносовской одой и суриковскими бедняцкими ямбами. Верлибр защищали (Сельвинский, Самойлов, Озеров), но, как правило, в стилистике «дадим и этим право на существование». С другой стороны, разгромленное в эпоху высокого сталинизма стиховедение так и не смогло вернуться, возрождаясь, к той синхронии критико-литературоведческого письма с собственно актуальными поэтическими практиками, которое было характерно для Тынянова, Якобсона, Шкловского. Даже блестящий во всех смыслах М. Л. Гаспаров, пиша о конкретной поэзии, ссылаясь на опыт немецкой поэзии, но не отечественной — при вполне уже наличествующей практике лианозовцев (об этом горько писал Вс. Некрасов). Поэтому ближе к концу советской власти в легальной и полулегальной литературе возникла своего рода «борьба за верлибр», воплотившаяся и в неистовом пуризме В. Бурича, и в попытке В. Куприянова противопоставить верлибр и стиху, и прозе, и в тихой работе Г. Алексеева и А. Метса. В неподцензурной словесности, меж тем, свободный стих также отнюдь не главенствовал, хотя и существовал вне вопросов о праве быть. Фестиваль верлибра (стараниями Ю. Б. Орлицкого продолжающийся) или знаменитая антология верлибра К. Джангирова были признаками «героического периода», рудименты которого сохраняются. Когда автор

говорит: «Я не люблю верлибр» — это то же самое, что художнику сказать: «Я не люблю синий цвет». Художник может лично не использовать палитру синего, но отрицать синий не может. Так и поэт: пусть пишет что хочет, но отрицать естественную часть общего, по-моему, просто неграмотно. Свободный стих, верлибр — закономерная часть развитой стиховой культуры. Произведение, в котором присутствует сугубо стиховая природа — двойное членение текста, но отсутствуют (в идеале) всевозможные «вторичные» признаки стиха (рифма, метр и т. д.), при том что «чистый верлибр», скорее, абстракция и практика стремится к переходным формам. В современной же поэзии при всех критических страстях практика гораздо здоровей: кто-то предпочитает свободный стих, кто-то избегает его, многие же воспринимают верлибр как одну из возможных форм, обращаясь к нему по мере художественной необходимости.

2

Круг авторов, в котором я формировался и который мне близок, весьма неоднороден, в том числе и в отношении к свободному стиху, но преимущественно интересные и близкие мне авторы как минимум воспринимают его как возможность (даже оговариваясь: «Вообще-то я верлибров не пишу...»). Я сам никогда (именно так, с самого начала осознанного писания поэтических текстов) не считал свободный стих чем-то выделенным из прочих способов организации стихотворения — и, в соответствии с этим, пишу так, как необходимо в данный момент: хоть секстину или сонет, хоть верлибр.

Дмитрий Данилов

Писатель, поэт, драматург. Родился в 1969 году. Автор восьми книг прозы, пяти книг стихов, четырёх пьес. Тексты переводились на английский, итальянский, французский, немецкий, нидерландский, польский, китайский, венгерский, сербский, македонский языки, публиковались в США, Европе, Китае. Лауреат премии «Золотая маска» (2018, номинация «За лучшую работу драматурга»), конкурсов драматургии «Ремарка» (2017) и «Кульминация» (2017) за пьесу «Человек из Подольска». Лауреат премии журнала «Новый мир» (2012), журнала «Октябрь» (2013), поэтической премии Anthologia (2015), премии «Нонконформизм» (2016), итальянской литературной премии Citta di Cattolica (2016). Живёт в Москве.

Vincent Descotils

На сайте
Одного французского фотографа
Художника
Фильммейкера
И так далее
На главной странице
Размещена фотография
Асфальтовая
Или, может быть, грунтовая
Дорога
Среди заснеженного поля
Точка зрения, наблюдения
Находится
Непосредственно на дороге
Вернее, над дорогой
Снимающий и, соответственно
Смотрящий
Стоит на дороге
И смотрит вдаль
На уходящую вдаль
Дорогу
Мы смотрим
На уходящую вдаль
Дорогу
Мы смотрим, мы смотрим

Справа от дороги
Мы видим указатель
Таковыми обычно обозначают
Названия населённых пунктов
Но впереди не видно
Никаких населённых пунктов

Вообще ничего
Кроме снега
Чуть дальше — два светлых столбика
С тёмными полосками
Такими иногда обозначают
Железнодорожные переезды
Правда, впереди не видно
Никакого железнодорожного переезда
Вообще ничего
Кроме снега
А слева мы видим
Одинокий, туповатый какой-то
Жалкий, убогий
Тёмный столбик

Больше ничего
Чёрная дорога
Столбики эти жалкие
Сплошной белый снег
Сплошное серое небо

Мы в своей глупой гордыне
Думаем, что вот такие
Покинутые, тоскливые пейзажи
Есть только здесь, у нас
Конечно, нет
Вряд ли этот человек
Для съёмки своего
Великого, жалкого
Серенького
Гениального пейзажа
Ездил куда-нибудь
В Ямало-Ненецкий автономный округ
Или в Тверскую область

Или в Новгородскую
Или в Архангельскую
Просто выпал снег
И человек сделал свой снимок
Где-нибудь под Парижем
Или в Провансе
Или там в Нормандии
Не будем перечислять
Все французские регионы
Где-нибудь рядом с домом
Снял, и получилось
Вот так

Покинутость везде есть
Одинокость везде есть
Бескрайность везде есть
Серенькость везде есть

Хочется отойти немного в сторону
Этой картины, в снег
Там, наверное, не очень глубоко
По щиколотку, по колено
Отойти в сторону, в снег
И подождать

Сначала ничего не будет
Может быть, час ничего не будет
Два или три часа ничего не будет
А потом послышится отдалённый гул
Гул будет всё приближаться
Вдали покажется точка
Она будет расти
И наконец
Мимо пронесётся с воем

Узик-буханка
И, поднимая снежный шлейф
Унесётся вдаль
В сторону Парижа
Клермон-Феррана
Нима, Валанса
И Сен-Мало

На этой дороге
На такой дороге
Обязательно должен появиться
Рано или поздно
Узик-буханка

А вот узиков-буханок
Действительно, больше нет нигде
Только у нас.

Дмитрий Данилов о верлибре

1

В серьёзной современной русской поэзии верлибр уже довольно давно стал практически мейнстримом, наравне с регулярным (в частности, силлабо-тоническим) стихосложением. Споры о том, стихи это или не стихи, всё в большей степени переходят на территорию любительской поэзии.

2

В моей практике верлибр занимает все сто процентов. Я пишу только верлибром. Но многие близкие и интересные мне авторы используют регулярный стих, примерно пятьдесят на пятьдесят. Я вовсе не отрицаю силлаботонику и другие регулярные стихотворные формы, просто лично мне для моих целей это не нужно.

Владимир Друк

Родился в 1957 году в Москве. Окончил факультет психологии МГПИ (1981) и аспирантуру отделения интерактивных коммуникаций факультета кино и телевидения Нью-Йоркского университета (2001). Один из основателей Московского клуба «Поэзия» (1986). Создатель и главный редактор издательства звуковых интерактивных книг TEXTONICA в Нью-Йорке (2014). Стихи печатались в ведущих литературных журналах, переведены на шестнадцать языков. Автор нескольких книг, вышедших в России и Америке. Победитель премии «Русская Америка» (2001), дипломант премии «Московский счёт» (2009). С 1994 года живёт в Нью-Йорке.

Из книги «АЛЕФ-БЕТ.
Формы, числа, номинации»

Алеф

1

пустота отступила

соединяющий верх и низ
и верхние и нижние воды
и твердь
каково тебе там одному?

каково тебе здесь?

первый единственный неповторимый нерастворимый
в своём одиночестве

одиночество одиночеств
такое одиночество другим неподвластно
такое одиночество трудно вообразить

в тебе
потенциальны тысячи тысяч миров
что ты можешь один?
здесь?

ты первый но счёт
начинается со второго

назови этот мир
здесь нет ничего даже имён
назови одиноких
зверей
их некому приручить

назови одиноких
чтобы было кому показать твою власть

2

...ты был первым
мой мальчик

прости что оставил тебя
одного
здесь

Хет

участвовать но не принадлежать
принадлежать но не участвовать
касаться не дотрагиваясь
пробовать не касаясь

пух бабочка ветер любимая радио страх правда

невидимое присутствие
видимое отсутствие

солнце за горизонтом
луна в полдень

пробую на вкус
пробую на цвет

на ощупь
двигаюсь среди дней

вижу

танцую в парке
среди корней и крон

кто-то танцует во мне
внутри меня

ранка бьется и кровоточит
птица кормит птенцов
жених и невеста стоят под хупой

помни: всегда есть возможность уйти

вдох и выдох

говори
речь оживляет дни

на пороге смерти
прорываясь
умирая и возвращаясь обратно
умирая и оживая
дыхание речи оживляет мёртвых

Амен

Тет

очертания лодки скрыты в изгибах реки
очертание дней — две ладони сомкнуты чашей

вкус последнего глотка вина

всё будет скрыто в том что есть
в беременном мире
мир элементов в мире с самим собой
мир огня и воды едины и в мире друг с другом

наши жизни — суть одна
скрытая в со-творимом

правда скрыта во лжи
пройдёт семь лет пока ложь превратится в правду

быть здесь и сейчас
значит
быть не здесь
не сейчас

не гадай
правда проста
власть справедливости —
власть воображения

так цветное стекло
драгоценнее золота

двенадцать колен
двенадцать чувств
(отгадка в том что потеряно)

девять лодок девять кругов над десятым
девять месяцев вынашивания плода
девять вестников девять звуков трубы в полнолуние

бесконечность реки
произносимая книга

здесь и сейчас —
не здесь
не сейчас

Айн

чтобы смотреть сны
не нужны очки

и ещё:
прозревая
внимательно
осмотрись

ты — это то
что ты видишь

всё что ты видишь — ты

Цади

и ветер

и небо

и ветер и солнце

и небо

и ветер

и листья

и дети и дети

и птицы

и птицы и звери и птицы и звери

и ветер

и небо и солнце и птицы и звери и **Амен** и

Амен

и дождь и надежды и страхи

и птицы и звери и люди и гады и годы

и ветер и ветер и **Амен**

и кроны и корни

и мысли и песни

и крики и стоны

и буквы и книги и песни и песни и песни и **Амен**

и стены

и годы

и время и звёзды и море и небо и ветер
и быстро и страшно и больно и **Амен**

и рано и поздно
и глупо и быстро
вчера и сегодня
сегодня
сейчас

со мной
и с тобою — **Амен** и **Амен**

Амен и **Амен** и **Амен** и **Амен** и **Амен!**

не повторяясь:
Амен и **Амен** и **Амен** и **Амен** и **Амен!**

и ветер
и ветер

Владимир Друк о верлибре

1

Сдаётся мне, в мейнстрим русской литературы верлибр прорвался не просто так: сначала закачалась и рухнула огромная советская империя, а потом и весь мир перевернулся раза три как минимум. Изменился язык улиц; люди интернета и многоканального сериального ТВ, мы теперь и думаем, и чувствуем, и общаемся, и читаем по-иному, не так, как тридцать-сорок лет назад. Даже сны, мне кажется, смотрим по-иному. Разве поэзия могла остаться прежней?

Громкие споры на страницах журналов, со сцен и в кулуарах, проклятия и анафемы «неверным» закончились тем, что война закончилась. Авторы, писавшие «неправильно», особенно молодые и беззащитные, из отверженных стали классиками. Победила поэзия. Пиши, как душа поёт, а не как указывает строгий редактор (особенно внутренний). Стих вырвался на свободу, дышит и летает где хочет.

Vers libre... Свобода есть, когда свободы нет. Литература без ограничений (внутренних, понятно) — в лучшем случае психотерапевтическое хобби. Общая версификационная техника «в среднем по больнице» стала выше. Писать «правильно» — в рифму и в столбик — это и компьютер теперь умеет. С другой стороны, такая призрачная «лёгкость» верлибра, искушение лёгкостью: разбей абзац на строчки покороче, в столбик, и — абзац. Только — зачем?

«Писать легко, подписываться страшно»*.

Чем дольше живу, мне всё яснее очевидное: неважно, как написан тот или иной текст. Важно — перехватывает ли дыхание. Случается ли чудо?

2

В моей первой книжке были тексты, выросшие из разговоров, телефонной книги, руководства по замесу бетона, словарей... я называл их «жёсткие языко-

* Виктор Коркия. Свободное время. — М., 1988.

вые слои» — мне слышалось, что именно так звучит живая жизнь вокруг. И они противопоставлялись «лирике» на соседних страницах.

Позже в какой-то момент я заметил, что вообще все строки стали вдруг категорически сопротивляться любому поглаживанию созвучиями и притоптыванию. Давно уже проживаю вне категорий «ямб-хорей-верлибр». Строка сама диктует, куда и как ей ползти, плыть или лететь.

В инструкции по профилактике холодильников звучит скрытая музыка, в верлибре спрятана исповедь, одинокая молитва, возможность речи.

Без привычных подпорок ритма и рифмы становится страшно. Это возможность наконец напрямую говорить с собой и с Ним. Сбивчиво, на краю, без позы, лукавства и заламывания рук.

Верлибр — «сейчас», он не даёт себя повторить. Не дает себя и запомнить.

Слушая или читая лучшие вещи, не обращаешь внимания на то, как они сделаны. Часто вообще непонятно, как это сделано. И всё неправильно.

Верлибр имеет свою структуру, сложный ритм и систему созвучий, мелодию. Они не так заметны, но они видны, случаются — в лучших вещах. Хорошее вообще случается редко. Но случается.

Искренне восхищаюсь мастерством многих своих коллег, которые пишут совершенно по-разному, их удачами и успехами — у нас и правда сейчас расцвет поэзии. Но должен признаться, отличные тексты, написанные в традиционной поэтике, я пока встречаю чаще.

Русский верлибр, вероятно, ещё очень молод.

Пожалуй, так: я за живую речь, которая пробивается к свету сквозь тёмные земные грядки.

Андрей Егоров

Родился на Камчатке в 1983 году.
Учился в педагогическом, на физмате.
По профессии не работал ни дня.
Писал стихи на двух языках — русском
и английском. Лауреат премии
«Дебют» (2008). Стихи публиковались
в «Арионе», «Новом мире» и «Бельских
просторах». Трагически погиб 19 марта
2021 года..

Быстрые движения глаз

Марату Багаутдинову

приходит ветер и уходит ветер,
хлопнув форточкой, и снова приходит.

спящий здесь заворачивается в одеяло;
сквозь сон он разговаривает с кем-то,
присевшим на краешек
рядом с его плечом;

говорит, что гулял вчера по океанскому берегу,
сквозь сон прибрежная галька
ощупывала босые пятки
деловито, как врач;

рассказывает, как в среду
оказался большой рыбой, опускался на дно;
там, в глубине, Кракен баюкает Левиафана,
обхватив щупальцами,

сквозь сон нащупывает клювом
приоткрытые
двери его лица,
круг зубов его.

говорит о разном,
вялым ото сна ртом
просит этого, на краешке,
прилечь уже и не маячить,

толкует о пользе послеобеденного сна
в северных широтах;

замолкает,
переворачивается на спину.

тот, на краешке,
гладит его по волосам
и, наклоняясь над,
целует в лоб

— спи.

спит, и снится ему, как проснётся
из спёртого воздуха на вольный воздух,
грудь болит сквозь сон:
это дыхание разнашивает тугие рёбра

впрок

* * *

шла Саша по шоссе и сосала сушку
шла Саша по шоссе грея телом нательный крестик
и ладанку с частицей мощей святого Стефана

шла Саша по шоссе мимо шуршали шины
незнакомые тормозили рядом предлагали подбросить
не за так но не слишком настойчиво то ли крестик
помогал то ли дюжий ангел-хранитель за правым плечиком

шла Саша по шоссе из питера в выборг
сбежав от злой мачехи и её вредных дочек
препоясавшись полынью по голому телу под майкой
как учила мама когда ещё была мама

шла Саша по шоссе в короткой стрижке седые прядки
девятнадцати лет пережить

предпоследний и предпредпоследний
страх от такого смеётся и мужики седеют

шла Саша по шоссе и что-то в уме считала
на лето найду работу сниму квартиру
тётка и слова не скажет но у неё же
своих четверо в полutorке куда ещё
шла Саша по шоссе камо грядеши Саша
спрашивал временами дюжий ангел за правым плечиком
отвечала а осенью восстановлюсь в институте
попробую выбить комнату в общежитии будет трудно
но мне сказали под кого надо лечь надо лягу
потом замолю дюжий грустно качал кудрями и

какое-то время они шагали молча

шла Саша по шоссе а следом угрюмый ангел
препоясавшийся как муж а всё мальчик
ножом по сердцу думал он ножом по сердцу
ты мне будешь брат я тебе сестра она говорила
ну что я что я что я мог ей ответить

* * *

было калейдоскопом.
куски пластика, осколки зеркала,
с полдюжины цветных стекляшек —

расколотые, может, церковные витражи:
Христос, Богородица, все святые
хруст под ногами; багрец, лазурь, зелень;

или же опалённый Господним гневом песок
Семипалатинского полигона
колчедан, железняк, не знаю что —
спёкшиеся в стекло;

...рудники, гранильные мастерские,
надсадный кашель, гноящиеся от каменной пыли глаза,
яхонт и бирюза, малахит, смарагд —
все сокровищницы Его
в пол-обороте одна от другой
жизни не хватает
разбил

теперь, что бы ни складывал из этих осколков,
получается всегда
одно и то же — слово вечность

у меня
полный чулан коньков
но никого нет, что научил бы
на них кататься.

* * *

на четвёртый день или на третий
когда прекратит облазить кожа на ладонях
и перестану после зубной щётки
отплёвываться розовой авитаминоз пеной —
тогда-то
пойму что попал-таки в рай
и что можно уже
избавиться от доброй половины привычек

и вещей носовых платков зубочисток таблеток
захваченных в спешке
когда одних нас наголо обритых без
особых церемоний загоняли в плацкартный
когда другие мы по ночам
на своих двоих пробирались вдоль железнодорожной насыпи
когда ещё одни мы лучшие видимо белая гвардия
отплывали на последнем крымском пароходе
из гибнущего уже на одну треть погибшего
мира саранчи и горечи
и никто ни один
не знал пункта назначения конечной станции
но держа в уме сводки новостей и школьную карту
каждый на свой манер повторял
одно и то же:
«чаю, Господи, жизни будущего века, и другого глобуса»
«чаю жизни будущего века, и другого глобуса»
«чаю жизни будущего века, и другого глобуса»
«чаю жизни будущего века, и другого глобуса»

Андрей Егоров о верлибре

1

Честно говоря, не знаю. В реальности, которую я сам себе выдумал, регулярный стих маргинализуется, становясь уделом рэперов (поскольку в регулярном стихе семантическая нагрузка всегда была вторичной, а первичным было то, что теперь называют «флоу»). Верлибр же, напротив, становится основным способом стихосложения, как единственный способ связно выстроить гештальт, каким в идеале должно быть стихотворение.

Что происходит в настоящей реальности, не представляю: редко ею интересуюсь. Скорее всего, всё, как обычно, наоборот.

2

Основное. Я либо пишу стихи, либо играю в словесные игры — это равноценные занятия, одинаково важные, но с разным инструментарием. С играми всё понятно — любые средства хороши, лишь бы я радовался. Стихи — это серьёзно. Уменьшать семантическую плотность стихотворения ради ритмической организации — то есть развлекать древние структуры мозга, отвечающие за восприятие ритма, обделяя при этом лобные доли, — этого я стараюсь себе не позволять. Обычно получается.

Поэты, которых я читаю, в основном подходят к созданию текстов в столбик так же.

Валерий Земских

Родился в 1947 году в городе Волхове Ленинградской области. Окончил физический факультет Ленинградского государственного университета. Работал инженером-программистом, инженером-наладчиком на атомных станциях, оператором теплоцентра, верстальщиком, редактором, художественным редактором. Публиковался в газетах, журналах, сборниках, альманахах, антологиях. Автор восемнадцати книг. Редактор-составитель пятитомной антологии петербургской поэзии «Собрание сочинений». Лауреат премии имени Н. Заболоцкого за книгу «Кажется не равно» (2009). Переводился на итальянский, английский, польский, чешский, румынский, хорватский, словацкий, французский, финский и другие языки. Участник множества литературных фестивалей, в том числе и международных (Армения, Бельгия, Польша, Финляндия, Эстония), различных художественных и фотовыставок. Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Гильотина отрубает голову не тем кому надо

Или тем

но не в том порядке

Или в том порядке

но не вовремя

Или вовремя

Но мне не хочется

* * *

выходят

и возвращаются

глотают воздух раскрытым ртом

молчат

снова выходят

но ненадолго

озираются

выходят

и возвращаются

всё темнее

чёрные кошки давно разбежались

оставив взгляды

опять выходят

опять возвращаются

стоят
поодиночке
всё теснее

зелёные колёса
в каждом углу

* * *

Пуля вылетает медленно
Но достигает цели
Цель в ожидании
Курит
Раскланивается
Говорит пока
До завтра
Завтра в недоумении
Будет оно или не будет
Оглядывается на соседей
А те отливают пули

* * *

Мы дойдём до того дерева

А до того камня
А до той реки

Нет
Мы будем сидеть
Под этим деревом
На этом камне

У этой реки

Пока этот камень
не рассыплется

Пока эта река
не пересохнет

Пока это дерево
не превратится в лес

* * *

Не надо
Не надо этого делать
И этого не надо
А вот того
Вот того
Нет и того не надо
Так что
Так ничего
Это ведь
Вот именно
А не слишком
Ну если так
Нет
А впрочем
Не надо
Не надо этого делать

* * *

Я надул шарик
Он лопнул
Лопнувший шарик
Забытого цвета
Возможно красного
Но это неважно
Просто надул шарик
А он лопнул

* * *

Не заглядывайте
И не слушайте
Там пусто

Мышь прошуршала

Это не мыш
Это шуршание мыши
Самой мыши давно нет
Да и не было

И шороха не слышно
Но что-то происходит
Неважное
Никчёмное

И думать об этом не стоит
И заглядывать туда
Пустое

Идите
Идите к себе
Мимо

Ну не стойте рядом
Тесно
Одному тесно

И пусто вокруг
И тихо

* * *

Иногда мне кажется
что я что-то знаю
Но что я знаю
я не знаю
Но это длится недолго

* * *

Проходя мимо
Я бросаю гранату в окно
Иногда она не взрывается
Тогда я бросаю вторую
Но бывает что и она не взрывается
Тогда я вхожу в дом
Странные люди

* * *

Вот мы и пришли
Никто и не ждал
Да и некому ждать
Мы сами не верили в это
Но всё же пришли
Пустынно
Эхо молчит
Не видны миражи
Сколько лет торопились
Плутали
И всё же пришли
Мы и не ждали что встретят
Ведь мы не туда собирались
Но что с нами делать теперь
Что нам делать
Мы уже здесь
Горы рассыпались в прах
За нами пустыня
Мы пришли и ни звука
Лишь пятнышко тени
От скарабея

Валерий Земских о верлибре

1

Вопрос о том, что происходит с русским верлибром сейчас, можно разделить на два: что происходит с восприятием русского верлибра и что происходит с самим верлибром, куда он движется, как развивается.

На верлибр перестали смотреть как на некую диковинку, не имеющую права называться стихом, но тем не менее многие продолжают смотреть на него как на недопоэзию. Убеждение, что русский язык какой-то особенный, обязывающий писать стихи с рифмой и классическим размером, так до конца и не вытравлено из сознания большинства читателей. Впрочем, говорить об этом давно скучно и совершенно бесполезно.

Что касается собственно верлибра, то он стал бесконечно разнообразным. Диапазон фантастически широк: от нарративных текстов, граничащих с прозой, до абсолютно герметичных; от зауми, стремящейся к распаду слов не то что на буквы, но и на всевозможные знаки, до афористичных высказываний. Современный верлибр не чурается включать в себя и элементы, присущие классическому стиху, превращаясь в гетероморфный стих (по определению Ю. Орлицкого). Верлибр разбился на множество индивидуальных поэтик, классификацией которых, как мне кажется, никто всерьёз ещё не занимался. На мой взгляд, у верлибра громадное поле возможностей для развития.

2

Что касается меня, то верлибр — это тот естественный способ выражения, которым я давно пользуюсь. Это не значит, что я не могу вставлять в ткань стиха рифму или использовать строгий размер. Но обычно это попутные краски, не преобладающие в стихе, а появляющиеся и исчезающие по мере надобности. Для меня важен внутренний ритм стиха, не совпадающий с классическим метром, а плавающий, сложный, часто меняющийся даже от строки к строке.

Если говорить о верлибре поэтов, которые мне интересны, то вовсе не обязательно, чтобы мне нравились те, кто пишет близким мне стилем. Тем не менее обычно мне скучно читать чисто классические стихи. Навязчивость рифмы и предсказуемость размера утомляет. С трудом я читаю и длинные тексты. К концу забываешь, о чём шла речь в начале. Интересных поэтов много, но я бы не хотел приводить имена, вдруг кого забудешь — обидятся.

Александр Иличевский

Прозаик, поэт. Родился в 1970 году в городе Сумгаите Азербайджанской ССР. Окончил Физико-математическую школу № 18 имени А. Н. Колмогорова при МГУ, а в 1993-м — Московский физико-технический институт. В 1991–1999 годах занимался научной работой в Израиле и Калифорнии. В 1999 году вернулся в Москву. С 2013 года живёт в Израиле. Лауреат премий «Русский Букер» (2007) и «Большая книга» (2010, за роман «Перс»; 2020, за роман «Чертёж Ньютона»).

А. Гольдштейн возвращается домой

В тамбуре последнего вагона
поезда Москва — Баку, отчалив от Кизилюрта,
синие зрочки Севера-деспота
пляшут за кормой в грязном окошке,
прячутся, выпрыгивают снова,
скачут по шпалам, лучатся путевыми
семафорами на разъезде, в лесу рельс,
расходящихся, сливающихся в заповедный
полюс Лобачевского, по лесенке шпал
можно покорить Северный полюс в мыслях.
Худющий, как ветка, ушастый парень
с залысинами под пышной шевелюрой,
обкуренный в дымину, с бородавкой на веке,
вдруг внешне — вот ведь чушь, ничего общего,
конечно, но что-то такое мелькнуло, пусть и
в воображении, но всё же — этот парень
напомнил мне Александра Гольдштейна:
стоит, нервничает, выглядывает в щёлку —
в вагонный коридор, где дагестанские менты
проверяют документы, досматривают багаж.
Палец у одного мента на курке калаша,
глаза ошалелые бегают, другой
ставит каждого пассажира стоймя, прикладывает
к его скуле разворот паспорта.
«А что это — родинка? Откуда? Тут есть, там нет.
Где паспорт получал, Мирза-ага? Садись, отдыхай.
Теперь ты. Домой едешь? В гости? Где паспорт получал?»

Здравствуй, Саша! Вот таким макарком
везу тебя на родину. Распяли нас эти двое суток.
Тяжело мне, тебе чуть проще:
ни вони ста мужиков, ни духоты, ни стука

сердца — ты летишь со мной на третьей полке...
Вниз лицом, то подмигиваешь, или киваешь,
или повернёшься навзничь, на груди сложишь руки,
закроешь глаза, и я испугаюсь...
Ты знаешь, что я заметил?! Послушай! За эти семнадцать
лет разболтались рессоры подвижного состава
и колёса стали выть на поворотах —
долго-долго тянется поезд, меняя азимут,
из последнего вагона видно, как локомотив
набегает вспять окоёму и солнце
падает в скрипичный вой колёс. Этот вой
разнимает, колесует душу, тревога, подкравшись,
вдруг схватывает её как птицу хищник,
на такое способна только музыка:
залить горем или счастьем сердце,
минуя культуру и восприятие, минуя разум,
музыка — это открытый массаж сердца.
Такого я не слышал в детстве, в детстве
колёса стучали весело, или — на мосту — значительно,
или вкрадчиво — при отправке, разболтанно — на перегонах,
а при въезде на станцию — тише, нежнее:
здесь шпалы ухоженнее, затянуты гайки, путейцы
здесь подтягивают их чаще и добросовестнее,
а к середине перегона уже устают, садятся квасить,
так вот — вдали от детства колёсный вой, Саша,
ты слышишь? Он выворачивает душу, запомним
этот стенающий хор. Колёса плачут по ком, Саша?
Господи, как же съели нас эти двое суток.
Левый рельс проходит через ухо,
правый — штопает глаза. Народное мясо
мнёт, и жмёт, и воодушевляет. Сосед —
два года не видел жену, двух детей, работает
таксистом в Москве, знает трассы столицы
лучше меня — вдруг забирается с ногами, припадает

лбом к подушке, мы затихаем, вслушиваясь,
как он бормочет молитву; его носки в этой позе
воняют особенно, затем он соскакивает, воздевает
глаза горе и вполголоса — в сторону, для меня — приговаривает:
«Все народы Аллах создал для того,
чтобы они стали мусульманами», — и снова
берётся за кроссворды; детям он везёт конфеты
и сумку китайской вермишели. В отделении
с нами едет ещё старик — Мирза-ага, из Гянджи,
опрокидывая стопку за стопкой «белого чая»,
он называет нас «мальчики», сужденья его мягки,
глаза смиренные, и весь он округлый, тихий, но
заводится с пол-оборота, когда
спрашиваем, где служил в армии,
Советский Союз, молодость, загорается, полощется стягом
в его зрачках, и он повествует нам про венгерский мир
образца пятьдесят шестого года. Он попал
в Будапешт, ещё не приняв присягу,
семьдесят два человека, все кавказцы,
ходили всюду под конвоем — на плац и в баню,
автоматчики с собаками плотнее сбивали строй,
как мусорную кучу веник. В Ужгороде их одели
в старые мундиры — в пятке гвоздь, без одного погона.
Погрузили в теплушки, высадили в Дебрецене через неделю.
Все думали — Ташкент. Старый кашевар
заварил солдатам двойной паёк, кормит, плачет:
«Третью войну я уже кормлю, всё ей мало.
Это моя третья смерть. Берегите себя, сынки.
Не верьте венграм, даже их деды в вас будут стрелять».
Три года Мирза-ага служил в Хаймашкере,
ходил по девкам, те принимали его за цыгана.
Кругом фермерские хозяйства, поля паприки,
сбор красных лампочек, горящих у щиколоток,
тугих, всходящих к бёдрам, с подоткнутыми подолами,

полные горячей крови руки над краем корзины, —
а также яблочные сады, алма — «яблоко» — на
азербайджанском, так же как и на венгерском.
— Церетемкишлянк! — Девушка, я люблю тебя! —
говорил Мирза-ага своим ангелам, и они отвечали:
— Катуна, катуна! — Солдатик, солдатик!
Эти мясистые ангелы и поныне не покидают Мирзу,
он весь светится, когда их целует,
произнося полузабытые слова.

Здравствуй, Саша! Вот так я везу тебя домой,
в твоё провинциальное болото, ты кривишься,
не желаешь, но я упорен в нашем возвращении
и снова тяну тебя в прокуренный тамбур —
всё равно ты лишён обонянья, — смотри, как пляшут
за окошком рельсы, как полна луна над равниной.
Ты любишь луну, свою девочку, свою ненаглядную?

К океану

[Анатолию Гаврилову]

Замороженный тамбур наполнен дымом.
Плечом к плечу дотягиваем предрассветные сигареты.
Вагон катит в шубе из инея.
Фонари и горящие окна расцарапывают хрусталик.
Глазные яблоки заоченели от ледяных слёз.
Всю ночь снятся поезда, разъезды, платформы —
на них надо бежать по шпалам, чтобы успеть к пересадке:
— Это та платформа? — Нет! — Это тот состав? — Нет!
Локомотивы движутся туда и сюда, как носороги —

со столбом света во лбу. Господи, какая тоска, какая темень. Господи, убей меня, положи на рельсы. Пусть раскатают колеса меня по стране. Пусть каждой частичкой, склёванной воронами, галками, этими вопящими карликовыми птеродактилями, я обниму отчизну. Пусть каждой молекулой пролечу над рощами, холмами, свалками, реками и полями. Пусть бедная скудная, как ладони старухи, родина станет теплее с каждой моей крошкой.

Снова ночь.

И снова поезда тянутся в сосущую под ложечкой даль синих путевых фонарей. Машинист зорко стоит над пультом, который вдруг замещается штурвалом. Крепкие пальцы твёрдо, румб за румбом, ведут состав по лестнице разобранных шпал, карабкающихся на полюс, на Дальний Восток, в Китай. Поезда, поезда вязнут в бескрайней пустой стране. Росوماхи, обретшие подобие речи, прокрадываются на полустанках в вагоны. Они забираются на полки, обглаживают промёрзшие тела, начинают со щёк. Они сидят на груди трупов и по-обезьяньи обшаривают карманы; быстро-быстро рвут билеты в клочки, снимают часы, надевают на шею, проворно засовывают себе в очко наличность. А вокруг темнота, глухота на тысячи вёрст. Волки молчат, ибо их глотки тоже обрели что-то близкое к речи. Всё потому, что пустая русская земля не может обходиться без звуков родной речи, ей нужно хоть что-то, хоть волчий кашель. Машинист тихо, без гудка трогает состав и снова берётся за штурвал. Тихая улыбка спятившего кормчего застыла на его безглазой роже. Росوماхи, пока поезд не набрал ход, прыгивают с подножек и мчатся, утопая в снегу, через тайгу.

Спокойный Тихий океан ждёт, когда придёт
к обледеневшей пристани мёртвый поезд;
когда пришвартуется затерянный поезд, полный
людей погибшей страны, обобранных и
с выгрызенными сердцами. Декабрьские волны
станут лупить в причал, брызги захлестнут
подрагивающие под порывами ветра вагоны.
Гул океана — лучшее, что может
присниться поверженным титанам.

Александр Иличевский о верлибре

Верлибр жизненно необходим как способ записи. Иногда рассказ получается, когда набрасываешь его именно верлибром, а потом собираешь строки в абзацы. Могучий инструмент.

Лариса Йоонас

Лариса Йоонас родилась в 1960 году в Татарии. Училась в Москве, большую часть жизни прожила в Эстонии. Работает в Таллинском техническом университете, преподаёт дисциплины, связанные с компьютерными сетями и связью. Живёт в маленьком городе (у моря) и мало участвует в общественной литературной жизни. Выпустила четыре книги стихотворений и книгу-билингву переводов на итальянский язык. Публикации в журналах «Волга», «Октябрь», «Дружба народов», «Воздух» и других.

* * *

Невозможно рассказывать рыбам
о пресуществлении даров
когда они плывут серебристыми косяками
изгибаясь единым телом радужным и блестящим
как металлический нож преломляемый лезвием вод
кипарисам наслаивающим ветви
на плоскости ветров тоже невозможно
проповедовать слово
их дыхание само невыносимо неповторимо
невозможно также сообщить благую весть лесу
он сам благая весть провозвестник чудесного сотворения
от подземных холодных сосудов
до высохших игл в безвоздушном заоблачном небе
ничего невозможно сказать и некому
всё давно всем известно всеми познано
так единственный стоишь на себя замыкая
мировое словесное электричество.

* * *

Слишком много любви в этих проклятых вагонах
толпящихся между людьми и потерявшимися собаками
столько любви что они мечутся обезумевшие
бьются друг о друга и не могут двинуться
сжав железные гулкие руки свои у железных невидящих лиц.

* * *

В феврале бывал сильный ветер
с юга, прямо в наши окна.
Старые рамы скрипели и стонали,
стёкла выгибались,
сдвоенный огонёк лампы дрожал в них,
плыл и таял.
Квартира была как лодка,
окна как парус.
Мы лежали, обнявшись,
готовые к путешествию в никуда.
Потом заменили окна.
С тех пор я не знаю страха,
а ветер каждый год возвращается,
надеясь на лёгкую добычу.

* * *

Она вспомнила об умершем муже за обедом
за супом из судака с картофелем и зеленью
заплакала от одиночества
внезапно вернувшегося всем своим ужасом
плакала вынимая изо рта рыбную кость
осознавая неуместность этой кости
этого супа и обеда
но всё это было так неразделимо
справедливо и справедливо неуместно
смерть и одиночество
мёртвые люди и рыбы
мужчины и женщины
плачущие за супом из судака.

* * *

Узнаваемо всё если я стою посреди тумана
сумеречного лилового поедаемого птицами
растворяющего вытянутые руки
будто это степь высокого давления
это пустыня высокого напряжения
в которой я среди своих золотых предков
расплавленных песками воспоминаний.

* * *

Я пишу на медленном перуанском
будто надеваю красивые вещи
полные тьмы стекающие словно тени
шёлковые прикосновения без вкуса и запаха
когда-то мы замечали звуки дыхание травы и шёпот тумана
различали на ощупь закаты переламывали как хлеб
неизвестно перестали ли мы слышать стрекотание
вечернего луга или он замолчал или они исчезли
сухкрылые насекомые светлячки и гибкие ящерицы
или они все говорят на перуанском
несуществующем и потому неслышном
понятном лишь тому кто пел его и говорил и умер в нём
и остался в нём и нашёл для него слово.

* * *

Предчувствие снега движется снизу вверх.
Раздёргиваешь шторы — ещё ничего, кроме звука.
Воздух разрежен, плотное тепло выгибает стёкла наружу,
стекает по ним — это появляется солнце,
разбитое на тысячи зеркал,
взвешенное в воздухе.

Всё труднее дышать — влага колюча,
толчёное стекло режет лёгкие.

Я каждую ночь плыву над землёй,
просто поднимаю руки, сцепляю их и ложусь на спину.
Каждый раз удивляюсь, почему не сумела так сделать днём.
Воздух плотен, он тёплый и гладкий.
Не нужно подниматься высоко —
в мире снов не бывает столкновений.

Вода насыщает воздух, —
дожди и этот ветер с моря,
скоро капельки льда сольются в оплавленные глыбы.

Мы будем двигаться между ними,
покачиваясь в полутьме;
наши слова будут подниматься вверх
в пузырьках воздуха,
распадаясь на звуки.
Небесный товарищ майор будет сортировать их по смыслу,
что-то отбирая для хранения.

Потом воздух затвердеет, а мы уснём,
уже не покачиваясь, не шелестя перепончатыми руками,
с полусловом, остановленным у полуоткрытого рта,

там, где нас застал холод.

Сверху нас можно будет пересчитать, наконец,
иногда и это нужно,
записать во всякие реестры,
можно расставить вешки, что-то нарисовать на льду.

Издалека земля будет казаться голубым рыбьим глазом,
полупрозрачным, в дымке холодного сна,
всё будет темно вокруг,

и только одна беззвучная рыба
с миллионами маленьких икринок внутри
продолжит плыть по одному ей ведомому течению,
не описанному никаким законом,
единственно возможному,
в никуда.

* * *

Я думала мои стихи острые звонкие просматриваемые насквозь
пронзающие ледяные зазубренные ранящие смертельные
истончающиеся до камертонового звона
разрезающие воздух разрезающие ткань
вспарывающие пространство
проникающие насквозь
убивающие навывлет
думала мои стихи тёплые густые шёлковые гладкие
обволакивающие молочные ласковые обнимающие
прощающие осознающие себя протекающие

по чистой влажной коже принимающей прикосновение
как понимание не нуждающееся в словах
думала
а они были как не имеющий формы песок
уплывающий сквозь высохшие пальцы.

Лариса Йоонас о верлибре

1

По-моему, русский верлибр естественно и не спеша развивается. Он популярен в одних кругах и гоним в других. Это нормально и правильно. Пока, как мне кажется, российский верлибр ещё находится в стадии формирования — использует не все инструменты и механизмы, копирует популярные образцы и мало работает с языком. Это тоненький ручеёк, который должен набрать силу.

2

В этот жизненный период верлибр — мой главный инструмент высказывания. Не знаю, останется ли он им или уступит место регулярному стиху. Сейчас мне кажется, что с ним я приобретаю больше возможностей для самовыражения. Иду отчасти вслепую, поскольку тоже не ощущаю полностью его инструментария. Потому, возможно, он и близок мне, что даёт ощущения поиска и открытий для автора. В этом смысле многие пишущие верлибром на русском языке — первопроходцы, а значит, обращаться к опыту других авторов не всегда имеет смысл. Но мне интересно всё, что делается в этом направлении. Иногда читаю иноязычных авторов, их опыт кажется очень важным, но это опыт другого языка, порой совершенно не применимый к русскому.

Владимир Козлов

Родился в 1980 году в Брянской области, получил филологическое образование в Ростове-на-Дону. Поэт, литературовед, журналист, общественный деятель, доктор филологических наук, автор книги «Русская элегия неканонического периода: очерки типологии и истории» (2013), книг стихов «Самостояние» (2012), «Опыты на себе» (2015), «Красивый добрый страшный лживый смелый человек-невидимка» (2020). Лауреат премии журнала «Вопросы литературы» за лучшие статьи о современной литературе (2010) и премии Фонда имени А. Вознесенского «Парабола» (2017). Выпустил роман «Рассекающий поле» (2018), который вошёл в длинный список премии «Большая книга» (2018). С 2014 года издаёт литературно-исследовательский журнал о поэзии Prosōdia. Генеральный директор Аналитического центра «Эксперт Юг». Живёт в Ростове-на-Дону.

Положение в кресле

Я тут поймал себя на том,
что привязался к паре положений тела в кресле,
в которых чувствую себя уверенно —
так сказать, хозяином положения —
и нужно заметить, что это довольно приятно:
минуты абсолютной пустоты в сознании,
несомненной самодостаточности,
чистого пребывания в полноте,
чего ещё надо? —
а потом я почувствовал, как затворяются поры,
как в самодостаточности проступает «достаточно»,
обращённое вне, — и от этого
жидкий металл моего нутра
больше ничто не способно
поддерживать в жидком виде —
я превращаюсь в монумент — и почему бы нет,
но интересное — потом:
я чувствую в том состоянии,
как неслышно начинают работать
те приводные ремни, которые
раскручивают не абы что,
а маховик насилия;
я чувствую, чем платит мир за состоянье,
которое я счёл приятным,
и лик мой каменный —
ответ на кровь, на ещё больше крови,
и мне нестрашно даже —
дальше
я понимаю, что надежды нет,
что ничего не сохранить,
что подломившаяся ножка кресла
имеет шанс разрушить мою жизнь, —

и только здесь я наконец пугаюсь —
меняю позу, становлюсь бесформенным и жалким,
пригодным для спасенья.

Нить

Любая мысль, как говорят,
через одно рукопожатье
становится другою мыслью,
причём — любой другой,
и связи вещей устанавливал точно не я;

иду по узкому коридору,
а все двери открыты,
и за каждым порогом — следы безумия,
то есть мир, где я ещё не бывал,
но который я предполагал обвить
вьющимся по лабиринту предложением —

где не пройдёт оно, там никогда,
возможно, никогда не ступит человек —
ведь это вид, который держится всё дальше
от тёмных мест, которые
обитаемы почти всегда, —

синтаксис вьётся за жизнь,
он обживает неиспользуемую инфраструктуру
и недевственные лесостепи,
он протаптывает дорожку на кухню,
где всегда есть разговор, и точность фразы,
и долгота дыханья, без которой
мир распадается, —

но ты же не всемогущ:
ты набираешь воздуха,
случайно смотришь в небо —
и отпускаешь нить.

Прогресс

Каждый раз — второй ли, десятый,
подступая к проблеме — одной и той же,
надо сразу ей дать новое имя,
сразу же — не теряя времени
на исторические параллели,
на расхожие диагнозы типа «реакция»,
«расстройство желудка», «фашизм»,
не пытаться выявить генезис конфликта —
на пять лет в прошлое не лезь, не то что на пятьсот;

«империализм»? — изжито —
съедено и высрато, лишь классиков вопроса
назвать не хватит рабочего дня —
куда же вы с просроченными лозунгами?
кого пытаетесь пугать начинкой выпотрошенных слов? —

да, есть слова — пусть не проблемы, —
которые мы победили,
а если победили, значит — навсегда,
среди них есть смешное «рабство»,
наивная безграмотная «смута»,
элементарный «национализм»,
пустопорожний «космополитизм»,

«модернизация», туды её в качель,
да мало ли? —

таков прогресс —
языковая, в сущности, проблема.

Смешанный лес

Старик и не был вовсе стариком,
когда на площадях, пригодных под картофель,
он посадил деревья, первые деревья —
и положил себе на каждый юбилей
и на особенный приятный повод
сажать дубок, ольху, орешник,
чего ещё потребует душа,
а та действительно просила,
просила: медленней, ещё, ещё,
в темпе флегматичной древесины,
остановись, живи, как будто
десятилетие, а может быть, и век
пройдёт до следующего шага,
покуда ж удовлетворимся
и миллиметрами прироста даже,
да что! — самим стояньем враскоряку,
недвижные изгибы — тоже труд...

кто мог его понять тогда,
когда, как порох, выгорали души
и мы не знали, как закончим день,
закончим ли...

и он теперь старик,

и я уже седой, что, в общем, странно,
поскольку я давно не должен бы быть жив,
и смешанный искусный лес
шумит на все лады —

и я как будто голый.

Вопрос о верлибре

Существуют ли
боговдохновенные верлибры?
или кривая, задыхающаяся речь —
каинова печать?
знак вырождения?
службы уже не гармонии,
а её безобразному антиподу?
точно не знаю, но я
далёк от мысли о том,
что вырождение нас не коснулось,
как и от ощущения, что эти речи —
наибольшее из того, на что я способен,
нет, скорее —
это то самое хоть что-то:
собрание того, что рассыпалось, —
просто ищешь очередной осколок
разбившегося человека
и нанизываешь, чтобы снова не потерялся, —
так может ли быть этот труд
чернорабочего, нищего духом
вдохновлён небесами? —
только на то и надежда.

Владимир Козлов о верлибре

Верлибр не бывает абсолютно свободным. Думаю, что верлибр сегодня находится в какой-то весьма продуктивной фазе. Очевидна новая волна интереса к нему — и желание найти для него более адекватное место в русской поэзии. Мне всегда была чужда принципиальность выбора между регулярным стихом и верлибром. Почему чему бы то ни было надо присягать один раз в жизни? Для меня это лишь одна из форм, которая позволяет сказать то, что посредством других форм сказать нельзя. И если созрело высказывание, для которого именно эта форма адекватнее, значит, оно должно иметь право состояться поверх любых стереотипов. А те только начни перечислять. Например, верлибр у нас именно что противопоставляют традиции русского стиха, любят указывать на крах и ущербность, которые он несёт. Далее, верлибр как-то по умолчанию приписывается поэтам актуальным. Наконец, считается, что опыты «прозы в столбик» настолько доступны, что верлибристом может стать каждый не только человек, но и текст, что верлибр — это абсолютно свободный стих. Все перечисленные идеи для развития русского верлибра вредны. И нынешний этап переосмысления — это для меня обнадеживающая новость.

Парадокс, заложенный в верлибре, состоит в том, что абсолютно свободным он быть не может — поскольку распадается, теряет способность удерживать внимание читателя, как не может удержать внимание созерцающего бескрайняя и весьма, наверное, интересная в деталях куча мусора. Верлибр свободен разве что от части сугубо стиховых обязательств. Но даже от ритма уже не свободен, иначе зачем было бы записывать в столбик? А ритм, когда он «работает», — обеспечивает фундаментальное отличие стиха от прозы. Обрыв строки — это пауза, приглашающая оценить строку отдельно, саму по себе, прежде чем двинуться дальше, отдать ей должное, проникнуться тем ожиданием, которое она формирует, зафиксировать, на какие ожидания она уже ответила. И эта игра автора и читателя, благодаря стиховому членению, в идеале продолжается до самого конца. Благодаря силе, энергии, *влиятельности* одной строки, верлибр — это ни в коем случае не проза, записанная в столбик. Но верлибр также несвободен от событийности самого речевого потока, от сюжетики ситуаций,

которые стали поводом для высказывания и которые как-то его — в музыкальном смысле — разрешают.

Условности, от которых отказался верлибр, позволяют ему черпать из мощного источника живой речи. Во всяком случае мне близка традиция верлибра, в которой сохраняется дыхание речи, её психологическая точность, тонкость и остроумие. Есть и другие традиции — например, краткие сюрреалистические миниатюры, которые должны останавливать единым росчерком минималистического пера. Меня эта традиция не очень трогает.

Я не писал верлибров до тех пор, пока не почувствовал, чем именно ограничивается свобода моего верлибра. Но в какой-то момент почувствовал его как сложную, почти барочную форму, выраженную одним предложением. Все мои верлибры написаны одним предложением. Формальность, казалось бы, но последние десять лет я работаю над тем, чтобы показать, насколько разным может быть это одно предложение, показать, что его по-своему естественная сложность — это та редкая материя, которая единственно и связывает литературу с реальностью человека, заброшенного в действительность.

Андрей Коровин

Поэт, прозаик, руководитель культурных проектов. Родился в 1971 году в посёлке Первомайский Тульской области. Окончил тульский факультет Юридического института МВД (1997), Высшие литературные курсы при Литературном институте имени А. М. Горького (2001). Автор десяти поэтических книг. Стихи публикуются в поэтических антологиях, журналах «Арион», «Дружба народов», «Новый мир», «Октябрь» и других изданиях, переведены на десять языков, в том числе английский, немецкий, польский, армянский, грузинский. Руководитель Международного культурологического проекта «Волошинский сентябрь», литературного салона в Музее-театре «Булгаковский Дом» (Москва) и других проектов. Лауреат премии журнала «Литературная учёба» и других. Кавалер Золотой медали «За преданность Дому Максимилиана Волошина» (2010). Живёт в Подольске Московской области.

история жука

для жука
перевернулось небо

лежит небо на жуке
а жук лежит
не жужжит
лапками шебуршит
то ли отталкивает
то ли поддерживает
то ли щекочет
небо

а небо такое
круглое
голубое
тяжёёёлое

дайте кто-нибудь
руку жуку

помогите же
мужику

китайские колокольчики

я измеряю женщин
китайскими колокольчиками
сколько их прозвенит
пока она идёт рядом

китайские колокольчики
самая точная штука
они звенят не от скуки
а только когда есть о чём рассказать

самое главное в женщине
это история её души
не глаза или попа
не губы и грудь
а сколько тысяч ли
прошагала её душа
для встречи с тобой

твой колокольчик я слышу
не перестает звенеть

небесные персики

любимая
если когда-нибудь у нас появятся деньги
мы пойдём с тобою на рынок
и купим *небесных* персиков

с них будет течь сок нектар амброзия
они будут мурлыкать в наших руках
ластиться к нашим пальцам
щекотать нас шершавой шкуркой
подаваться на лёгкие нажимы пальцев
как женщина подаётся навстречу любимому
всем телом обволакивая его собой
впуская в свою жизнь целиком без обмана

растворяя его в себе и растворяясь в нём
становясь одним телом и духом
сгустком нежности
души входят друг в друга
как будто у них есть
такие же инструменты как и у тел

персики это и есть
вечные неразделимые любовники
все ромео-джульетты
все петрарки-лауры
и прочие кавалеры-де-грие
после смерти стали персиками
это такой вот посмертный рай

стоит надкусить персик
и ты увидишь какого-нибудь ромео
в запрещённой форме застывшего над джульеттой
эй какого тебе здесь надо дядя
скорее всего скажет он
отрываясь от вечных дел
и ты ответишь
я просто люблю персики, милый ромео
продолжайте, прошу вас, не обращайтесь внимания
сегодня прекрасный день

видишь любимая
жизнь побеждает смерть

бремя белых

Несите бремя белых...

Редьярд Киплинг

последнее
неизвестное миру племя
было открыто в 60-х годах
прошлого века
в лесах Амазонки

они были молоды красивы
и не носили одежды
высокие плечистые мужчины
и невысокие дородные женщины

после знакомства с исследователями
многие индейцы
умерли от болезней
в том числе от банальной простуды

молодёжь
уехала работать в город
а вождь племени
рослый красавец с голым торсом
на кинохронике 60-х
теперь сгорбился
одет как бомж
и болеет туберкулёзом

раньше его племя
воевало с другими племенами
защищало свою территорию
и своих женщин

единственное интересное
что он может припомнить
за прошедшие годы
это как они с братом
однажды переспали
с белыми женщинами

они были солёными на вкус
говорит вождь
неприлично хихикая
и харкая кровью

вот и всё
что дала им
наша цивилизация

Саше Барбуху

всё куда-то уходит — любовь, море, ореховые и яблонево-вые сады... так много наших уже ушло, а мы всё плывём куда-то в руках бесполезного времени. всё проваливаемся в пропасть дней, месяцев, лет. только и отмечаем, что рядом нет уже этих любимых нами людей, домов, городов. все куда-то уходят, оставляют свои вещи, стихи, письма, голос, мы всматриваемся в их лица, такие счастливые когда-то, такие красивые лица, а их больше нет рядом с нами или вообще больше нет, только ветер и голос, только запах и эхо, привкус горечи, вкус ванили, немного корицы. мы никогда не любили так, как любим теперь. и никогда не будем любить так, как любили прежде. мы совсем другие, каждую секунду времени мы превращаемся в прошлое. а прошлое становится нами, такими, какие мы есть. где наши с тобой разговоры, южные звёзды, стихи, стихии? всё пронес-

лось как падающие звёзды в августе ночью, у тебя на балконе в Симфи. чувствуешь ветер в лицо, что сдирает кожу? это планета движется против нас, в обратном движении, воздуха, воздуха, только бы не сорваться с места. как эти люди, дома, деревья, которые пролетают над головой.

диалог

я ей говорю: была любовь

она говорит: не было

я её спрашиваю: была любовь?

отвечает: была

она мне говорит: была любовь

я говорю: не было

она меня спрашивает: была любовь?

отвечаю: была

молчим

друг против друга

разговариваем

Андрей Коровин о верлибре

1

Сегодня верлибр в русской поэзии перестал быть диковинкой. Писать верлибры, кажется, уже попробовали все, включая живых классиков, а для молодёжи это просто элементарно. Некоторые поэты, начинавшие с верлибра, доросли до традиционного стиха, а некоторые традиционалисты, попробовавшие верлибр, стали верлибристами. То есть верлибр окончательно получил всероссийскую прописку и от этого стал менее острым блюдом, нежели раньше. На фоне хороших верлибров стали особенно видны плохие, которыми нас долго пытались потчевать.

2

Я пишу верлибры и традиционные регулярные стихи параллельно и не вижу между ними большой разницы. В верлибре мне по-прежнему нравится дух свободы и провокации. Любые стихи должны быть интересными, а верлибр должен быть ещё и опасным, как мне кажется. Я люблю читать верлибры. Так же, как и писать. Особенно люблю перечитывать Чарльза Буковски.

Ирина Котова

Поэт, врач, доктор медицинских наук. Родилась в Воронеже. Окончила Воронежский государственный медицинский институт и Литературный институт имени А. М. Горького. Стихи публиковались в журналах «Вестник Европы», «Воздух», «Волга», «Дружба народов», «Новый мир», «Новый берег», «Новая Юность», «Интерпоэзия», «Подъём», TextOnly, «Литература», «Цирк Олимп+TV», ряде антологий и коллективных сборников, основные из них — «День поэзии 2000», «Московская муза XVII–XXI» (2004), «Бабий век» (2008). Автор трёх сборников стихотворений. Лауреат премии журнала «Подъём» (2003), Всероссийского литературного конкурса имени М. А. Булгакова (2009), Малой премии «Московский счёт» (2018).

Гиппократ в подвале

1

в больничных подвалах
смерть
вытягивается в разные стороны
языком муравьеда гонится за добычей
осьминожьими щупальцами хватает
тело

как в комнате смеха

потом тело скручивается в узел
пульсирует
ищет —
хотя бы одно открытое окно для приبلудной кошки
нетронутое блюдо с едой —
осколок снаряда
всё
что осталось

гулкий грохот каталки — сигнал к выдаче интимного
головой вперёд
ногами вперёд
теперь интимное —
место общего пользования
вываливается напоказ
жировыми складками
петлистыми улочками кишечника
сочится ломается преет пахнет

кружевные трусики трещат под ножницами спасения
(вчера выбирались час)

пищевод коридоров натруженно натужно сокращается —
проталкивает живое человеческое мясо

гиппократ

2

лабиринт подвалов никогда не ведёт на выход
под ногами скрипят использованные шприцы
хирургические костюмы глаз куриными желтками
разбиваются о стены
стены их не слышат не чувствуют не помнят
встречая санитаря морга гиппократ холодеет
его сердцебиение его боль — люди-тромбы
останавливают шевеление жизни

скрежет лифта отдаётся в водопроводных трубах памяти
лифт ведёт на небо
к нему нет доступа
там наверху — вожди
они имеют право на ошибки
они имеют право на убийство
на державу отечество империю или как там ещё

раненый гиппократ выворачивает сумку первой помощи
она — пуста

теперь уже неважно
кто в морг кто на выписку кто на встречу с бабушкой

на улице добрый снеговик
улыбается морковкой носа

Они хотят этого

Лене Самойленко

у голодающего политзаключённого глаза — решётка
будто у него шахматная партия
изнурительная шахматная партия на поражение
весь огонь мира внутри него
и нет иного оружия кроме голода

иногда человек на свободе
попадает в шахматную партию

тогда желудок пытается
просочиться ночью на кухню — закрыть рот холодильнику

сушь пробирается в сетчатку и пальцы
этот воздух крутили в стиральной машине — отжали досуха

первой
озверевший желудочный сок
переваривает любовь
как будто из неё могут получиться белки жиры углеводы

потом клетки лопаются от ацетона

бывает ли смерть во благо?

запомни
они хотят этого
они съедают твой мозг как мозг обезьяны в ресторане
это ты
ты
подставляешь грудь под их автоматную очередь

слышишь
они хотят этого

вспоминаю как красиво тыходишь в воду
ветер играет солнцем в пинг-понг

теперь коктебельская атлантида давит на грудь
всей тяжестью материка и моря

Противогазы мёртвых слонов

сегодня зачёт — говорит военрук
нужно надеть противогаз
сидеть в нём час
этот зачёт — ваша готовность к войне
этот зачёт вы будете сдавать пока не сдадите
лучше задохнуться один раз — думаю я

сквозь старые грязные стёкла противогаза
сквозь заливающий глаза пот
мелькает лишь пятнистая лысина военрука
(волосы потерял в горящем танке)
лысина говорит:
я здесь чтоб из мальчиков сделать офицеров
из девочек — женщин
кто сдаст зачёт — расскажу про вьетнам
про его жару про ночные пули про то

так мы сидим на зелёных лавочках
хоботы наших голов срастаются со стрелкой часов
что медленно конвульсирует

на стене физкультурного зала
всё не могу больше баста —
хрипло всхлипывает сосед
его мёртвый слон падает на пол
лучше задохнуться один раз — думаю я

вскоре слоны сдуваются один за другим
громко больно бьются
выстилают физкультурный зал
полей сражения

хоботы сплетаются с повиликой
калаши прорастают кашками
подводные лодки — белыми лилиями волнами ковыля
выравниваются машинами противотанковой пехоты
все они — все слоны задохнулись даром
все — даром
наверно — у меня гипоксия — думаю я
но лучше задохнуться один раз

стрелка часов
совершает последнее конвульсивное движение
я срываю своего слона
он падает на пол мёртвым
всё равно — мёртвым

в спортивном зале — только я и мёртвые слоны
много мёртвых слонов

поздравляю
вы готовы к войне — говорит военрук
это хорошо? — чужим голосом спрашиваю я
это как вьетнам — отвечает он

Ирина Котова о верлибре

1

В последние годы с изменением социально-политического микроклимата появилась потребность в точности мысли, экономии слова, переменном ритме, новой звукописи, порой — абсурде, ведущем к раскрытию нового пространства. А это — верлибр.

2

У меня произошёл полный переход от регулярного стиха к свободному. Рифма стала рамой, мешающей развитию поэтического языка.

Сергей Круглов

Поэт, публицист, православный священник. Родился в 1966 году в Красноярске, учился в Красноярском государственном университете на отделении журналистики. Служит в Спасском соборе города Минусинска. Участник Второго Всероссийского фестиваля молодой поэзии «Вавилон» (1994). Стихи и проза печатались в периодических изданиях и альманахах в России и за рубежом, на русском языке и в переводах. Автор десяти книг стихов, четырёх книг церковной публицистики, колумнист интернет-издания «Православие и мир». В 2013–2016 годах — автор и ведущий программы «Поэзия. Движение слов» о современной русской поэзии на «Радио Культура». Лауреат премий Андрея Белого (2008), «Московский счёт» (2008), Antologia (2016).

Ангел недостойнства

Я гляжу, россияне,
Вы как бы особенно благочестивы:
Вы устроили алтарь Ангелу Недостойнства.

Не стоит ему поклоняться: он
Сам поклонится вам.

Ангел Недостойнства вечно опаздывает
На утренние разводы Небесных Чинов:
Он дворником служит
У бетонных панельных подъездов
Вашей жизни.
В старой армейской ушанке — подпалины, след от кокарды, —
В калошах на босу ногу,
Он ширкает метлой по заплёванному асфальту,
Древком с гвоздём на конце пронзает
Мусор, суёт, суёт
В мешок окурки, пластик,
Голосом не из звонких, с песочком,
Напевает ангельскую свою песню:
«Мы летим, ковыляя во мгле», колет
Заледеневшую мочу на ступенях,
Зорко следит, внутрь не пропускает
Демонов воли, силы, бесов успеха,
Травит крыс удовлетворённости.
Как раб-педагог, в храм он ведёт вас за ручку,
Мимо ушей пропускает ваши капризы, приколы,
В варежку ваши страхи сморкает, не позволяет
На морозе с крыш сламывать, в рот тянуть
Непокаянные ледяные угрызения.

Там, в храме,
Когда Огонь обрушивается с неба
На вы и на предлежащая дары сия,
Он укрывает ваши серые лица
Крылом, временем траченным,
Чтобы вы не ослепли, а когда золотая
Чаша сочится небывалой жизнью,
Он складывает вам на груди трясущиеся руки,
Держит вашу сумку, шапку,
Оцепеневшие уста раздвигает,
Напоминает прохрипеть вдруг и напрочь забывшееся имя:
«Недостойн». Вот ещё, и ещё, и ещё один
Лукавый, развратный, непотребный раб Божий
Причащается, в суд и в оправдание.

Вечерами
Собирает он с пола обрывки
Механических, остывших ваших молитв,
раскладывает в конверты,
Проводит языком по краю, пишет адрес.
Словно усталая мать семейства,
Сидит он с краю, подперев щеку, сам не ест, смотрит,
Как пережёвываете вы скорби ушедшего дня.
Сворачивает он на ночь
Продрогшую вашу совесть в позу эмбриона,
Укрывает, как одеялом, милосердной пушистой ночью.

Ангел Недостойнства, из Ангелов единственный, знает,
Почему эта тварь спит так, словно она бессмертна.

Бруно Шульц

Солнце за окном — рыжая лилита,
Смеясь, имена трёх ангелов сожрала.
А я-то ребёнок, а я не испугаюсь,
Отец! я её нарисую,
Заклятие: карандаш, бумага.
На металлической ветке за окном тоскует, просит плоти
Стимфалийская птица весна
Сорок второго года.

Знаешь, отец, ведь если Бог — и в самом деле
Раввин из Дрогобыча, то мы пропали!
Но если Он — просто Б-г,
С кровоточащей мясной пустотой «о» (словно
Вырвали, плотно скрюченными пальцами уцепившись,
Восемь страниц с рисунками из самой середины
Плотной, пряной, трепещущей, как влажная роза,
Книги) — то
Ничего, может, ещё оживём.

Памяти кота

Вот, эти
Наши ближние, которых мы возлюбили как самих себя,
Покидают нас, оставляя нам нас самих.
Возвращаются в вечное лоно.
Всё, всё своё они забирают с собой:
Булатное отточенное смирение,
Бриллиантовую верность,
Золотую лень,

Пламенную настойчивость,
Червлёное серебряное лукавство.

Память, шерстяная, потёртая, серая,
Севшая от употребления, потерявшая форму и размер,
Рваная кое-где (заштопать, немного поносить),
Но пока ещё тёплая, — хоть это мы успели оставить себе.

Закутавшись до плеч, мы не спим,
Сидим и сидим с тобой на крыльце,
Молчим,
Смотрим, задрав головы, им вслед,
В невероятную бездонную ночь,
В которой мерцают зеленоватой надеждой
Линии их жизней на подушечках лап.

* * *

жизнь моя! просто животное

семь лекарств на языке твоём
было всегда, я помню

ищешься терпеливо выкусывая
все эти дни

даже двойная, внимательна и безразлична
продаваемая за ассарий

умирать заползаешь от всех
в укромную щель

утробно мяуча от стыда
ибо смерть — это стыдно

такая жизнь
если сбрить с тебя поросль
слишком человеческого
красного этого красного

Сергей Круглов о верлибре

1

Жив ли верлибр ныне в русской изящной словесности? Мы так часто торжественно хороним то и сё в культуре, так любим эти конкурсы эпитафий, фотографирования на фоне могил и обильные поминальные трапезы, и это по-человечески понятно; однако жизнь жительствоует вовсе не «по-человечески», как, впрочем, и не «внечеловечески» — она жительствоует «надчеловечески», воздымая, преображая и включая человека в нечто большее, чем он сам — в Человека Подлинного; наше любимое кладбище, где чего только не похоронено, в том числе и верлибр в одной оградке с регулярным стихом, — пусто, это собрание прихотливо украшенных кенотафов, не более того. Верлибр жительствоует в русской поэзии, его любят, ненавидят, о нём спорят, из него созданы великолепные произведения русских поэтов от Сумарокова с его девятнадцатю переложениями псалмов до современных нам рэперов, и этот факт — неоспорим и прекрасен. Маркер верлибра — свобода, и в век разномастных, тотально усиливающихся несвобод он дополнительно ценен нам ещё и этим; однако не забудем повторить за Элиотом: «Автор верлибра свободен во всём, если не считать необходимости создавать хорошие стихи».

2

Верлибр, грубо говоря, всего лишь один из инструментов поэта, как инструменты поэта и всё то, что верлибр исключает (якобы безоговорочно): рифмы, слоговый метр, изотония и изосиллабизм, регулярная строфика. Может ли быть употребляющим все эти инструменты — один и тот же поэт? На мой взгляд, странный вопрос: можно ли живописцу предписать при создании картины пользоваться либо одной только кистью, либо одним только мастихином, либо воспретить использовать карандаш ?

Говоря же негрубо: каждый пишет, как он дышит, это наиболее точное, по-моему, описание процесса рождения стиха. Дыхание, настроение, кровя-

ное давление, прозрачность или матовость мнемозины, пьяное ликование или похмельная печаль, тот или иной ритм, тон выдают музыку сегодня одну, завтра другую, и это естественно — и глуп вопрос, что лучше: блюз, огненная частушка, бардовская туристическая песенка, военный марш? Поэт делает тот скальд, который именно сейчас нахлынул на него — Оттуда; прочее техническое — не то чтобы от лукавого, но уже второстепенно. Любимые мною поэты всё это понимают и, не обращая внимания на споры «чай или кофе — верлибр или регулярный стих», создают свои стихи в самых разных техниках. Меня, помнится, от внимания к этому спору в своё время спасли открытые мной верлибры Вениамина Блаженного, повернувшие ко мне его творчество новой, ранее для меня незнакомой и великолепной стороной, в его воспалённые хасидские песни и танцы добавившие кул, словно бы к клезмерской гоп-компани примкнули труба Майлза Дэвиса и клавиши Дейва Брубeka (Татьяна Бек писала в 1998 году о «воздушности» и «отходчивости» верлибров Блаженного, о привкусе незавершённости, придавшем замечательную ноту всей пряности его основного стихотворного блюда, и о том, что в верлибрах Блаженного присутствует указатель на вольный выход смысла из стройного, как печь, здания огненного силлабо-тонического афоризма).

Инга Кузнецова

Поэт, прозаик, переводчик, критик, литературный эксперт и коуч. Родилась в 1974 году в посёлке Черноморский Краснодарского края, выросла в академгородке Протвино (Московская область), живёт в Москве и Протвине. Окончила факультет журналистики МГУ, в аспирантуре изучала философию. Автор поэтических книг «Сны-синицы» (2002), «Внутреннее зрение» (2010), «Воздухоплавания» (2012), «Откровенность деревьев» (2016), «Летяжесть» (2018); романа «Пэчворк. После прочтения сжечь» (2017) и множества журнальных публикаций в России и за рубежом. Лауреат поэтического конкурса имени А. С. Пушкина (1994), поощрительной премии «Триумф» (2003), премии «Московский счёт» в номинации «Лучший дебют» (2003), Международного Волошинского конкурса (2012). Стихи переведены на английский, французский, польский, сербский, китайский, грузинский, украинский языки.

Сигнал непрерывного взлёта

мы стояли в какой-то панковской подворотне
и я крутила плоскую пуговицу
твоего пиджака
такого клетчатого что он казался мне
расписанием дней
я клонила лицо к укреплённому ватой плечу
и крутила пуговицу
она была как щит
от всех невзгод от которых ты бы меня
может быть не сберёг
и всё кружилось
детская площадка
с облупленную каруселью
скамейки встроенные шатко
среди развалин и расселин
кружилось время и часы
секундомеры светотени
кружились ласточки и псы
прожилки медленных растений
и ленты изначальной тьмы
раскручивались и дрожали
на пуговице этой мы
всё и держали

* * *

ты говорил
что у нас с тобою нет будущего
ел мой рот и говорил
что у нас нет будущего

подбородок
свежевала твоя щетина
да у нас нет будущего
мы были как зяблик и зимородок
и у нас нет будущего
как бесконечно тянулась меж пальцев твоих моя прядь
но у нас нет будущего
я прошу тебя будь таким странным и впредь
а у нас нет будущего
прядь которую ты поправлял и глядел на свечение лба
с такой кротостью силы
а у нас нет будущего
говорил ты всё верно не суть а судьба
да у нас нет будущего
как близко
был безумный твой глаз с темнотой до белка
нет у нас нет будущего
как ты прав эти наносекунды века
а у нас нет будущего
глупо у нас нет прошлого
дико у нас нет будущего
ни у кого нет будущего
будущее фейк

* * *

я и говорю
надоели переводы
с языков тычущейся боли
сгустков крови
напишу роман о жизни тромбоцитов
не цитируй его

я и говорю
совсем уже было пришла в норму
сдала анализы
на уровень безумия на миллилитр
жду результатов

я и говорю
физиология такая смешная штука
я видела
как целовались роботы
соприкасаясь теми участками пластика
к которым были подведены электроды

я и говорю
если бы дело было только
в средневековых сценариях
в поведении непарнокопытных
потных животных
если бы дело было
только в альтернативной музыке
природных аномалиях
движении светил

* * *

сигнал непрерывного взлёта у зябликов
звучит как быстрое рассечение воздуха
портновскими ножницами
to be or not to be
звучит как серия маленьких поцелуев
за ухом
бытие мимолётно

бабочки не моргают
я не могу всё это соединить
в предустановленную гармонию
я не могу всё это соединить
в силлаботонику
это нечестно
мы надорвали воздух
шёлк коммуникации
характерный треск

* * *

приснилось что после смерти
люди не уходят
а превращаются в игрушки
родители бывшего мужа
это плюшевый медведь и кукла
да
мы остаёмся
в гроб
кладут не кого-то а что-то
в последний момент
так положено
таков ритуал
похоже в землю опускают землю
когда бросают землю на крышку гроба
легче всего понять
что она и внутри
кем
ты
будешь
я йо-йо

ведь и сейчас то приближаюсь
то удаляюсь
наверное можно выбрать
кем ты будешь
впрочем дети
играют любым предметом
абсолютно любым

Инга Кузнецова о верлибре

1

Русский верлибр пассионарен, в нём много жизни и нерастраченных сил, и меня радует, когда даже приверженцы классической просодии или архаисты-новаторы, такие, например, как Максим Амелин, обращаются к верлибру. Когда они движут его. Мне кажется, стадия яркой и прямой зависимости от переводов англоязычной поэзии не то чтобы заканчивается для нас, но уже мутирует, переплавляется в нечто иное. Русский — шуршащий фактурами, плывущий и даже заклёбывающийся в оттенках язык. Он тонет в полутонах и растворяющихся в воздухе молекулах дополнительных смыслов, образующих шлейфы. Пишущему по-русски надо быть синестетом. Язык подробен, чрезмерен, избыточен. В чём-то это принципиально язык сомнения и колебания, незакреплённых «гнёзд», подвижных суставов. И это здорово! Таков наш язык, да, в котором ткани больше, чем знака. Ткань можно вздыбить структурой, уложить складками внутренней драмы, которая угадывается, но предательски смягчена всеми этими «ущий» и «ущий».

Драма от этого не перестаёт быть драмой, смысл — смыслом (когда его нет, ткань лежит гладко, и это мертвенно-скудно). У нас очень вещественный язык. Такая неравномерно устроенная плоть. Поэтому мыслящему надо искать просветы и промежутки.

Таковы и мы. Это надо принять. Это ясно в наших верлибрах. Мне нравится, что верлибр на русском становится аутентичней, ближе к подлиннику, приобретает множество регистров.

2

Прекрасен чистый концептуализм в свободном стихе. Привычно атмосферен импрессионистичный верлибр — он не так сжат, но, как в кинематографе, от «работы оператора» тут зависит многое. Мне же, пожалуй, ближе всех новые

сюрреалисты. Как чистые, так и «грязные» (здесь следует улыбка). Мне важно, что в верлибре сейчас делают Вася Бородин и Вадим Банников.

С самой первой книги я интуитивно стремилась к раскачиванию просодических форм, и в этом движении тупиков для себя я пока не вижу. Здесь пространства и пространства, миры и миры!

Но! Но! Там, где я как бы не успеваю справиться со спёкшимися сообщениями мозга, на запредельном градусе, когда требуется конденсация, чтобы выжить, — при выходе в зону автоматического письма или иного позитивного безумия, в последние годы мне становится нужен верлибр. Хотя мне нравится экспериментировать и со стихотворениями-кентаврами (где переходы из верлибра в силлаботонику и наоборот), и с внутренними рифмами в верлибрической строке, и с поисками средств так называемой авторегулярности внутри свободного стиха.

Мне нравится испытывать себя и хулиганить. Мне нравятся возможности верлибра в русском, его насыщенность и прихотливость. Там как будто можно буквально жить — долго, а главное, интересно.

Вячеслав Куприянов

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1939 году в Новосибирске. Учился в Высшем военно-морском училище в Ленинграде. Окончил Московский институт иностранных языков. Как поэт публикуется с 1965 года. Автор десяти книг стихов, переведённых на сорок языков, нескольких книг прозы, более известных в переводах на немецкий и другие языки. Лауреат многих международных и отечественных литературных премий, среди которых Бунинская премия (2010), премии «Европейский атлас поэзии» (Сербская Республика, 2017), Najj Naaman literary prizes (Япония/Ливан, 2018). Живёт в Москве.

Смех

Я смеюсь
над собой
потому что слышу
как смеются
над нами

над нами смеются
потому что видят
над чем
мы смеёмся

печальнее всех
тот кто хочет
смеяться
последним

смешно
ждать
так долго

Смена декораций

Это неслыханно —
возмущается дирижёр
никто не хочет
играть
на нервах

Это невиданно —
удивляется балетмейстер

никто не хочет
плясать
под чужую дуду

Это возмутительно —
изумляется концертмейстер
никто не хочет
петь
с чужого голоса

Это бунт —
догадывается режиссёр
никто не хочет
играть
бедного Йорика

* * *

От её единственного поцелуя,
прежде чем умереть,
он долго старался выжить,
прикладывал к губам снег, полынь,
прикасался к белой коре берёзы,
ночами блуждал, искал озёра,
настоянные на корешках упавших звёзд,
в туман закутывался,
лечился дальней дорогой,
сном, в котором она была похожа на многих, —
его долго выхаживали другие руки,
его заговаривали другие губы,
ему прописывали шум прибора, звон посуды,

и он очень долго старался выжить,
и всё-таки лет через сорок умер,
так и не успев почувствовать перед смертью,
то ли теперь наконец они будут вместе,
то ли только теперь
они навсегда расстались.

Видеоклип от Петра

Железный скелет петра великого
поёт железным голосом
прорубил я окно в европу
стало душно невмочь
в окно во фраках в мундирах
лезут бесчисленные бесы
жалобно подпевают петру великому
хоронят домового
ведьму замуж выдают
за железного феликса
железный феликс поёт
замучим тяжёлой неволей замочим
бесы и ведьмы делают стриптиз
из шинели железного феликса
выходит красивый 122-летний маяковский
маяковский поёт голосом
водосточной трубы играет
на собственном позвоночнике
если люди вы то кто ж тогда вороны
люди и вороны делают стриптиз
обнажаясь до позвоночника
в позвоночниках обостряется

чувство свободы личности
ликующая чернь свергает
памятник маяковскому перпутав
его с железным феликсом
чернь поёт английскими голосами
эмерика эмерика
и мчатся тучи выются тучи

Песня волка

Я волк волк
Я зимний ночной волк волк
Я своими следами служу духу снега
Я хозяин хруста чужих костей
Это я надышал вам морозные звёзды
На ваши оконные стёкла
Пока вы спали во сне
Я навыл вам в небе полную луну
Когда вы ещё не умели смотреть на небо
Это я научил вас бояться ночных деревьев
Это я закливаю вас от опасных игр с собственной тенью
Это я подсказал вам что надо сбиваться в стаи
Я волк волк
Я зимний ночной волк
Я ухожу от вас в вашу же зимнюю сказку

Ода времени

О!
О, половина седьмого!
О, без четверти семь! О, без пяти!
О, семь утра!
О, восемь! О, девять! О, десять!
О, одиннадцать, двенадцать, тринадцать!
О, обеденный перерыв! О, после-
Обеденный сон разума! О, после-
Полуденный отдых фавна! О, последние
Известия! О, ужас! О, ужин! О, уже
Последняя капля! О, последняя туча
Развеянной бури! О, последний
Лист! О, последний день
Помпеи! О, после
Дождичка в четверг! О, после
Нас хоть потоп! О, половина
Двенадцатого! О, без пяти!
О, полночь!
О, полдень!
О, полночь!
О, по лбу! О, в лоб!
О, по московскому времени!
О, по Гринвичу
О, по ком звонит колокол!
О, бой часов! О, счастливые!
О, половина седьмого!
О, полдень!
О, полночь!
О, без пяти!

Вячеслав Куприянов о верлибре

1

Я с самого начала не противопоставлял верлибр рифменному мышлению, помещая его в промежутке между стиховой и прозаической речью. Отношение к «русскому» верлибру успокоилось на фоне общего пренебрежения к литературе. Но само понятие и сама практика стали более расплывчатыми при отсутствии влиятельной критики. Могло бы стать культурным достижением разумное упоминание о свободном стихе в школьных учебниках литературы, но пока не стало. Средства массовой коммуникации, радио и телевидение, как некогда Союз советских писателей, его боятся, им ближе балаганный рок или придурковатый рэп (верлибр якобы нельзя спеть и сплясать). Но Фестиваль верлибра продолжает жить, количество его участников растёт, и книги выходят.

2

В моей практике верлибр спокойно соседствовал с нормативной поэтикой и прозой. Я начал писать, как и большинство, «в рифму». В свою очередь верлибр мог повлиять на мою прозу, почему она признаётся затруднённой, слишком «плотной». Мой замечательный коллега Владимир Бурич определял наш верлибр как «этический», к этому можно подверстать творчество Геннадия Алексеева и Арво Метса, повлиявших на развитие современной поэзии. Сегодня поэзию вообще захлёстывает стихия непереваренной устной речи, сленга, жаргона, вплоть до уголовной фени и первобытного мата. Это выводит поэзию за грань литературы в традиционном понимании («Нас возвышающий обман»). Этому способствует устранение читателя из обихода автора, из чего следует устранение автора из обихода читателя.

Дана Курская

Поэт, редактор, переводчик, Родилась в 1986 году в Челябинске. Автор книг стихов «Ничего личного» (2016) и «Дача показаний» (2018). Организатор Международного ежегодного фестиваля современной поэзии MyFest. Основатель и главный редактор издательства «Стеклограф». Победитель международной поэтической телепрограммы «Вечерние стихи» (2014) и поэтической премии «Живая вода» (2015). Лауреат Литературной премии «Лицей» имени А. С. Пушкина (2017). Публикации в журналах «Знамя», «Интерпоэзия», «Новая Юность», «Волга», «Юность», «Дети Ра», «День и ночь», «Москва», «Кольцо А». Живёт в Москве.

Девять

А когда мы с тобой всё-таки ссоримся,
Я как-то сразу понимаю,
Что девять лет разницы —
Это огромная пропасть.
И она в одну секунду разверзается
Прямо у меня под ногами,
И в нее летит всё,
Что было нам дорого
И не очень уж дорого,
Но было,
Было нашим.
«У нас совсем разные интересы!» —
Кричу я в унисон с ширящейся бездной.
«У нас разнонаправленные векторы!» —
Ору я в такт шатающейся под ногами почве.
«Когда мне было пять,
Тебе было уже четырнадцать!
Ты уже читал под партией «Эммануэль»!
Ты уже смотрел «Девять с половиной недель»!
Ты уже покупал кроссовки у фарцовщиков!»
В воронку бездны летят злые,
Неумолимые мои слова.
Вот уже в жерло пропасти мчится
Главный мой аргумент:
«Ты ведь даже не помнишь,
кто пел песню «Люси»
В девяносто первом!
Потому что тебе
уже было четырнадцать
И у тебя наблюдались совсем,
Совсем
Другие интересы!»

Потом ты хватаешь мои плечи
Своими пальцами,
Которые девять лет
Смели жить
Без меня.
И говоришь голосом,
Звучавшим в этом мире
Все те долгие девять лет,
Пока это глупое пространство
Позволило себе существовать
Без меня.
Ты говоришь: «Прости.
Прости, что я
Мог дышать девять лет.
Девять лет мог ходить
Без тебя».
Бездна издаёт удивлённый чавкающий звук
И мгновенно схлопывается.
...А потом, когда мы лежим, обнявшись,
И моя голова — на твоей груди,
В тишине произносишь:
«Газманов».
И ещё, помолчав:
«Родион».
И тогда засыпаю спокойно.

Бабушка моя

Существуют мужья, подло обманывающие немолодых жён,
Некоторые финансисты ловко

подделывают цифры в годовых отчётах.

Современные школьники умудряются затирать двойки
цифровым ластиком в электронных дневниках.

Все брешут кто во что горазд.

Я — чудовищно вру своей бабушке.

— Как ты, Мурзилка? — спрашивает она меня,
наклонив голову вбок, как старая канарейка.

И я с идиотской улыбкой ей вру:

— Хорошо.

— А как муж? —

и бабушка щурится, чтобы лучше меня услышать.

И я снова вру с идиотской улыбкой:

— Так любит меня!

Работает эм... замначальником... эм... на заводе.

И бабушка удовлетворена — завод, замначальник, любовь.

— А что там с работой?

— Отлично! С работой отлично!

Я просто купаюсь в купюрах, клиентах, заказах!

— Откладывай в сберкассу! — в бабушке

просыпается главный бухгалтер.

Откладывать — это я люблю.

— А как там стихи?

Набираю в лёгкие побольше воздуха:

— О, замечательно!

Вчера меня публиковал «Новый мир».

Но бабушка хмурится — код не прошёл.

Тогда по-другому.

— Недавно звонил Максим Галкин,
просил почитать в «Голубом огоньке».

И бабуля довольно кивает —
уж Галкин ей ясен.
— Легко тебе, Даник?
— Легко!
Мне предельно свободно!
Мне солнечно, радостно, весело!
Все обожают меня!
И бабушка подслеповато глядит на меня, как на солнце.
И ей девяносто.
И помнит она через раз.
А завтра я снова приеду и всё повторится —
Нучтотамсработой-амужкак-легколивмоскве.
— Бабулик, давай о другом.
Помнишь фильм «Дело было в Пенькове»?
— Не помню.
— А помнишь войну?
— Нет, не помню.
Давай о тебе.
...Все мы врём, насколько позволяет нам наша подлость и нежность.
И я здесь — банальный солдат
на топком поле бессмысленной светлой лжи.
Но ведь, если вдуматься, коварная старуха
сама меня с детства приучала к вранью.
В ответ на вопрос «Ты всегда будешь рядом?»
Шептала: «Всегда».

Дана Курская о верлибре

1

Русский верлибр, на мой взгляд, переживает сейчас эпоху расцвета. Всё больше современных поэтов обращается к верлибру. Ему посвящены масштабные фестивали, а иные из самых востребованных литературных журналов предпочитают верлибр традиционному стиху.

2

Я пишу верлибры, когда мне необходимо построить сюжетную линию, чаще всего это происходит, когда касаюсь биографических тем.

А для многих моих знакомых поэтов вопрос обращения к верлибру является политическим, потому что в современном литературном процессе есть как поклонники этого жанра, так и ярые его противники, данный жанр отвергающие в принципе.

Света Литвак

Поэт, прозаик, художник, перформер. Родилась в 1959 году в городе Коврове, окончила Ивановское художественное училище. Участник студии Кирилла Ковальджи при журнале «Юность», член клуба «Поэзия». Автор девяти поэтических книг, среди которых: «Разноцветные проказники» (1992), «Безнравственные коллизии и аморальные пассажи» (2009), «Русский мальчик бегаёт» (2015), «Гнев и похоть» (2016), «Вновь полон сад» (2017). Вместе с Николаем Байтовым в 1994-м создала акционную программу «Клуб литературного перформанса», отмеченную грантом Фонда Сороса (1998). Лауреат Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка (2004). Лауреат премии «FEEDBACK», INTERNATIONAL FESTIVAL OF NEO-AVANT-GARDE (Romania, Iasi, 2008). Работа в жанрах и на границах: стихи, проза, живопись, графика, акции, перформансы, визуальная поэзия, бук-арт, мэйл-арт, видео, городской романс. Живёт в Москве.

* * *

книга называется: Русский мальчик бегаёт
книга называется: Она бежала мне навстречу
книга называется: Ты можешь быстро бегать
книга называется: Ран — тот, кто бежит
книга называется: Он кинулся вперёд
книга называется: Она убежала в ужасе
книга называется: Бой — бегун — Россия
книга называется: Из русских раннингс
книга называется: Элон бежит по дороге
книга называется: Ходит Роуд, бродит фаст
книга называется: Роджер Броуди сбрендил, факт
книга называется: Пришло время, беги
книга называется: Плыви быстрее, Свим Квикли
с д е л а й э т о р а д и м е н я
книга называется: Сделай это ради своей матери
сделай это только ради того, чтобы сделать это
назови книгу: для меня это безразлично
мне всё равно, можешь назвать книгу

* * *

Регина к Авдотье
Руфина в Аксинью
Таисья с Альбиной
Аглая как Сильва
не хотят соответствия
гармоническим отношениям
не хотят неугасимой любви
а захотят — с тяжестью идут
а захотят — без тяжести стоят

весь восьмерик
на цепном мосту
как часовые у огня

* * *

ласковая Татьяна перекидывает ногу через раму велосипеда
у Виктории голая попка, задрана правая голень в чёрном ажуре
Серафиме седло упирается жёстко в разверстую мякоть
классической лодочкой туфель Ефросинья крутит педали
слова растопили камни, несётся машина женских имён

* * *

молчат шеренгой бритые тополя
брешут необрезанные берёзы
золотые рыбки посверкивают чешуёй в туче
стриженная земля, вспрыснутый дождём мусор
стрелки приборов сваливаются направо или налево
взвизгивают ласточки, крест-накрест летают птицы
что может быть лучше погоды

* * *

Взволнованная государыня приняла решение
на небе наблюдалось северное сияние
произнесла пророческие слова
проявила жестокость, оказала милости

порвала подписанные ею документы
подходили по очереди целовать руку императрице
позволила кабинету министров уединиться
сама пошла обедать

* * *

Злая крышка
так изощрённо больно
стукнула меня по щиколотке,
взвившись над кастрюлей
с бурлящим картофелем
и, вертясь,
спланировав вниз,
острым алюминиевым ребром,
сделав коварное движение вбок,
с явным усилением
впилась мне в ногу
и отскочила,
упав плашмя на грязный линолеум.

* * *

нет никаких оправданий
и не было вообще
не ищи
никогда не сыскать тебе оправданий
и никаких оправданий!
так как оправданий твоих не выслушают и не напечатают

это означает, что ты не получишь официальное
оправдание всем твоим увёрткам и двойной игре!
я же возьму в руки твоё оправдание
и покажу его тебе таким, каково оно есть.
что сказать в оправдание твоё...
оправдания твои ничего не стоят
что ты можешь сказать в своё оправдание?
только вот оправданий твоих мне не хватало
все твои лживые доводы отбиты,
вся контраргументация иссякла
никакие твои оправдания тебе уже не помогут
никакие оправдания не спасут
в том крест твой и всяческое оправдание твоё!
но вряд ли это служит оправданием

* * *

он — чистое серо-голубое вечернее небо
ты — заросли настурции с алыми и бледно-жёлтыми цветами
ты — лист хрена с двумя парами совокупающихся
оранжевых жуков и неподвижной божьей коровкой
ты — зелёный горошек с беленькими цветочками
и незрелыми стручками, с торчащими между
лоз жёлто-зелёными головками дрока

наблюдаю мелких чёрных ящерок, принимающих
изящные позы — маленьких страшных драконов
не останавливаю длинно вытянувшуюся улитку
по бересте короткого берёзового чурбана
не ищу в лесу грибов
я сложилась этим вечером из начинающей зреть плодовой чёрной
рябины, пеня кузнечиков, комара, севшего мне на запястье, ржавой

бочки с перевивающимися через край сорными красивыми цветами,
комара, севшего на мой средний палец, разных нераспустившихся
растений, крупных садовых ромашек, выросших внутри резиновой
шины, люпинусов, синих и бледных, переопылившейся чёрной мальвы
я переопылилась благодаря всему, что живо этим летом
в самой гуще ваших страстных жизней я начинаю
думать жужжащими и трепещущими словами
я обматываю вас ими
я вхожу в ваши дома
вы сыплетесь из моих волос и прилипаете к коже
понимаю ли я что-нибудь в вас — столько же,
сколько вы не понимаете во мне
ещё нет августа, но он уже прошёл
язык зимы слизнул тех, благодаря кому этим
вечером я была воплощена в любовное пламя
была пронизана сорняками
была представлением полёта и временных построек
и вот вышли из моих глаз, из моих снов, из моих планов
шурша непрочными крылами
гудя нестройным хором
блестя многообразием форм
струя неуловимые ароматы

О, мелькание лап, игл, щупалец, стебельков
я сижу на скамейке возле деревянного старого дома
из года в год
в кремовых сумерках и зашедшем светиле
их колёса, плески, сперму и луну
готова полюбить —
хоть и плохо, но лучше, чем ничего
портрет

Говоря о другом человеке,
лепеча, заикаясь,

разглядываешь его,
он слышит твой назойливый шёпот,
ты описываешь то, что тебе
кажется в нём достопримечательным,
делая некие предположения,
кое-какие выводы,
смотришь вниз ему под ноги,
что-то видится тебе.
Можешь ли ты это описать?
На тебя напирают конкретные детали.
Внешние приметы.
Ты готов признаться, что не понял ничего.
Некто отсутствует.
Носятся и роятся представления, линии
утверждения, волны.
Кругом только сменяющие друг друга образы,
равносильные, если не эквивалентные.
Пляска ощущений.
Верчение форм.
Перечисление качеств.
Если ты попробуешь высказаться,
подумай, прежде чем произнести:
Я знаю. В ком-нибудь что-то есть.

Света Литвак о верлибре

1

На мой взгляд, многие русские верлибристы следуют западноевропейской и американской традиции, но есть и оригинальные поэты, мало похожие на кого-либо. Для многих, как я понимаю, это возможность, способ ухода от навязчивости ритма и закольцованности рифм. Но если ты не умеешь справляться с этими ограничениями и достаточно тонкими инструментами, то это не значит, что тебе удастся совладать со свободным стихом. Это тоже форма и тоже инструмент. Мне не очень нравится неприятие и презрение части верлибристов к ограничениям традиционного стиха и то же самое в отношении традиционалистов к современному верлибру. Высоким образцом этого искусства для меня является творчество француза Алоизиуса Бертрана, хотя, точнее, он всё-таки родоначальник жанра «стихотворение в прозе».

2

В моём творчестве верлибр — одна из многих поэтических форм, которыми я пользуюсь. Среди современных поэтов, чьи стихи мне интересны, есть и верлибристы, и силлаботоники, и люди, пишущие на грани этих понятий. То неожиданно вклинивающаяся в свободный стих рифма, то исчезновение то рифмы, то ритма, то одновременно и того и другого из традиционно начатого стиха, то более тонкое микширование.

Александр Макаров-Кротков

Родился в 1959 году. Окончил Московский государственный институт культуры. Первые поэтические публикации появились в середине 1980-х в самиздате, а в 1989 году — в эмигрантских изданиях «Континент» и «Мулета» в Париже. Также с 1989 года начал публиковаться на родине. Печатался в различных журналах, коллективных сборниках и антологиях как в России, так и за рубежом на русском и в переводах на основные европейские (и не только) языки. Автор семи книг стихов. Лауреат и участник ряда отечественных и международных фестивалей. Живёт в Москве.

* * *

адекватный
то есть
бесперспективный

* * *

а уж это
известно кому
известно

Отредактированный экспромт

в сущности
нет ничего

что
очевидно

* * *

ну и что
что птицы летят
над моей головой

птицы летят
через мою
комнату

влетают в стену
что слева
вылетают под потолком

что мне птицы
сегодня
в день утекающий

* * *

когда умер мой папа
он был таким лёгким
я мог бы прижать его к груди
придерживая одной рукой

чей-то всхлип
то ли птица
то ли ребёнок
отвлёк меня

когда обернулся
папы не было

он был таким лёгким

* * *

сначала
казалось

можно уже
вспоминать

обернулся
же

ни тропинки
ни лоскутка

* * *

и не говори
друг мой

лучше
не говори

лучше
не скажешь

* * *

Марине

мы с тобой
на солнечной стороне
острова

протяни руку

вот апельсин
вот лимон

вот море
вот вулкан

мы уже
достаточно взрослые

мы понимаем

другая сторона
невозможна

* * *

знаешь
тогда он был тёмно-зелёным
с отчётливой дымкой
что не мешало
впрочем
да и теперь
он доступен
как бы из-за угла

* * *

тактика входа
стратегия выхода

перекати меня
поле

* * *

вот
говорит
страшно подумать

а когда
не так уж
страшно

думает
что всё хорошо
кончается

* * *

третьего
может
и не дано

а вот что
делать
с седьмым

если повезёт

* * *

мы не твари
говорят они

просто
мы не ведали

* * *

нет
но в каком-то смысле
да

* * *

что-нибудь
сказать

знаешь
неважно

что-то
ещё
осталось

Александр Макаров-Кротков о верлибре

1

По-моему, русский верлибр сегодня прекрасно себя чувствует, поскольку время, когда литературная критика, ссылаясь на образцы классической русской литературы, единодушно убеждала советского человека в том, что верлибр чужд природе отечественного стихосложения, кануло в небытие.

2

Так сложилось, что верлибр занимает в моей стихотворной практике почти всё пространство, так как я пишу почти исключительно свободным стихом.

Верлибром, хотя и не только, писали мои старшие товарищи — Геннадий Айги, Всеволод Некрасов, Генрих Сапгир. Также я был близко знаком с теоретиком и практиком русского верлибра Владимиром Буричем. Очень важны для меня свободные стихи Георгия Оболдуева и Яна Сатуновского. Упоминаю лишь ушедших. Те же, кто живы, продолжают развивать многообразие отечественного верлибра. И это радует.

Вадим Месяц

Поэт, прозаик, переводчик. Родился в 1964 году. Автор более двадцати книг стихов и прозы, переведённых на многие языки. Лауреат ряда отечественных и международных литературных премий. Руководитель издательского проекта «Русский Гулливер». Живёт в Москве.

Первая любовь

Моя первая любовь грелась у батарей,
садилась на корточки и прислонялась спиной
к рёбрам ночных радиаторов,
рассказывая о строении женского организма.

Каждый день ты ждала ребёнка,
но тесты темнели только на Рождество и Первое мая.
Вряд ли нам было стыдно. Скорее смешно.

Даже в детстве у тебя не было кукол.
Что ты сделала с ними? Зарыла? Сожгла?

Моя бабка писала письма генсеку,
жаловалась на тебя, приводила факты.

Я носил в школу окурки в карманах,
от смрада которых Фелицата Андреевна,
завуч, потеряла сознание.

А когда началась война, мы вышли во двор
и смотрели, как люди колонной
проносят гробы по проспекту.

В этот день ты хотела замуж ещё сильнее.
Совершеннолетие мы встречали как смерть.

Табу детской комнаты

Окно вымыли на ночь.
Оно стало совсем холодным.
Мне нельзя пить чистую воду,
брать руками круглые вещи.

Мне нужно привыкнуть к другому.
К белой щёлочи, к чёрной марле,
к кускам сухого картона.
Вот и довольно свободы.

Неизвестно, что более тщетно —
покой или беспокойство...
Точно так же мечтают кошки
гладить волосы человека.

Я готов промолчать и об этом.
Глухота почти идеальна.
Всё равно, о чём ты попросишь.
Всё равно нужны только двери.

Глухонемые ярмарки

1

Помнишь, как китайцы пересыпали лёд
ранним утром? Он стучал по днищу
их короба и отзывался эхом в горах Катскилла.
Мы рвали вишни в ничейных садах,
слушали соловья.
Его песни были похожи на брагу.

В индейском дыму я поднимаюсь над бездной.
Любая моя дорога как водопад.

Бегут по краям шоссе
бесшумные ярмарки глухонемые.

2

Старый бендеровец плачет, упав головой
на скатерть.
И прокликает отчизну.
Яблоки окаменели.
На дощатой стене сарая пляшут лохматые тени.
Карлос Сантана играет на школьном балу.

У нас по-прежнему нет детей,
и мы нянчимся друг с другом.

Прежний ужас нельзя включить, как настольную лампу.
И всё же он повторяется через каждые семь лет.

3

Медвежонок бежит наутёк, испугавшись коровы.
Воротами крепостными закрывается лес.
Скрип петель созвучен скрипу уключин
лодки, идущей в холодный туман
вслед колёсному пароходу.

Дышать становится тяжелее. И потом
в душе что-то лопается, словно бычий пузырь...

Я могу попросить прощенья даже у школьных подруг.
Даже у мёртвых.

Ночь

Я сосчитал отравленных лисиц,
бродя всю ночь
босиком по застывшему саду,
бережно вынимая из пасти у каждой
синие кубики льда.

Корабли увядали как цветы.
Поскрипывали перила.
Вещь во тьме приходящая
манила меня
как оставленная родина.

Каким бы ни был твой путь
однажды запнёшься
о сгусток тьмы,
окаменевшей к рассвету.

День рождения

Двадцать лет назад в Каролине
солнце так же сменялось дождём
как сегодня: выйдешь из дома —
и попадёшь под ливень, а пока
добежишь до машины, он пройдёт.

Шерил Кроу была тогда в моде:
«Всё, я хочу, — развлекаться»
пел приёмник в моей Nissan Centra
выпуска 88-го года

и я, похоже, не хотел ничего другого

я жил один на 18 Грин-стрит
приехав сюда из Нью-Йорка
рыбачил, пил Thunderbird
подобно негру, впервые
в жизни отрастил бороду...

когда мне исполнилось тридцать лет,
я побрился

кто сказал,
что восприятие мира ослабевает
с годами?

сегодня я вижу гораздо ярче
глаза поляка, с которого зачем-то
снял кепку
в стриптиз-клубе,
бабочек захмелевших,
которых я мог собирать,
возвращаясь домой,
как цветы...

Собака

Любовь хороша,
когда превращается в ужас.
И у тебя развязываются шнурки
на церковном дворе.
И ноги подкашиваются.
И рот разговаривает сам по себе.

Богородица Казанская, какая ты красивая сегодня!

И потом ты молчишь 12 лет,
пока, наконец, не увидишь собаку,
пушистую белую собаку,
которая все эти годы сидела у твоих ног.
И ты встаёшь на колени.
И вскоре твой чёрный язык
касается земли.

Разговор с сыном

Диктор на телевидении,
начальник госснаба,
президент европейской страны
или даже учёная гейша
будут мстить тебе,
если их били в детстве.

А тебя-то в детстве любили, сынок.

Читай то, что видишь
в их мокрых глазах, не обольщайся.
Фантазии не доведут до добра,
но ещё преступней быть добрым.

Я бы ввёл наказание в кодекс
за щедрость души.
Ограничь себя — ты вряд ли
что потеряешь...

Наши песни лишь путают ход
межпланетной борьбы.
Поэтому пой, как будто ты
уже умер.

Сынок, когда подрастёшь,
я попрошу тебя: никогда не женись
на прислуге своих любовниц.

Даже если тебе совсем одиноко
в Нью-Йорке...

Вадим Месяц о верлибре

1

Несмотря на огромные объёмы написанного, конкурсы и фестивали верлибра, антологии и премии, верлибр в России по-прежнему фрукт экзотический. Некоторые авторитетные авторы вообще его отрицают в пользу традиционной просодии. Между тем переход к естественной речи — требование времени и состояния языка. Потенциал верлибра используется минимально, лучшие его образцы, введённые в обиход тем же Мандельштамом в «Нашедшем подкову», обойдены вниманием, не говоря уже о европейской поэзии XX века, щедро представленной в переводах на русский. Планка поднята высоко — современным сочинителям легче пролезть под ней. Игнорируются фонетические, метафорические, интонационные, музыкальные, семантические возможности верлибра. Белым стихом занимаются несостоявшиеся рифмовщики, представители субкультур, пытающиеся выделиться, не прилагая для этого особенных усилий. Принадлежность к верлибру становится идентификацией социального выбора, а не эстетического. На выходе мы имеем продукт бытового сознания. Обыденность речи, используемая в верлибре, ведёт к обыденности содержания стихотворений, делая их существование бессмысленным. В механизме создания рифмованной поэзии заложен элемент непредсказуемости. Ей интересно заниматься потому, что ты никогда не знаешь, куда посредством тех или иных рифм попадёшь. Приключение для тебя и читателя. Отходя от формы, ты должен изобретать традицию каждый раз заново — и на это способен не каждый. Совершить сдвиг в свободном пространстве труднее: тебя затягивает инерция прозаической речи и линейность мышления. Обычно в качестве выхода авторы используют фрагментарность, монтаж, что, разумеется, хорошо, когда сделано ярко и парадоксально. Однако фрагментарный стих часто демонстрирует лишь расщеплённость сознания сочинителя, которую, на мой взгляд, не стоит выставлять напоказ. Безумие безумию рознь. Рифмованных графоманов намного больше, но с верлибра, претендующего на прогрессивность, — особый спрос.

Я начинал с верлибра, начитавшись Аполлинера и Хлебникова. Потом перешёл к рифмовке, хотя всегда писал и так и эдак. Сейчас в верлибре интересуют короткие формы. Сгустки экзистенции, что ли. Стихи насыщены, сконцентрированы, но слишком статичны. Имеет смысл двинуться в сторону чего-то более динамичного. На то, что я пишу, могли оказать влияние американские авангардисты, в среде которых я обитал в Нью-Йорке лет десять и многих переводил. Эд Фостер, Саймон Петтит, Леонард Шварц, Элис Нотли, Сюзан Хау и другие. Мы с Драгомощенко издали антологию «Современная американская поэзия», где многие эти ребята есть. В «Русском Гулливере» действуют серии «География перевода» и «Брат Гримм». Это всё нерифмованные стихи, разумеется. Верлибр. Когда издаёшь такое, сам невольно проникаешься интонациями и приёмами.

Из авторов хотел бы отметить «изобразительных» поэтов. Читал недавно Павла Жагуна — будто артхаусный мультик смотрел, у Олега Асиновского — отсвет древнерусской живописи, в верлибрах Андрея Таврова — сплошные Брейгель и Босх. Среди «графических» назову Олега Панфила из Кишинёва, продолжающего практики language school а-ля Драгомощенко. Юрий Смирнов из Киева — энергичный, резкий. Это поэзия прямого жеста, голос личности, мужские стихи. Из «женских» заметна Лера Манович, пишущая полупрозу. Но здесь фишка как раз в существовании интриги, сюжета, психологической ситуации. Стихи эти обаятельны, обладают мягким юмором, что в нашей поэзии большая редкость. Многие современные авторы отличаются многословием, что мне совсем против шерсти. В этом видится неряшливость, неуважение к читателю. Чтобы тебя воспринимали, нужна концентрация, содержательность, в чём бы она ни проявлялась. Удельная плотность стихотворения должна быть предельно высокой, иначе всё рассыпается, как разваренные макароны.

Арсен Мирзаев

Поэт, литературовед, исследователь авангарда. Родился в 1960 году в Ленинграде. Автор поэтических книг, выходящих в Москве, Петербурге, Таганроге, Чебоксарах, Париже и Мадриде. Лауреат Московского фестиваля свободного стиха (1991 и 1993), фестиваля ЛАДОМИР (Казань, 2013), Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка (2006), премии Avantmart Ragpi (Симбирск — Чебоксары, 2006), премии журнала «Зинзивер» (2010, 2011); премии «Петраэдр» (2018). Обладатель Ордена Победы Авангарда первой степени (2011) и Ордена Института русского авангарда (2013). Заместитель главного редактора журнала «Зинзивер». Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

короткое остроугольное шуршание
— это ящерица
длинное и округлое
— змея
голос свой узнаю
только по тембру
молчания

Социум и я

(социумия)

в душе я артист
выступаю
ежесекундно-ежемгновенно
перед самой различной
аудиторией

реакция
каждый раз
незамедлительна:
мощный хлопок
о д н о й
ладонью

* * *

детское —
всё что становится вечным:
вспоминание
смерть
н а д е ж д а

Исход

лицо в $\frac{3}{4}$
на свет
в сторону полёта
мотылька

жизнь в $\frac{3}{4}$
мотыльковая
быстро-лётная
лёгкость

за ней
начинается
восхождение
со скоростью
т о г о
света

* * *

обгоревшие страницы
ветер листает
чье-то
чёрно-белое сердце
дымится

* * *

Николаю Дронникову

1

учусь
говорить
в школе
немых

2

погружаюсь
в глухое
безмолвие —
не по гордыне
из смирения
перед
Господом Словом

* * *

к фотографии Елены Гуро

сидит на полу
в руках кисти

за спиной у неё
этюд

за спиной у этюда
окно

за спиной у окна
МИР

сидит
на холодном полу
маленькая девочка
с путешествующим взглядом
великое дитя
неизвестного возраста

м а т ь в с е м у

* * *

— покажи мне
своё стихотворение!

— не могу.

— почему?

— пасмурно.

в хорошую погоду
его можно разглядеть
даже сквозь облака —
в холодном
питерском
небе.

Стихитрость

стихи — трость
на неё опираюсь
при ходьбе
по этой
ж и з н и

Арсен Мирзаев о верлибре

1

Усталость русской поэзии от стиха традиционного, конвенционального, бряцающего однообразными, однобокими и одномерными рифмами чувствовал ещё Пушкин. Приведём известное его высказывание 1833 года: «Думаю, что со временем мы обратимся к белому стиху. Рифм в русском языке слишком мало. Одна рифма вызывает другую. *Пламень* неминуемо тащит за собой *камень*. Из-за *чувства* выглядывает непременно *искусство*». Пушкин писал о белом стихе, имея в виду безрифменный, — чёткого деления на белый и свободный стих тогда ещё не было.

Верлибр в нашей стране живёт, дышит, активно развивается и близок к тому, чтобы занять место, которое ему принадлежит по праву, — не на периферии литературного процесса, а в самом центре, рядом с так называемым конвенциональным стихом. Будем надеяться, что довольно скоро к свободному стиху перестанут относиться как к гадкому утёнку в «белой стае» традиционных литературных жанров.

В общем, всё идёт к тому, что словам И. Бродского из рецензии на первую книгу стихотворений патриарха петербургского свободного стиха — «едва ли в русской поэзии верлибр может рассчитывать на большое будущее», — не суждено сбыться. Достаточно проштудировать номера журнала «Воздух» и альманаха «Транслит» за последние лет десять, пролистать книги лауреатов премий Андрея Белого или Аркадия Драгомощенко, чтобы понять, какие тенденции на сегодняшний день являются ведущими, актуальными и современными. И это отнюдь не силлаботоника...

2

У меня никогда не было установки писать исключительно свободным стихом. Верлибр и рифмованный стих внутри меня живут дружно и друг другу

не мешают. Я всегда подозревал, что это как-то связано с дыханием. Геннадий Айги неоднократно приводил высказывание Алексея Кручёных (беседа Г. А. с А. К. 1965 года) о том, что для него «море волнуется не метрично, а ритмично». Вот и для меня существует прежде всего ритм. Ритм моего дыхания, который задаёт уже всё остальное. Сегодня я вот так дышу, в таком вот ритме — и пишутся свободные стихи, этим ритмом порождённые. Завтра — как-то иначе, и тогда появляется рифма. То есть в этом случае это такой тип дыхания, который требует меньше ритмического разнообразия, но больше регулярности. И всё же свободный стих мне более свойствен. К верлибру я обращаюсь чаще, чем к стиху традиционному. Силлабо-тонические тексты появляются в основном тогда, когда пишу что-либо ироническое или игровое.

И вообще: «Мы перестали искать размеры в учебниках — всякое движение рождает новый свободный ритм поэту...» (манифест из «Садка Судей II», 1913)

Близкие мне поэты, мои поэтические товарищи, пишут преимущественно верлибром. К ним я бы отнёс Валерия Земских, Александра Макарова-Кроткова, Алексея Кияницу и некоторых других. Но многие из моих друзей-соратников совмещают разные типы стиха: Дмитрий Григорьев, Андрей Полонский, Анастасия Романова, Марат Исенов, Юрий Орлицкий и другие.

Вадим Муратханов

Родился в 1974 году во Фрунзе (ныне Бишкек). В 1996 году окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского государственного университета. Автор семи книг. Обладатель специального приза премии «Московский счёт» за книгу «Узбекские слова» (2013). Поэзия, проза, эссеистика, критика и переводы публиковались в журналах «Звезда Востока», «Знамя», «Новый мир», «Октябрь», «Дружба народов», «Арион», «Звезда» и других. С 2006 года живёт в Подмосковье.

Поэма прошлогоднего ветра

Алле

I

*

Давно успели окна и деревья
забыть о прошлогоднем ветре.
Но вывеску,
лежащую на крыше,
ещё читают облака...

*

Дремлет кошка
на пятнистом от света асфальте.
Заведённая птичка
не умолкает в листве.
Когда этот день
станет невыносимо странным,
рассмеюсь —
и всё изумлённо исчезнет.

*

Иногда удаётся проснуться
на мгновение
раньше болезни.

*

Встали часы,
указав моей комнаты
время.

*

Поблёлка игрушка на крыше.
Только дождь касался её
время от времени...

II

*

Сломанная вещь в твоих руках
любимицей давней
в неведение улыбается...

*

Приблизить лицо —
и вещи почтительно
теряют очертания
на время твоей улыбки...

*

Скоро увижу тебя.
Даже во сне
сердце минуты считало...

*

Хотелось бы взглянуть на мир
из стен твоего безумия.
Обнимаю тебя,
но не втиснуться в клетку,
не рассчитанную на двоих.

*

Видишь: давно рассвело.
Пластинка, неуверенно круглая,
крутится молча...

*

Долго ещё
стою на перроне
с далёким от твоей улыбки
отражением на губах...

*

Касаюсь твоего лица.
Под шум дождя
переживу и эту радость.

*

Ты невольно изменишься,
когда я уйду.
Может быть, слегка заострятся скулы
и увеличится рост.
Волосы потеряют какой-то оттенок.

В общем-то, дело не в нас,
а в освещении.

*

В почтовом ящике
от долгого молчания
завёлся паучок.
Не трогаю: примета.
Тобой надписанный конверт
один нарушит паутину...

Из цикла «Узбекские слова»

памяти Юсупхана Муратханова

Курпача

Толстая гармошка,
свернувшаяся до потолка,
научи меня небу.
Подними меня выше крыши,
выше груши, урюка и одноглазой телевышки,
откуда можно всех пересчитать.

Сув*

Что толкнуло сбежать
вниз по крутому откосу —
не помню, но быстро
кончился рост, и чуткая крыша
сомкнулась над головой,
отменяя течение.

Две огромных руки
до первого вдоха
вырвали из тёплой утробы —
мокрого, испуганного.
Но успели увидеться чёрные травы
на затопленном склоне
и зелёное солнце реки.

Короткая радость стоянья на дне
до сих пор не даёт научиться плавать.

Батыр

Горел. Два раза был порезан.
Ходил с простреленной рукой. И говорят, на нём
немало «тёмных» дел.

Вечерами на бревне от старого тутовника
сутулится, усталый и больной.
Интересно, помнит он
про нашу детскую драку?

* Вода.

Пул*

Дедушка хрипло откашливается,
отрывает голову от подушки.
«Фахриддин, — зовёт он младшего внука
именем старшего, —
вот деньги, сходи на базар, купи мяса».

«Здесь слишком мало, —
кричит Рустам в мохнатое ухо, —
мясо стоит пять тысяч».

«Э нет, не обманешь», —
дедушка пальцем грозит. Уж он-то знает,
сколько стоят на базаре
мясо, и соль, и мука.
Озорные внуки растут,
и он был таким же.
Возвращает голову подушке,
закрывает глаза.

Рустам опускает деньги в карман —
ровно столько, чтобы сесть в автобус
на обратном пути.

Пичок**

Махмуд сидит на корточках,
держится за бок,
десяти шагов не дойдя до дома.

* Деньги

** Нож.

Будто снова, как в детстве,
сел покурить с друзьями,
пока мать занята лепёшками.
Только б не вышла —
опасливый взгляд на ворота.

Странно: лезвие входит совсем ненадолго
в недоступный внутренний воздух.
Но мяч уже не скачет,
и вмятина от удара
исчезает не сразу.
Воздух внутри всё больше похож
на тот, что снаружи.

Не откликайтесь на этот крик, мама,
не отвлекайтесь от жаркой
пещеры тандыра.

Кончилось время мяча.
Пацаны машут клюшками, выдыхают пар,
катятся на скользких подошвах.
Баха, пас!
Я открыт...

Вадим Муратханов о верлибре

1

По субъективному ощущению, сегодня русский верлибр уже не служит средством протеста против регулярного стиха или подчёркивания принадлежности автора к неконформистским, авангардным практикам, как это было два-три десятилетия назад. Верлибр в качестве формы поэтического текста достаточно активно используется и теми авторами, которые в целом более привержены силлаботонике. Всё зависит от художественной задачи, интонации, поэтического материала. Если автор чувствует, что вырезающая в нём вещь требует отказа от метрического каркаса и рифмы, он отстёгивает страховку и идёт по канату свободного стиха на свой страх и риск.

2

К верлибру я впервые обратился в 1995 году — под влиянием как японской традиции, так и западной поэзии, образцы которой были обильно представлены тогда в журнале «Звезда Востока». С тех пор нередко обращаюсь к свободному стиху, чаще всего — в формате цикла или поэмы.

Из современных поэтов, широко использующих верлибр, внимательно слежу за публикациями Алексея Алёхина, Санджара Янышева, Шамшада Абдулаева, Лилии Газизовой, Глеба Шульпякова... Наверное, список неполон. Как было сказано выше, сегодня трудно найти состоявшегося поэта, который бы исключал верлибр из своего арсенала.

Евгений Никитин

Родился в 1981 году в молдавском посёлке Рышканы, в 1997-м эмигрировал в Германию, а затем в 2003-м — в Россию. Окончил филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова. Как поэт публиковался в журналах «Новый мир», «Воздух», «Знамя», «Новый берег», «Октябрь», Textonly, Homo Legens, «Гвидеон» и других. Автор трёх сборников стихотворений и, в соавторстве с Алёной Чурбановой, сборника короткой прозы. Выступал также в амплуа куратора, эссеиста, переводчика и издателя. Участник 53-й Венецианской биеннале искусства.

Культурная революция

В моём детстве
все люди носили полубокс.
В молдавском посёлке Рышканы
других стрижек не было.

Один и тот же человек
стриг всех —
парикмахер Фима.
Полголовы направо,
полголовы налево. Посередине проборчик.
Я тоже носил полубокс.
В посёлке были вечные 50-е.

«Сегодня я иду к Фиме», — говорил дед.
Он почти облысел.
Фима раскладывал остатки его волос.
Одну прядку направо,
другую налево. Посередине проборчик.
Фима не знал других стрижек.

В 90-е моя мама, оперная певица,
переквалифицировалась в парикмахеры
и вернулась домой.
Она стригла и пела арии.
Народу нравилось.
Фима терял клиентуру.

«Мне надоел твой еврейский проборчик», —
сказала мама
и перестригла меня, напевая арию Джильды.
Я стал зачёсывать волосы назад.
Я был горд мамой.

«Ты должна познакомиться с Фимой, —
сказал маме дедушка. — Он научит тебя
делать полубокс».
Но мама не хотела знакомиться с Фимой,
делать полубокс.
Даже я понимал: Фима устарел.
Мама стригла всех по-разному.

Жители Рышкан внезапно
стали отличаться друг от друга.
Это была культурная революция.
Дедушка обиделся за Фиму, за полубокс.
Ходил к Фиме до последнего,
раскладывал пряжки.
Лоялен до конца, мой дед.
Фима уехал в Израиль.

Много лет прошло с тех пор.
Я живу в Москве,
зачёсываю волосы назад.
Жена недовольна.
«Мне надоел твой еврейский зализончик», —
говорит жена.
Хочет, чтобы я выглядел
как герой сериала «MadMen»:
полголовы направо, полголовы налево.
Посередине проборчик.
Как у моего деда.

Wanted

Итак, я перехожу границу.
Я иду через лес, перебегаю от кусточка к кусточку.
Я ползу через болото по-пластунски.
К поясу пристёгнут мешок:
я несу на Украину голову поэта Игоря Караулова.
За неё назначен солидный куш.
Я смогу сделать первый взнос за ипотеку.

Голова болтает без умолку.
Сначала она обвинила меня в предательстве.
— Что поделать — я нищ.
Мне нужно заботиться о жене и дочери,
Нам негде жить, — сказал я.

Потом она стала смеяться надо мной,
утверждая, что Яценюк не даст за голову
и ломаного гроша.
— Что ж, если они откажутся платить,
я отнесу тебя полковнику Стрелкову.
Скажу, что похитил голову из рук Яценюка.
Пускай к ней организуют паломничество,
а меня наградят.
Голова жестоко захохотала, рискуя привлечь внимание.
Теперь она декламирует стихи.

Я промёрз до костей.
Я сплю на деревьях.
Я прячусь от проезжающих бэтээров.
Показываю спутнику НАТО то средний, то большой палец,
пытаясь ввести всех в заблуждение,
а голова всё читает.

Ирония судьбы — когда-то,
промоглым осенним вечером
он сказал, что мне никогда
не стать голосом своего поколения.
И был прав. А помнишь
Венецианскую биеннале,
как мы орали стихи перед ничего не понимающими греками
и жующей ломоть хлеба Йоко Оно?

Я глотаю слёзы и ползу дальше:
голова поэта Игоря Караулова —
это всё, что у меня есть.
Голова по-прежнему декламирует,
будто она на сраном поэтическом вечере
в кабаке имени Данила Файзова,
будто нас ждёт черемша и неформальное общение,
пьяное трио с Геней Каневским,
голый Володя Жбанков, тёплые губы Ольги Вайншток.

* * *

Надя Басова, любовь моего детства,
сидела со мной за одной партой.
После уроков, когда было наше дежурство,
мы убрали класс.
— Ну что, Никитин, герой Советского Союза, —
говорила Надя Басова, —
подметай внимательнее, иначе
я заставлю тебя глотать эту пыль.
Будешь плакать и есть горстями.
Знаешь, Никитин, у нас дома
лежит кассета, на которой записано,

как ругаются евреи. Это пц, Никитин,
так, как вы там ругаетесь,
русскому и в голову не придёт
так ругаться. Хорошо, Никитин,
теперь иди, помой тряпку.
Я шёл в мужской туалет,
чудо дизайна интерьеров,
мыл тряпку. Выжимал, нёс
Наде Басовой, та
самоотверженно тёрла пол,
хотя могла поручить мне, и,
мрачней от собственной красоты,
всё говорила, говорила о том,
что недавно прочла книжку,
называется «Эммануэль», единственная,
говорила она, книжка,
которую я дочитала до конца,
не считая «Рэмбо». Так вот, в этой книжке
можно всё узнать про секс,
я не знаю, как там у вас, евреев,
с этим делом. Ты знаешь
слово «секс», Никитин?
— Знаю, — отвечал я. — А ты, Надя Басова,
уже этим занималась?
— Охренел ты, Никитин, неужели неясно:
если бы я этим занималась,
разве я бы здесь была?
Я не понимал, что она имеет в виду.
Где — здесь? В русской средней школе
имени Крупской? В этом классе,
увешанном фотографиями из жизни
Николая Островского, который закалял
эту самую сталь, с его же бронзовым бюстом
(на нём мы сушили пресловутую тряпку)?

Или здесь, в посёлке Рышканы,
невероятном, самом лучшем месте на Земле,
с огромным озером, полным колоний
мёртвых ракообразных, с золочёными
куполами цыганских дворцов
за болотом, с одинокими курами,
медленно шагающими сквозь
скелеты каруселей под палящим солнцем,
с великой улицей Индеп...денций,
протянутой через весь город прямо в небо?

Евгений Никитин о верлибре

1

Я не стиховед, поэтому скажу немного о другом. Мне кажется, главное — это стирание идеологической границы между авторами, работающими с верлибром и силлаботоникой. Это больше не вражеские лагеря. Говорить о каких-то «верлибристах» сегодня уже смешно.

2

Верлибр — просто возможность. Сегодня автор работает с рифмой, белым стихом, верлибром, гетерогенным стихом — всё зависит от требований конкретного текста. Я вслед за сборником силлаботоники выпустил книжку верлибров «Стендап-лирика», где, в полном соответствии с названием, нащупывал почву на границе стендапа и лирики. У верлибра множество жанровых возможностей на границе с прозой.

Лев Оборин

Поэт, переводчик, редактор. Родился в 1987 году в Москве. Окончил Российский государственный гуманитарный университет. Стихи, переводы, критика опубликованы в журналах «Воздух», «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Волга», «Интерпоэзия», «Иностранная литература», Poetry, International Poetry Review, газете Gazeta Wyborcza и других изданиях. Автор четырёх книг стихов. Лауреат премии журнала «Знамя» (2010), второй премии Ружевичевского переводческого конкурса (2013). Редактор книжной серии «Культура повседневности» издательства «Новое литературное обозрение», литературного проекта «Полка». Сооснователь поэтической премии «Различие». Стихи переведены на английский, французский, польский, немецкий и латышский языки. Живёт в Москве.

* * *

Звёзды из поезда звёзды из самолёта
танец маленьких лебедей

то ли синиц

птицы на баскетбольном мяче
катят его, подпрыгивают

утром прощальный
танец маленьких снегирей
улетающих за горизонт

в театральном разъезде

Рефлексия

«Русский народ выдвинул Ломоносова
в ответ на петровские преобразования».
Как местная ячейка, как партия.
Товарища Ломоносова.
Так пишет товарищ Гуковский.

Морской путь через Ледовитый океан,
намеченный Ломоносовым,
не был пройден в XVIII веке.
Но бесстрашные советские полярники
прошли его на великолепных кораблях
в первую Сталинскую пятилетку.

беря на себя смелость
понимая возможную тяжесть последствий
заявляю

это не божья роса

* * *

Спуф
будто вспорхнула
птичка с ограды
вестница/нарушительница
карантина

Там за решёткой
лифта мчащего в топ
производитель фейк-нюс
на минуту прервал производство
О чём он задумался?
Может быть
он думает о тебе

* * *

Вдаль уходит лесная дорога, и смерч
неба расталкивает деревья.
И пока ты один, загляни в себя: узнаёшь кого-то?
Кто-то из них причинил тебе зло?
Недодал чего-то, обидел, чего-нибудь не позволил?
Гнал через темнеющий лес, когда тебе было страшно?

* * *

Заслужил ли я двойника
на холсте или в камне
или в чьих-то словах?

Если да,
станет ли он
частью удивительного,
камнем ландшафта
или плодотворным нулём?

* * *

За попытку проклясть
город, чья защита в тысячи раз превышала её способности,
от неё остался лишь прах, ощущающий боль.
Очертания спёкшихся органов и рассыпавшихся костей
угадывались, но кто стал бы всматриваться?
Закопали, развеяли, запаяли
в герметичный контейнер и отправили на Луну —
словом, как-то избавились и позабыли.
Город чист. Не вдохнувшие ни пылинки,
розовощёкие мальчики, девочки в белых блузках
утром выходят, не забыв отключиться от подзарядки,
и идут позади водяных опахал поливальных машин,
и воздух трещит от весёлого стука дверей.

* * *

Купил в магазине на Студенческой
Уголовный кодекс
(М.: Юридическая литература, 1960, 174 с.),
вырвал оттуда главу первую Особенной части —
государственные преступления —
и вложил в непостижимо найденную у подземного перехода
английскую книгу Джойса
(Ulysses. L.: Bodley Head, 1960, 939 p.),
прочие весьма интересные главы
(умышленное убийство, развратные действия,
обман потребителей, должностной подлог,
оскорбление работника милиции или народного дружинника,
угроза начальнику, двоежёнство и многожёнство)
обратил в парходики и самолётики
и пустил по реке и по воздуху
со словами: «Плывите, летите, я вас прощаю»,
а Джойса отправил как ценную бандероль
в Генеральную прокуратуру
со словами: «А вас, политические,
Джойс простит».

Лев Оборин о верлибре

1

Верлибр на наших глазах окончательно легитимировался — какие-либо высказывания о его непоэтичности, неуместности на русской почве и т. п. стали верным признаком замшелости, — и то сказать, пора бы, новинка уже лет сто пятьдесят как не нова. Строгое определение верлибра, впрочем, запрещает в нём любые ритмические паттерны — и русской поэзии этому правилу следовать непросто. Не будучи стиховедом, я думаю, что в верлибре всегда есть дыхание, и по его опорным точкам можно выстроить уникальный для каждого стихотворения ритм. Ну а о мотивной, тематической всеядности этой формы нечего и говорить: то, что, казалось, лучше всего пригодно для исповедальных текстов, стало прекрасным, модифицирующимся в реальном времени контейнером для опасных философских и лингвистических экспериментов, для традиционной лирической позиции и иронического остранения. Думаю, недалеко время поп-верлибров (на Западе оно уже давно наступило) и детских верлибров.

2

Стихотворение само решает, чем ему быть, — впрочем, часто, начиная явный верлибр, я сворачиваю на рифмо-ритмическую дорожку и не могу ничего с этим поделать (ну срифмовалось — не выбрасывать же из-за этого); поэтому выбрать сто двадцать верлибрических строк у себя оказалось небыстрой работой. Никакого предубеждения против верлибра у меня, разумеется, нет: я люблю эту форму, как и прочие. В практике близких мне авторов — перечислять их будет долго — он занимает большое место, как правило, будучи не единственным приемлемым для них формальным решением.

Хельга Ольшванг

Поэт, сценарист, режиссёр. Родилась в Москве. Окончила сценарный факультет и аспирантуру ВГИК. Стихи и переводы печатались в журналах «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «Интерпоэзия», «ШО», «Новый журнал», «Контекст», Modern poetry in translation, The Plume и других, а также вышли шестью отдельными сборниками. Автор и режиссёр фильмов (имя в титрах — Хельга Ландауэр) «Вдали от Венеции», «Путешествие Дмитрия Шостаковича» (совместно с Оксаной Дворниченко), «Фильм о Анне Ахматовой», «Отвлекаясь на другое», «Дневник Орфея», «Аркадия» (2015). С 1996 года живёт в США.

* * *

Вышел Тесей из метро
на кольцевой Павелецкой, и дальше, беснуясь,
зверь застучал под землёй, заметался по кругу.

Сверху кругами пошли
красные, в лампах, бульвары —
путь отражённый.

Шли по бокам «лабиринт
книжный», кабак, бакалея,
шли «Кинотавра» за ним городские афиши.

Не посули журавля
в дар уходящему. Где бы
нить отыскать — в руку вложить, потерял.

* * *

пулями летим
пчёлы мы
из тюрьмы
улья
(он же пулемётная лента
свёрнутая восковая)
летуны арестанты
воя летим как стена
множество я шестиногих
окрылённых свободой и голодом
жаль
очередь коротка умереть

лакомое
жаль оставить чужим
зеки мы зеки ага
снижаемся и умираем живьём
в клумбах и цветниках
женщин знали насквозь
в их оборки и кратеры
мы вонзались
сочилась дыра из дыры
рой хромосом хоботки
наводящие ужас и жалость
так сжались что ж
из гортензий и роз
и разорванных риз и трусов
льётся жизнь нараспев

* * *

Сегодня ходила смотреть:
всё как было. Жара.
Тот же сад наш
в летнем, старом костюме
с бабочкой.

aiora

1

Петляющая дорога
прерывается —
тут река,
поваленная весной во время бури,
тут — поперёк
горлица перепорхнёт — и темно.

Вместо прежней,
вытянется ветряная дорога.

«Ног под собою не чую, — говоришь, — от веселья
на такой высоте»

* * *

Стул — запрокинутый корень,
вилка — цветок оловянный,
вешалка — ястреб.
Одичалые вещи,
до которых дотягивались,
которые опрокидывались,
которые протирали, теряли,
побудут и так, без рук и работы:
отлитые формы,
паутина во льду салатниц,
пока отлучились владельцы и мастера,

воображают себя
существами, видами
земноводных, дикорастущих.
Стул — запрокинутый корень,
вилка — цветок оловянный,
вешалка — ястреб,
черепахи и мидии в раковине со вчерашнего праздника
отмокающие от жира.
Склады парнокопытных вещей.
Витрины членистоногих.
Альковы двудольных,
жертвенники, бельевые шкафы
и пустые сортиры в таблицах
натуральной истории, схемы эвакуации из пирамиды подвидов
во время бомбардировок и наводнений.

Не почувствуешь света,
кисточки археолога на своей ключице, в паху,
отлегающей лавы сухой
просыпающейся между рёбер, в глазницы.
Содраны все потолки.
На раскопках главное отделить,
обнаружить целых, отметить, где их накрыло.
Что значили мы друг для друга —
потом разберут, от камней и песка
медленно освобождая углы,
что там было
утварью, что — божеством.

веки твои зашторены солнцем и солнцем,
к выходу, гипсовой пальме, хлопая, хлопая стоя, плывёшь.

Девять на двенадцать

Подписи к фотографиям Арбус
эти ваши стихи,

много лучше манерные карлицы и оцифрованные цветочки.

Не успокоюсь.

Особенно хороши городские сцены ч/б, пищевые точки,

«выпить, выпить» — рефрен.

Вечное что-нибудь выпяти —
третью грудь или сиамских дочурок,
лебедя из штанов, изо рта окурков

затуши о язык и вынь,

фрик — силлаботоник,
верлибрист — канатоходец,
лунатик,
бородатая поэтесса,
городской глашатай и комнатный неврастеник.

Миру скалясь,
все на одно лицо, из одного лица,
из одной фотографии весело зырятся

человек-арбуз,
человек-стихотворица,
человек-змея,
вы, мы, я.

Японский геранос

Потряси так и смяк, постучи о ладонь,
и пойдут себе дальше частить

картотека секунд,
скакалка минут,
нить ут́ока и втулка,
суток ночные монеты,

раскатываться автострада,
болтая, расстёгиваться проститутка.

Времени много, Тесей,
хватит на сон и
поездку, на секс и развязку, а много его и не надо.

Долго шёл лабиринт,
а станцуешь его как журавль,
и пройдёт
тишина заблудившихся,
станет заметна.

Сменишь постель, ремешок, батарейку,
сменишь на милость — гнев,
и потрясённые Seiko твои

восвояси пойдут, вперевалку.
Мало осталось.

* * *

напечатан сызнова на других языках
и опять на родном
нашумевший лес
прошлые тиражи разошлись
нынешний отрывают с руками
в мягких твёрдых обложках
зачитан до дыр он
кого ни спроси
всякий знает его наизусть
то и дело пожухшие фразы слетают
с языка в ноябре

Хельга Ольшванг о верлибре

1

Было такое остроумное высказывание поэта, которого очень люблю: «Качество верлибра зависит от калибра». И, наверное, так и есть.

2

Я не берусь анализировать современные, да и никакие другие стихи в категориях жанра и формы. Или практики. Но про опыт могу сказать, что писать верлибром сложнее. Такое стихотворение больше похоже на дерево, но оно не дикорастущее, как принято считать. Его умные ветки видят друг друга.

Юрий Орлицкий

Родился в 1952 году в городе Челябинск-40. Окончил филологический факультет Куйбышевского госуниверситета. Работает в Москве, в РГУ, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник учебно-научной лаборатории мандельштамоведения. Автор более тысячи статей по теории стиха и прозы и современной русской литературе, четырёх литературоведческих книг, наиболее значительные из них: «Стих и проза в русской литературе» (2002), «Динамика стиха и прозы в русской словесности» (2008), «Стих современной русской поэзии» (2014). Организатор и участник 24 фестивалей русского свободного стиха. Как поэт печатался в Антологии русского верлибра, альманахах и коллективных сборниках «День поэзии», «Поэзия», «Стрелец», «Своим путём», «Речитатив», «Время «Ч», «Вчера, сегодня, завтра русского верлибра», «Коломенский альманах», «Итоги века», «Легко быть искренним», «Самое выгодное занятие», «По непрочному воздуху», «Перелом ангела», «Акт», «Черновик», журналах «Арион», «Футурум-арт», «Литературное обозрение», «Аутодафе». Переводил Т. С. Элиота, Э. Паунда, других американских, турецких, итальянских, французских поэтов. Автор семи стихотворных книг.

* * *

Старые письма
Обжигают пальцы.
Старые фотографии
Сжигают глаза.

Когда-нибудь
Я пойду по земле
Слепой
И безрукий.

* * *

Чёрный троллейбус
Стоит, наклонившись,
на обочине
ночной дороги.
Пусть тебе никогда
не будет
так одиноко.

For no one

Кто тут у вас где
Кто при чём
Кто почему

Никого тут нет
Никто ни при чём
И нечего тут
Закройте дверь пожалуйста,
не мешайте работать

Девочка грызёт печенье
И сочиняет хайку
НИ ДЛЯ КОГО

* * *

Разбегается по лысым холмам
огненная шкура дракона

В такие ночи умирают
в своих одиноких домах
больные

Как удар огненного хвоста
короток путь от эпитафия к эпикризу

Заверни в фуросики печаль,
отнеси в далёкие горы
оставленной умирать матери

Только сам не умри
по дороге...

* * *

Вместе со старостью
подползают страхи:

незамкнутой двери
и непогашенного огня,
незнакомца в ночном дворе
и красивой девушки напротив.

Отводишь глаза,
ускоряешь шаг,
возвращаешься к запертой двери

Не забывая
бросить взгляд
в зеркало

Сон и я

во сне
слетать в будущее

чтобы увидеть
когда и как
умрут
мать и отец

чтобы сразу забыть это,
но долго потом испытывать
бесполезную,

щемящую нежность
к ним

потом
можно навести справки
и о себе...

* * *

первая рубашка —
розовая
или голубая

последняя,
говорят, —
белая

если сможете,
назовите ещё два оттенка

хотя бы...

Про ударение

Чудны дела твои, Господи

Чúдны
Или чуднý?

Чúдны дела твои:
Столькими чудесами украсил
И ежедневно украшаешь
Ты мир...

Чуднѝ дела твои:
Не устаю удивляться
Кук странно, как чуднó
Устроил ты этот мир
Чудны дела твои Господи

Чúдны
И чуднѝ

* * *

Люблю себя
Потому что узнаю в себе
то мать
то отца
то деда
даже бабушку,
с которыми рос
и которых продолжаю любить

Каково живётся тем,
кто ненавидит своих близких?

В метро

Две оранжевые женщины
сильно за сорок
Медленно ползут по эскалатору
с мокрыми тряпками в руках
Как любимого мужчину
обнимая каждый фонарь

* * *

боюсь огня —

шага,
сделанного древним человеком
к костру

до сих пор
не повторил

боюсь воды —

на отчаянный прыжок
совершённый на берег
обезумевшей рыбой
уже решился

но больше всего
боюсь людей

особенно тех
что прошли
огонь и воды

Юрий Орлицкий о верлибре

1

Живёт и развивается, слава Богу!

2

Я люблю верлибр и его авторов, в том числе и современных, многие из которых — мои друзья. Сам раньше писал по-разному, но в последние годы предпочитаю верлибр.

Андрей Полонский

Поэт, рассказчик, эссеист. Родился в 1958 году в Москве. Учился на историческом факультете МГУ, не доучился. Был под арестом, на войне и на Крайнем Севере. В 1990 году создал литературную группу «Твердый Знак», издавал с друзьями одноимённый журнал (1991–1995). Автор десяти книг поэзии и прозы. В начале нового века участвовал в создании Общества вольных Кастоправов и мультимедийного альманаха «Кастоправда» (www.kastopravda.ru). Тексты переводились на английский, французский, испанский, немецкий, польский, болгарский, хинди. Значительно больше тысячи текстов — стихов, прозы, эссеистики, публицистики, чистой журналистики, околонучных работ — опубликовано в разных периодических изданиях и на разных языках. Не меньшее количество — в сети. Живёт в Санкт-Петербурге.

* * *

Никогда не торговали рабами, фруктами, семенами, мясом,
Никогда не убивали, не казнили,
 не распоряжались, не отнимали последнее,
Просто смотрели, как вокруг торгуют
 рабами, фруктами, семенами, мясом,
Убивают, казнят, распоряжаются, отнимают последнее.

Обличали, обдумывали, поощряли действия этих мужчин,
Получали от них подачки, иногда
 с избытком, иногда только, чтоб не умереть с голоду,
Для скучающих дам сочиняли приятные куплеты, время
 от времени развлекали их ритмическими телодвижениями,

Пока остальные торговали рабами, фруктами, семенами, мясом...
Ну и так далее.

* * *

Кадрить девушек на остановках общественного транспорта,
Когда все делают это в клубах, на театрах и в гостиных,
Заниматься делом двадцатилетних,
 развозить по городу всякую лабуду,
Ничего не смыслить в серьёзных вещах,
 профессиональных ценностях, верности и упорстве,
Обрести, наконец, бессмертие на повороте
 с Обводного канала на Нефтяную дорогу
И потерять его лет через десять по случаю, в чужой квартире.
Когда одевался, оно выпало из кармана джинсов и куда-то закатилось,
Ну не суетиться же на глазах случайной подруги, не ползать по полу.

* * *

Улица Рубинштейна:
Сидят девочки в окнах кафе и ждут,
Нас ждут,
Но ждут нас тех, а не нас нынешних.
Когда-нибудь это ощущение настигнет каждого,
Если ему повезёт по жизни.
Свои среди своих путешествуют по времени.

Два в одном

1) Птолемей разместил Тартар в центре Азии,
эту землю считали
страной пресвитера Иоанна,
родиной великанов и драконов,
логовом смерти,
территорией затерянных во времени истин,
просто пустыней.
Люди меняют ад и рай местами
в зависимости от того,
что угрожает их распорядку дня.

2) Муфтий Татарстана Камиль Самигуллин сказал:
экстремистские проповеди и высказывания недопустимы.
Не бойтесь,
ваши супермаркеты останутся на месте,
и вокзалы, и аэропорты, и родильные дома.
На пути из Мекки в Медину
ветер сушит слёзы.

* * *

Болят и уже никогда не пройдёт
Он лежит на выцветших простынях
Смеётся
Говорит глухим голосом
Помнишь Анну
Она утонула этим летом
Незадолго до того приходила ко мне
Признавалась
Я люблю твёрдый сыр и закишее молоко
Дорогой коньяк
Но ничего не могу поделать
Гримасы и маски больше не помогают

* * *

Воспевающий мир дремлет под мостом Инвалидов,
вспоминает последнюю шахматную партию с Себастьяном,
как он прижал Себастьяна на правом фланге,
какой красивый поставил ему мат пешкой, конём и офицером.
Воспевающий мир укрыт новым плодом,
подаренным Аишей, девятнадцатилетней студенткой из Марокко,
он водил её по левому берегу, показывал заветные нычки,
они говорили о Нордине Тидафи и Блезе Сендраре.
Воспевающий мир почти окончательно уходит в ночь,
но тут является Сьюзен и толкает его к стене,
на одной скамье вдвоём тесно, зато тепло и неодинокое,
он обнимает её левой рукой, прижимается крепче,
она просит: «Расскажи о юности!» —
и он рассказывает...

...о родительском доме на окраине Марселя,
о том, как в двенадцать лет первый раз
 напился с Жан-Пьером и блевал в море,
как потом они сосали друг у друга, это было сладко и даже тревожно,
как в тринадцать написал свой первый текст и месье
 Клод сказал, что не может понять, стихи это или проза,
но они воспевают мир,
так и сказал, улыбнулся и добавил:
 странно, ты ведь совсем не учился, почти ничего не знаешь,
а я ответил: почему, я читал Паскаля...
Этот подвал в Перово, просыпаться здесь всё-таки неприятно,
влажно, душно,
и ещё эти крысы,
свистят, хрюкают и стучат лапками.

* * *

Трамвай 41 маршрута едет по Лифляндской улице,
 разрезающей надвое парк Екатерингоф,
Огни, снег, ни единого прохожего, ни единой машины,
Такое ощущение, что сейчас можно сделать шаг в любую сторону,
В прошлое, в будущее, к звёздам, в магму и к ядру земли.
Никакие объяснения не работают, никакие законы не действуют,
Но это только иллюзия. Первый автомобиль, и ты снова
Дата рождения, номер паспорта, фамилия,
 имя, индивидуальный налоговый номер.

* * *

Кушайте с утра китайские яблочки,
пейте ирландский виски,
думайте о французской философии,
об университетской поэзии.

Во время русской революции
вы не сможете так запросто осуществить эти желания.

Русская революция — как заметил один бедолага —
чисто буддйское мероприятие.

Она, хоть и умножает страдание,
зато открывает Путь.

Поэты

Она написала:

Я больше так не могу, давай ты приедешь и у нас выступишь.

Он написал:

Давай, но мне нужны деньги на дорогу.

Она написала:

Мы купим тебе билет.

Он написал:

Мы — это ты?

Она написала:

Какая тебе разница?

Он прилетел в пятницу в 17:35.

Читал полтора часа,

Слушали хорошо,
Внимательно.
До утра они пили кофе с водкой в районе аэропорта,
Обратный вылет в 6:30,
Так, чтоб в 12 он мог забрать сына из музыкальной школы.

Отвратительный тип

Много раз думал о том,
Как ограбить банк,
Угнать автомобиль или катер,
Заехать NN ногой в челюсть.
Ни разу не думал о том,
Как накормить голодного приятеля,
Утешить детёныша,
Перевести старушку через дорогу.
Делал всё это совершенно автоматически.

Андрей Полонский о верлибре

1

Существует точка зрения, что верлибр — неотвратимое будущее поэзии как таковой, а весь иначе организованный стих отходит в область «песни». Я не разделяю ни саму подобную позицию, ни высокомерие по отношению к «песне». Гомер пел, гимны Вед были спеты, комментарии тут излишни.

При этом верлибр, безусловно, одна из интереснейших поэтических форм, чьи пути в русском языке до конца ещё не исхожены. Открытое пространство, которое в нём чувствуется, делает его особенно привлекательным для меня самого и для многих — самых интересных — современных поэтов. Для меня также очень любопытно нащупывать границу между стихом и не-стихом, пытаться балансировать на ней, не уходя при этом от поэзии.

Я убеждён, что верлибр — столь же организованный стих, как и другие формы стихосложения. Если в нём нет дыхания, ритма, то он превращается в унылые столбцы слов. Такого много.

Споры о сравнительном достоинстве верлибра и традиционным образом ритмизованной поэзии (для России с XVIII века — силлаботоники) кажутся мне не только непрофессиональными, но и неумными. Тем более неумным мне видится словоупотребление «верлибристы».

Но тогда, когда, к несчастью, русский верлибр превращается в вариации на тему англо-саксонской университетской поэзии, он вызывает у меня лёгкую тошноту. Подобного рода тексты я просматриваю из чисто умственного любопытства, раз уж довелось стать их современником.

...По существу, корни верлибра лежат глубоко в русской традиции, впрочем, ровно настолько же, насколько и в европейской и азиатской поэтической традиции на многих языках. Верлибр может расти и из былинного сказа, и из раёшника, и из духовной литературы. Что касается меня, непрофессионала в этой области, то я склонен видеть первый чистый русский верлибр в «Посланиях» Нила Сорского: «Дым есть житие сие, пар, персть и пепел».

Существуют некоторые ножницы: порой мнится, верлибр больше пишут, чем читают. Но эта ситуация касается и поэзии в целом. Вообще, это жёсткая

альтернатива: либо возможность текста стать адресным посланием, либо унылые столбцы душевных излияний в рифму и не в рифму...

Ситуация с популярностью верлибра у читателей начинает меняться на наших глазах где-то с конца нулевых годов. Огромную роль в этом деле сыграл феномен Аркадия Драгомощенко — наверное, самого популярного на сегодняшний день серьёзного поэта в гуманитарной студенческой среде, масштаб наследия которого только ещё начинает осознаваться в русской культуре. Растёт интерес к творчеству и ещё одного очень значительного автора — Геннадия Алексеева. По мере того как глаз перестаёт быть «замыленным», ориентированным на привычные формы, мы понимаем наконец значение для языка, культуры и всего пути русской словесности стихов и образа Ксении Некрасовой. Я, кстати, с ранней юности и до сих пор люблю верлибры Владимира Солоухина и ничего не могу с этим поделать.

И это, я думаю, только начало пути.

2

Тут ответ прост: значительное, с каждым годом всё большее. Думаю, что это связано с неким соответствием между ритмическим и звуковым строем моего верлибра и современным миром — в том числе миром языка, куда я погружён. Если стихотворение начинается с ритма, то для меня всё чаще и чаще насвистывается, наборматывается именно «верлибрический» ход. На самом деле это имеет прямые параллели в современной музыке, что естественно, потому что поэзия кровно связана с музыкой — но развивать эту тему было бы здесь неуместно.

Так вышло, что я больше люблю поэтов, которые пишут и верлибры, и традиционные стихи. Пожалуй, могу назвать только одно имя в качестве исключения — Валерий Земских. Но тут всё искупается глубиной текста и невероятным ритмическим и интонационным разнообразием.

Очень интересные верлибры у Игоря Караулова, Анастасии Романовой, Дмитрия Григорьева, Виталия Пуханова, Артёма Верле.

Могу поделиться достаточно забавным и саморазоблачающим фактом: поэты, у которых мало или совсем нет верлибров, мне заранее менее интересны

и даже подозрительны. Мне кажется, что эти люди просто не «слышат» что-то очень существенное в музыке современного мира, может быть, даже самого главного...

Но при этом авторы, которые пишут только верлибры, причём в одной и той же манере, эксплуатируя одни и те же приёмы, тоже вызывают у меня уныние. Возьмёшь в руки такую книжку, прочтёшь один-два текста, вроде бы и опыт есть, и настроение, а дальше читаешь — всё одно и то же. Тоска.

Подводя итоги: верлибр мне дорог, он бывает разным, как вся поэзия. Интересным и не очень, сильным и вялым, неповторимым и глубоко вторичным. Это просто форма стиха, которая соответствует языку и времени, где мы живём. Впрочем, как и некоторые другие формы...

Виталий Пуханов

Родился в 1966 году в Киеве.
Окончил Литературный институт имени А. М. Горького. На рубеже 1990–2000-х годов был редактором отдела прозы журнала «Октябрь». С 2003 года — ответственный секретарь молодежной литературной премии «Дебют», с 2019-го — директор премии «Поэзия». Публиковался в журналах «Воздух», «Континент», «Новый мир», «Октябрь», «Знамя». Автор книг «Деревянный сад» (1995), «Плоды смоковницы» (2003), «Школа милосердия» (2014), «К Алёше» (2020), «Приключения мамы» (2021). Живёт в Москве.

* * *

Гагарин соврал лишь раз в жизни.
По возвращении из космоса
Первое, о чём спросили: видел ли он Бога?
Гагарин ответил «нет» и солгал.

Бога он видел и даже недолго с ним говорил.
Но зачем портить людям праздник?
Комкать событие исторического значения.

Его полёт — труд всего народа, а Бога видел он один.
Его отношения с Богом, случайная встреча в невесомости —
Его личное дело, дело его совести.

Но эта оправданная обстоятельствами ложь
Терзала Гагарина до последних минут.
В роковом испытательном полёте
Гагарин признался Серёгину:
«Я тогда видел Бога».

«Что, что?» — не расслышал Серёгин.

«Я тогда видел Бога!» — повторил Гагарин,
Но они уже падали.

* * *

Предки мои неведомые, знаю, вы были всегда.
На окраине Римской империи, под тенью Орды,
А может, в землях счастливых, не знавших цивилизации.

Мысленно подхожу к глиняным норам, где жили вы мирно в любви.
Но в темноту земляную не шепчу, я ведь не знаю имён.
Знал бы, сумел воскресить одного за другим на мгновение,
Чтобы понять: нелепым таким был я всегда и жить получилось.

Пали империи, безумие воцерковилось,
Проклятья сбывлись и прошли, а ваши земляные норы
Остались, их своды крепки.

* * *

Спросишь, был в жизни моей счастливый ли день?
Был такой день, длился он год или два.
Тогда за литературу вдруг перестали платить.
Толпы писателей вмиг исчезли,
Опустели редакции, я даже подумал,
Что все эти люди были сотворены
Из денег, которыми щедро платили
За стихи и прозу на закате советской империи.
Я бродил по пустым коридорам,
Редкий ровесник-поэт робко просил прикурить.
Никому, кроме нас, оказалась не нужна вся эта литература,
И мы никому не нужны.
Так и спаслись.

* * *

Любить поэзию — её работа.
Работа по специальности, училась на филолога.
Платят мало, перспективы туманны.

Но кто-то же должен делать такую работу.
В прокуренных комнатах, в душевых аудиториях,
На сквозняке лестничных клеток,
В дождь и в снег, в жару и в мороз,
Любить поэзию, какую ни на есть,
В память о ней, в ожидании её.
Стать похожей с годами на поэзию,
Которую любила.

* * *

Антуан Сент-Экзюпери настойчиво добивался смерти,
Преодолевая бюрократические преграды.
Лётный возраст Антуана был превышен на десять лет.
Самолёт нового поколения был мало знаком.
Аудиенции со смертью помогли
Добиваться лично генералы Жиро и Эйзенхауэр.
Преодолевая отвращение к де Голлю, Экзюпери согласился
Поработать пропагандистским шутом в Алжире.
Так сильно хотел он летать!
Лететь навстречу смерти.
Кто откажет хорошему человеку?
Здравствуй, ночное небо!

* * *

Безработный инструктор по гражданской обороне,
Специалист по организованной эвакуации граждан
К пунктам сбора,
Оказанию первой помощи при лучевом поражении,
Принципах многодневного пребывания в бункере,

Гигиене бомбоубежищ,
Работе с паникёрами,
Управлению цепочками на разборе завалов,
По культуре массовых захоронений,
По восстановлению основных общественных институтов
На постъядерной территории
Вышел на пенсию.

* * *

Стихотворение работает или нет.
Никогда не знаешь — работает или нет.
Скажут: «работает» — и обманут.
Или не скажут, что работает.
Несёшь мастеру, должно работать,
Отвечает, а почему не работает, непонятно.
Пусть полежит, может, заработает.
А как узнать? А бог его знает.
Может, его доработать?
Ну попробуй.

* * *

Можно вернуть старого друга
И бывшую женщину.
Невозможно вернуть кота.
Кот не ответит на телефонный звонок,
Не заведёт страницу в социальных сетях.
«Кис-кис-кис» в ночную тьму —
Всё, что доступно тебе.

Чтобы вернуть кота, нужно оборотиться котом безвозвратно,
Уйти путём кота за котом,
Но у кого хватит любви.

* * *

Каждое утро они покидали дом.
В дождь и в мороз, в тополиную духоту —
Шли сражаться за право
Увидеться вечером за нехитрым ужином.

* * *

Все хотят писать хорошие стихи,
Никто не хочет писать плохие.
Бедные плохие стихи,
Я буду вас писать, не оставлю
Во мраке безмолвия.
Вместе мы соберём урожай
Презрения и недоумения,
Но будем живы.

* * *

Каждый день после школы мы шли воевать.
Оружие добывали в бою, кричали «ура»,
Пленных не брали.
Возвращались домой усталые и голодные,

Легкораненые, засыпали как убитые.
Родители не ругали, вспоминали свою войну.
В слове «война» было всё страшное и светлое,
Несбывшееся, настоящее время.
И мы уходили на войну, в полную свободу
Быть детьми.
Знали: война никогда не закончится,
Будем играть, пока нас не убьют
Или не крикнут: «Домой!»

* * *

Вспомни ксеноцефалов:
Интернат под Киевом,
Тысяча девятьсот семьдесят восьмой.
Завуч, учитель географии, физрук.
Их серые лица, усталые глаза.
Империя разваливалась,
Трудно готовить из человеческих детей
Природных ксеноцефалов,
Покорителей вселенной.
Навык думать пустоту, говорить пустоту,
Верить в пустоту, стоять насмерть за неё
Не передаётся, как ни бейся.
«Два» по ксеноцефальскому.
(Мы называли его «чехословацким».)
И всё же в глазах их была любовь:
Земная лихорадка ксеноцефалов.
Понимая, что обречены, говорили друг другу:
Пусть у детей будет будущее.
И вот, спустя тридцать лет,
Я с благодарностью вспоминаю
Завуча, физрука, учителя географии.

Ксеноцефальский с ошибками кормит немного:
«Создаёшь» документ Суркову или Кадырову,
Заполняешь заявку на президентский грант —
Переводишь по памяти с русского
На ксеноцефальский и обратно.
Гальванизированные пустотой слова
Мерцают космическим смыслом.
На ксеноцефальском невозможно соврать или пошутить.
Империя рухнула на магических словах:
«Я люблю тебя, Родина».
Конфликт форматов, ксеноцефальская земная лихорадка.

* * *

Мальчику нежелательно видеть, как мама плачет.
Красится перед зеркалом. Умоляет мужчину.
Мечется в поисках ключей от двери. Опаздывает.
Бормочет тревожное, нелепое.
Много чего ещё нежелательно видеть.
Мама ключей не найдёт. Мама останется дома.
В старости последней видит мальчик:
Молодая мама плачет, мечется, умоляет.
Сердце напрасно болит.
Как в детстве, помочь ей не может.
Мама должна представлять сыну всегда одинаково:
С книжкой в руках, глаза отрывая на миг,
Улыбаясь ему, как кому-то большому и сильному.
Мама с медленной чашкою чая в руках.
Лишь для того, чтоб пригубить. Вновь улыбнуться.
Мальчику в старости жалкой будет нестрашно почти засыпать.
Мама не уйдёт никуда. Здесь твоя мама.

Виталий Пуханов о верлибре

1

Читатель больше доверяет сегодня верлибру. Поэту проще солгать в рифму, в верлибре сложнее прятать фальшь и бесчувствие. Рифмованный стих прогреет кровью погибших, сумасшедших, мучеников. У отечественных верлибристов кладбище не такое богатое, верлибр сам по себе — холодная бетонная коробка типовой застройки.

2

Не думаю, что мои стихи без рифмы и размера — это верлибры в академическом понимании, если такое понимание уже окончательно сложилось и отлито в бронзе, не проверял. Когда начинал писать условные «верлибры», не рассчитывал на публикации и признание, но в поэзии, так всегда получается, любой, кто рассчитывает, всегда просчитается. В поэзии главная задача, как мне кажется в последние годы, — сказать. Не соблюсти негласную конвенцию о формальных признаках поэтического текста и получить за это премию от уважаемого журнала. Верлибр даёт возможность сказать о вещах, о которых ты не сумел договорить, потому что резко закончились рифмы. Условный верлибр может быть холодным и скудным, не тосковать по мировой культуре, не искать с ней родства, но оставаться поэзией, совершать в читателе неисповедимую работу, подобную той, что веками делала поэзия, которую мы сегодня называем классической.

Андрей Сен-Сеньков

Родился в 1968 году в Таджикистане. Окончил Ярославскую медицинскую академию. Живёт в Москве, работает врачом, специалист по УЗИ-диагностике. Автор четырнадцати книг стихотворений, малой прозы и визуальной поэзии, книги сказок для детей, десяти книг стихотворных переводов. Лауреат Тургеневского фестиваля малой прозы (2006). Стихотворения переведены на двадцать пять языков, книги избранных стихотворений выходили в США (премия американского ПЕН-клуба за лучшую переводную поэтическую книгу, 2014), Сербии, Италии и Нидерландах.

Просто пациент, просто фотография старого человека

печально удивляется моим врачебным словам
делает брови домиком
седым
белоснежным
белым домиком
похожим на тот что ненавидят в моей стране
он наверное тоже

мне хочется чтобы под крышей домика
поселились какие-нибудь добрые смешные существа
и прожили там оставшиеся ему последние месяцы

на прощание он медленно улыбается

и громко хлопает своей маленькой дверью

Eine kleine Nachtmusik

внутри тишины
завязанное в узелок
сладкое сухожилие крика

узелок
маленький

как город
в котором на свадьбах и похоронах
играет
один и тот же оркестр

Пешком по небу Брюсселя

над square de l'Aviation
всегда два неба
как на одной из тех картинок
где видишь старую колдунью
но знаешь что есть и
молодая красавица
нужно просто перефокусировать взгляд

над square de l'Aviation
два маленьких неба
крутятся как пропеллеры
рубя
на пассажирские куски
тех стюардесс что летят мимо возраста
точно в аэрофлот

Пляж на орбите

до белок-стрелок сначала отправляли кошек
кошки улетали но никогда не возвращались
просто не хотели
просто не понимали зачем
выходили в открытый космос
и нанизывали на когти
сверкающие как мыши в темноте звёзды

выходили осторожно красиво
как ты
трогающая ногой воду
перед тем как войти в голое море

Обычный поздний вечер московского человека, который не любит музыку

он находит на ладони
линию жизни
она ему не нравится
как и сама жизнь
стягивает её пальцами
и тянет влево
потом вправо
потом кладёт на неё
маленькие предметы
киндер-сюрпризы
замороженные ягоды
подрисовывает фломастером веточки
всё не то
ничего не меняется
потом притягивает к линии жизни
линию любви
и они
спутываются как проводки наушников

Cross Road Blues

роберт джонсон
на пересечении шестьдесят первой и сорок девятой
продает душу дьяволу
чтобы от звука его гитары
женщины увлажнялись
как камешки у берегов миссисипи

долго торгуются
обязательные бумаги в двух экземплярах
попсовая подпись кровью
дьяволу просто скучно со всеми этими паганини
он развлекается и тянет время

потом возвращается в мотель
меланхолично сжигает бумаги
закуривает
наливает стаканчик бурбона
закрывает глаза
и слушает
как камешки у берегов миссисипи
высыхают

Проездной слегка помялся в кармане

каждое утро
моё маленькое метро
открывается медленно
словно флешка
которую упрямо много месяцев
неправильно вынимали из компьютера

мегабайты вагончиков
еле-еле
пластмассово
туда
где у тебя всегда крошечные файлы

Его женщина опять мертва

в марте
находят подснежники
один
потом ещё
и ещё
много «подснежников»
замёрзших зимой пьяных и убитых человечков
их находят но никогда не опознают

в подвале больницы
женщина
то что от неё осталось
беатриче наверное
самое обычное имя русских девчонок
северной алкогольной божественной комедии

заканчивающий смену данте
перечитывает подснежник
решает что пару лепестков в нём
следует переписать
позже
когда поднимется на лифте
и примет душ в чистилище

Затопленная костница

в одних рыбах костей много
в других меньше

первые отращивают их специально
чтобы реже жить съеденными
вторые научились вытаскивать из себя кости
и оставлять их на дне
чтобы стать съеденными чаще

эти рыбы всегда мокрые
в противоположные стороны

Андрей Сен-Сеньков о верлибре

1

Русский верлибр по-прежнему продолжает борьбу за право считаться немаргинальной территорией поэзии. Этот факт говорит о печальном состоянии как писательского, так и читательского сообщества.

Сама же практика русского верлибра ничем не отличается от европейской и даже общемировой практики. Хорошего верлибра так же мало, как и хорошей силлаботоники. Как вообще всего другого хорошего.

2

Верлибр для меня всегда был интересен именно тем, что каждый раз, начиная стихотворение, ты находишься в абсолютной пустоте, где нет верха-низа, неба-земли, прошлого-будущего. Тебе не на что опереться, и ты начинаешь создавать маленькую вселенную с нуля. «Свобода», заложенная в самом названии, здесь также абсолютна. Ты волен делать всё. Что пожелаешь, строгих правил нет, ограничений нет. Важным является лишь то, что получается на выходе. Текст.

Екатерина Симонова

Родилась в 1977 году в Нижнем Тагиле. Окончила филологический факультет Нижнетагильского педагогического института. Стихи публиковались в журналах «Воздух», «Новый мир», «Волга», «Новый берег», «Уральская новь», «Урал», «Транзит-Урал», «Плавмост», «Вещь», в антологиях «Современная уральская поэзия» (1997–2003; 2004–2011; 2012–2018) и других изданиях, переводились на английский, словенский, украинский языки. Автор шести книг стихов: «Быть мальчиком» (2004), «Сад со льдом» (2011), «Гербарий» (2011), «Время» (2012), «Елена. Яблоко и рука» (2015), «Два её единственных платья» (2020), выходящих в Нижнем Тагиле, Москве и Нью-Йорке. Лауреат премии «Поэзия» (2019). Живёт в Екатеринбурге.

* * *

Я была рада, когда бабушка умерла.

Сначала она начала задумываться, замолкать,
смотреть куда-то между нами,
потом каким-то последним усилием воли
возвращаться обратно.

Через месяц вдруг спросила маму:
«Что это за мальчик сидит на холодильнике?
Видишь, смеётся, хорошенький такой, светловолосый.
Смотри, смотри же — спрыгнул, побежал куда-то,
куда побежал?»

Назавтра увидела деда, молодого, весёлого,
наконец впервые через семнадцать лет после его смерти:
«Что за рубашка на тебе, Афанасий?
Я у тебя что-то не помню такой, я тебе такую не покупала».
Через пару дней напротив за столом
сидела её мачеха. Бабушка толкала мою мать в бок локтем:
«Оль, ничего не пойму — что она молчит и улыбается и молчит,
молчит и улыбается. Матрёна, да что с тобой?»

Через неделю людьми был полон дом.
Бабушка днём и ночью говорила только с ними, знакомыми нам,
ни разу нами не виденными, мёртвыми, довольными,
рассказывающими наперебой,
какой в этом году будет урожай,
как они рады встрече,
а что это за чёрный котёнок прячется в ванной?

При следующей нашей встрече не узнала меня,
как будто меня никогда и не было.

Перестала вставать, открывать глаза, только что-то шептала,
тихо, нехорошо так смеялась —
пустая оболочка, полная чужим духом, как дымом.
Это была не жизнь и не смерть, а что-то совсем чужое,
что-то гораздо хуже.

Потом перестала и смеяться.
Когда мы с мамой меняли простыни,
 пытались вдвоём её приподнять —
измучились, крошечное тело стало втрое тяжелее,
будто уже заживо пыталось уйти в землю,
стремилось к ней.

В день похорон мама первой пришла в бабушкину квартиру,
присела на кухне.
Рассказывала, что вдруг стало тихо,
потом вдруг ни с того ни с сего
начали трещать обои по всем комнатам,
вдруг заскрипели, приближаясь, половицы в коридоре.
Но, слава богу, тут кто-то постучался в дверь.

Целовать покойницу в лоб никто не целовал:
тело начало неожиданно чернеть и разлагаться.
Говорят, переморозили в похоронном бюро.
Что-то, говорят, пошло не так.

Я не хочу об этом помнить.
Я всегда думаю об этом.
Ужасно скучаю.

В итоге
смерть даёт нам не меньше, чем жизнь:
законченный образ, историю,
которую нужно однажды рассказать,
чтобы не сойти с ума.

Треск обоев в пустой утренней квартире,
маленький-невидимый-смеющийся мальчик.

* * *

Сволочью был М. А. Булгаков:

Бросил одну жену, затем другую, третью увёл из семьи.

Сволочью был Н. А. Заболоцкий:

Тиранил кроткую жену, на новые простыни выдавал деньги,

Отсчитывая мелочь до копейки, укажет,
какого цвета купить, сколько штук.

Сволочью был А. А. Блок:

Просто не хотел заниматься с женой сексом,
потому что любовь выше этого.

Сволочью был Д. И. Хармс:

Изменял с каждой первой —

Жена, приходя домой, прежде чем зайти в комнату, стучала в дверь.

Сволочью был И. А. Бунин:

Привёл любовницу в дом, сказал жене:

«Моя ученица, будет жить с нами».

Несчастливым человеком был М. А. Булгаков, трагической — его жизнь:

Был гоним властями, умирал тяжело и долго, не отпускал от себя

Елену Сергеевну, держал её за руку, но помогал только морфий.

Несчастливым человеком был Н. А. Заболоцкий,

трагической — его жизнь:

Был репрессирован, отсидел восемь лет, стал бояться

Писать так, как стоило, жена ушла

к другому, вернулась, но было поздно.

Несчастливым человеком был А. А. Блок, трагической — его жизнь:

Мучали его сомнения, бессонницы и кошмары,

Тяжёлая семейная жизнь, рухнувший привычный мир.

Несчастливым человеком был Д. И. Хармс, трагической — его жизнь:

Был арестован раз, потом второй,
Умер от голода во время блокады
 в отделении психиатрии тюремной больницы.
Несчастливым человеком был И. А. Бунин, трагической — его жизнь:
Ученица-любовница променяла его на женщину, он сам
Так больше и не вернулся на родину,
В деревню, к бабам, борзым, яблокам, московским колоколам.

Дед одной моей знакомой
В 41-м ушёл на фронт, в 42-м попал в плен.
Был отправлен в Бухенвальд. Выжил.
 В 45-м дружественными войсками
Был освобождён, вернулся на родину.
 Тут же — сослан на Урал как враг народа.
Когда вышел, к первой жене не вернулся, бросил за ненадобностью.
Остался в Тагиле, пошёл в печники.
Взял себе молоденькую — она боялась его называть по имени,
Идти замуж не хотела, но мать заставила, сказала:
«Иначе ты никому не нужным сухоцветом
 останешься, иначе ты мне не дочь».
Работа была хорошая и важная, часто ездил в командировки.
В каждом городе у него было по женщине.
В те годы была острая нехватка в мужском поле.
Женщины знали друг о друге, о семье.
Спрашивали, как у них дела, как дочки учатся,
Как у жены здоровье, передавали им гостинцы,
Благодарили жену за то, что делится необходимым с другими.
Умер он в сорок три от пневмонии,
 когда младшей дочке исполнилось пять.
Младшую он, кстати, назвал именем одной из любовниц.
Сказал об этом жене.

Сволочью или несчастным человеком он был?
Мы так и не узнали.

Его жена не рассказала об этом
Ни одной из своих трёх дочерей.

* * *

Когда моей матери врач на приёме сказал,
что у неё, возможно, депрессия,
она обиделась.

«Что я, сумасшедшая, что ли?» — возмутилась
и в этот же день
посадила пятьдесят саженцев помидоров
и пятьдесят саженцев огурцов.
Дачники поймут.

«Не доживу, чувствую, до конца лета», — добавила она
и перестирала всё, что смогла
найти в доме, начиная с бабушкиных запасных штор
сорокалетней давности.

«Спасибо тебе за эти бусики —
они такие яркие. Люблю зелёный цвет. Он такой тёплый», —
сказала она самым усталым на свете голосом,
пока я смотрелась в неё,
как только раз в жизни
смотрят на себя в зеркало двадцатилетней разницы,

неожиданно осознавая, как ты —
не слишком удачная, раздражающая копия —
понемногу становишься
похожа на подлинник,

сливаясь с ним.

Екатерина Симонова о верлибре

1

С верлибром, мне кажется, не происходит ничего. Как обычно. Что-то происходит всегда только с людьми. Они могут верлибры писать или не писать, любить или не любить. Вопрос «читать или не читать верлибры» не стоит, потому что читают — куда ж читателям-писателям от них деться. Поэтому люди читают-таки и продолжают быть людьми: сомневаются и обсуждают (ведь нужно же на что-то потратить жизнь — так почему бы её не потратить на пустые, но вроде бы занимательные споры?): существует ли то, что существует, изменяется ли то, что изменяется (хотя изменяется всё), хорошо или плохо всё, что уже написано, а также стоит ли писать то, что ещё не успели написать. А верлибру от вышеперечисленного — ни жарко ни холодно. Он просто есть.

2

Если честно, то никакого места не занимает. Пишу так, как мне в данный момент комфортно. Если вдруг пойму, что нет мне жизни без гекзаметра или визуальной поэзии, будут только гекзаметр или только визуальная поэзия. В конце концов, писание и чтение стихов — это что-то вроде словесного коллессионирования своих (и/или чужих) маний. А мании, как мы помним, могут меняться. Или пропадать. Или усугубляться.

Что касается верлибров близких и интересных мне авторов — я их читаю. Это же для авторов главное, я же верно всё понимаю, да? И, если верлибр мне понравился, лайкаю пост в фейсбуике, если прочла в фейсбуике. А если не там, то просто показываю вечером Елене Фёдоровне его (искомый верлибр) в книжке и говорю: «Смотри, какой клёвый стишок». Но обычно не показываю, потому что обычно забываю. Потому что новый день принесёт новые тексты, как свои, так и чужие. Возможно, они будут верлибрами, а возможно, и нет. Возможно, они вообще не будут стихами. Возможно, это будут вообще не тексты. Какая разница, в конце концов?

Сергей Соловьёв

Поэт, художник, путешественник. Родился в Киеве в 1959 году, окончил филологический факультет Черновицкого университета. Работал художником-реставратором в церквях Украины, в восьмидесятые создал в Киеве авангардный театр «Нольдистанция», в девяностые — журнал «Ковчег», к двухтысячному — архитектурный проект метаигрового города-лабиринта (Германия). В эти же годы — многочисленные персональные и коллективные выставки живописи, графики и фотографии в Западной Европе. Автор проекта и руководитель клуба свободной мысли «Речевые ландшафты», главный редактор альманаха современной литературы «Фигуры речи», инициатор премии «Читатель» (Москва). Автор двадцати книг поэзии, прозы и эссеистики, среди которых: «Пир», «Книга», «Дитя», «Фрагменты близости», «Индийская защита», «В стороне», «Её имена», романы «Аморт» и «Адамов мост». Лауреат премии «Планета поэта» (2012), Русской премии (2016), Международной Отметины имени отца русского футуризма Давида Бурлюка.

Не войти

...

Поправь меня, если я подзабыл,
но, кажется, нет никакой мотивации
для сотворения мира.

Чего ради?

Вот смотри: уже дух над водами.

А зачем?

Или Хаос вначале, метаморфозы.

Или Слово, его развёртывание.

Или у гностиков — Эпинойя, нисхождение света.

Или вот у индусов:

вначале был Ся (Самость),

и решил он создать территории.

Точка. Никакой мотивации. Описание процесса.

Но вот любопытное. Всё создав,
он задаётся вопросом: «Может ли
существовать оно без меня?»

И отвечает: «Может. Но без меня».

И дальше: «Как же войти мне?»

Темя вскрывает и входит в творенье
через «Воротца радости»

и изумлён: кроме него там
нет никого. Так и зовут его: Тот,
который видит.

Но опять же — неясно с мотивацией.

А пока ты гадаешь, как мне ответить, да и вообще —
отвечать ли, поскольку

ты существуешь, и ты без меня,

и Воротца без нас, но открыты,

я скажу тебе вот что: не сразу у него получилось.

«Не то!» — говорило ему сотворённое им,

и он передельвал, слушал, пока

оно не ответило: «Да, вот теперь хорошо!»
Да? Ты слышишь? Уже не войти.

...

В тихом мюнхенском дворике у реки
лежат камни: на спине, на боку, лбом в землю.
Маленький, брошенный, безутешен,
всего ничего ему: 35 млн лет.
Ах любя, зачем это с нами случилось?

...

Нильгау, единорог, дымчатый великан,
тело его плывёт сквозь джунгли,
перебирая под собой евангелистами,
оставляя следы двуперстий.
Он несёт себя как сосуд,
как меха на просвет с голубым вином,
его шея почти исчезает в небе —
там, где маленькая голова ибн сини
оборачивается из семи времён:
сумерки рая в глазах
и в горло воткнутый полумесяц.
Он плывёт меж сновидческими деревьями,
он целует их мочки ушные в серёжках,
вглядываясь с исподу в рукописи листвы,
смешивая языки —
алые буквицы Рамааны с зарослями Авесты.
Его маленькие женщины в бежевых сорочках
держатся на виду, но поодаль,
обмахиваясь веером тревожного света.
Он чувствует их спиной,
они восходят по хребту
и гаснут на губах.
А когда встречаются двое,
они становятся на колени
и мерно чокаются лбами,

беседуя о девственницах.
А те стоят поодаль, слушают,
как будто речь о них.

...

Знаешь,
сидел на веранде,
смотрел, как дождь и солнце
друг друга отталкивали локтями,
немцы вокруг — птицы, деревья,
отменно выглядят,
даже белочка — и та Марлен.
Только вижу ли?
Пелена говорит:
я — воздух, видишь, как я прозрачен?
В письменах пелена, в разводах.
А присмотришься: будто жизнь.
Будто весь ты в ней.
Это, помнишь, как в детстве коврик
над кроватью.
Будто весь ты там.
На поруки тебя берёт
пелена.
И не выдаст уже.
Ну а ты, гесиод молчанья,
моя девочка, мой герой, мой
павший,
как живётся тебе без жизни —
труды и дни?
Твоя кожа тепла, как пепел,
и, как пепел, глаза светлы.
Но откуда ж такая тяжесть,
если легче огня он и горя тише?
На краю земли,
за три моря,

сын тебя по утрам возводит
из любви и тоски,
как воздушный или песочный замок.
За три моря ищу, но где ты —
в том краю ли, который телом
был,
а потом проснёшься —
такое чувство,
будто там, во сне,
надругались над ним.
Лишь сон,
но сердцу ведь не прикажешь.
Пелена. Или коврик детства.
Ночь меж нами, как пепел, ещё тепла.

...

Ах как на солнце смерть играет
и натирается о жизнь —
как пёс о падаль.
И где-то с краю ложатся годы.
И осень тёмная стоит
сквозным окладом
без иконы.

Сергей Соловьёв о верлибре

1

Я не специалист, чтобы браться за такой вопрос, к тому же давно миновал тот возраст, когда с естественной пылкостью эти вещи — в поле внимания и собственного становления. Со временем путь и опыт становятся делом личным и одиночным настолько, что какая-либо соотнесённость с происходящим теряет и смысл. Тем не менее, наверное, происходит с русским верлибром то же, что и в целом в искусстве, и не только русском, — раскрепощение форм. Плюс большая прозрачность культурных границ в мире. У нас это ещё накладывается на особую ситуацию, когда классическая просодия была на протяжении двух последних веков преимущественным способом письма, достигнув к концу XX века крайней инерционной усталости. Казалось бы, это сравнительно менее изношенное поле могло спровоцировать на яркие прорывы или дать какие-то значительные плоды, но, по моему ощущению, этого пока не произошло. Работа, мне кажется, пока идёт по горизонтали с интересными приращениями, что тоже неплохо. Вообще же, как известно, после Освенцима высказывание как движение вперёд даётся со всё большим трудом, что связано с европейским антропологическим кризисом в целом. Верлибр здесь как достаточно открытый и тем самым уязвимый способ письма (без поддержки просодией, рифмой и пр.) не исключение. Отсюда, видимо (и не только в верлибре), уход по одну сторону в своего рода филологический дизайн, по другую — к гибридному «я» (по аналогии с гибридными войнами), по третью — ко всё же неиссякаемым попыткам прямого высказывания. Возможно, глядя на меняющуюся смысловую и чувственную карту мира, территория новых возможностей письма возникнет где-то на том стыке (танцующем схлёсте), которому, по словам Киплинга, «не бывать».

2

Мне интересно письмо со сложной партитурой возможностей, без принципиального отказа от традиционных форм. Другое дело, что эти формы применя-

ются в меру, чаще не напрямую, с вниманием к их сегодняшней двойственности. Эти же поиски мне интересны и у других авторов.

Евгений Степанов

Поэт, прозаик, публицист, издатель.
Родился в 1964 году в Москве.
Окончил факультет иностранных языков Тамбовского педагогического института и аспирантуру МГУ имени М. В. Ломоносова. Кандидат филологических наук. Публикуется с 1981 года. Печатался в журналах «Дружба народов», «Знамя», «Урал», «Нева», «Звезда», «Наш современник», «Арион», «Интерпоэзия», «Юность», «Волга» и многих других изданиях. Автор нескольких книг стихов и прозы. Главный редактор журнала поэзии «Дети Ра» и портала «Читальный зал». Лауреат премии имени А. Дельвига (2013) и премии журнала «Нева» (2016). Живёт в Москве.

Краткая биография

Заоблачный абориген
Московский школьник
Евпаторийский интернатовец
Тамбовский волк
Женевский студент
Московский аспирант и докторант
Парижский гид и переводчик
Нью-йоркский журналист
Московская белка в колесе
Несебрский отшельник
Берлинский дачник
Быковский созерцатель сосен и кошек
Заоблачный абориген

Так

улыбка рождает улыбку
рукопожатие рождает рукопожатие
объятие рождает объятие
поцелуй рождает поцелуй

выстрел плодит выстрел

Три строки

быстрая душевая вода
стекающая в узкую воронку поддона
что мне ещё сказать о своей жизни

Цивилизации

пауки
плетут всемирную паутину

муравьи
строят муравейники-небоскрёбы

пчёлы
запасают тонны целебного мёда

цивилизация насекомых
бросает вызов цивилизации людей
которые по-прежнему обожают убивать друг друга

Двое

и вот
мужчина и женщина
стали единым целым

смерть
потерпела ещё одно поражение

Лю

я хотел завести кошку
но у меня есть ты
а ты лучше чем кошка

я хотел построить дом
но у меня есть ты
а ты это и есть мой дом

я хотел чтобы мои тексты
прочитал весь мир
но ты это и есть весь мир

так вышло что у меня есть всё
у меня есть ты
это правда что дуракам везёт

Три человека

одному
президентский грант

другому
поцелуй в макушку от Бога

третьему
шиш с маслом

все трое
зачем-то нужны

То, что умею

оживлять — во снах —
тех кого люблю и — казалось бы — уже ушли из жизни
жить — одновременно — в разных странах
смешить своих интернациональных внуков
видеть то что прекрасно
не замечать то что уродливо
идти вперёд

а больше я ничего не умею

Солнце

Я сижу на балконе
и вижу, как красное, круглое солнце
садится в горах.

Почему я не художник?

Мемуары

А. М.

Ты помнишь, Алина, дороги Чикагщины,
Пьяных замечательных мексиканцев,
Которые по ночам пели свои зычные песни,
Нашу квартирную хозяйку польку Агнешку,

Которая не хотела отапливать дом,
Экономя на нас,
Русских эмигрантах,
Китайские буфеты (кафе),
Где мы объедались за восемь долларов,
Большие современные залы,
Где мы выступали с тобой для пяти-десяти человек,
Набожного Исаака, который рассказывал нам про гиюр
И другие тонкости иудаизма,
Ты помнишь, Алина, великое озеро,
С которого дули холодные ветра эмиграции,
АРТ-институт,
Где мы восхищались Кандинским и Ротко,
Каток в центре города,
Где мы катались на коньках,
Небоскрёбы,
Которые запомнили мрачную походку Аль Капоне?

Ты помнишь, Алина, чужой город,
Который дал нам тёплый уют?

...Я пишу тебе это письмо
Из тёплой и нежной морской страны,
Из старинного города, которому три тысячи лет,
В этом городе не надо отапливать жильё,
Здесь и так очень жарко.
Но мне всё равно иногда бывает холодно.
Потому что ты сейчас очень далеко.

Любимая дорога

А. Тимофеевскому

Пречистенка
Большой Лёвшинский
Ещё кое-где сохранились старые прекрасные деревянные дома
любимая дорога
к другу-поэту

и стол накрыт
и души — летящие друг к другу —
открыты настезь

и звучат стихи
Пастернака и Мандельштама
Галича и Тарковского...

и — пьяный от стихов —
я возвращаюсь домой
в родное аэропортовское «гетто»

и говорю сам себе:
как же прекрасен мир
когда ты умеешь видеть то
что прекрасно

Слова

деревянные слова
железные
алюминиевые

и
вдруг
иногда
так всё-таки бывает
человеческие

Сердце

а всё-таки
я писал не авторучкой а сердцем
поэтому оно устало

Главное

каждое слово
может оказаться последним
простите

Мода

стихи в пиджаке
стихи в рубашке нараспашку
стихи в нижнем белье
стихи без одного
стихи в нарядах от Славы Зайцева
стихи в советском ватнике
ну и т. д.

стихи
такие разные
такие непостижимые

Времена

музыканты
выступают перед слушателями

артисты
играют для зрителей

а поэты
читают стихи поэтам

o tempora
o mores

Такой человек

изобретаю велосипед
переливаю из пустого в порожнее
обливаюсь над вымыслом слезами
куру бамбук

короче живу

5 слов

бизнес
Россия
отбитые почки души

Движение

живые становятся мёртвыми
мёртвые становятся живыми
природа не знает константы

Жизнь

смотрю вокруг — вижу тупик
смотрю вниз — вижу яму
смотрю вверх — пою песню

Евгений Степанов о верлибре

1

Всё труднее назвать современного поэта, который бы не писал свободные стихи. Верлибр становится не новаторским, а скорее архаичным жанром поэзии. Свободные стихи публикуют не только авангардные журналы «Футурум АРТ», «Зинзивер», «Журнал ПОэтов», «Дети Ра», но и традиционные «Новый мир», «Дружба народов», «Октябрь» и многие другие издания. Это, на мой взгляд, хорошо. Верлибр стоит оценивать не только как литературное явление. Но и как явление социальное. Он позволяет самым широким массам почувствовать себя поэтами, общественно значимыми личностями. Написание верлибров делает человека полноценным художником, в то время как написание плохих силлабо-тонических стихов плодит ряды графоманов.

2

Пятьдесят процентов моей стихотворной продукции — это верлибры. Верлибры я, как правило, не переписываю. А рифмованные сочинения переписываю всю жизнь. Вероятно, верлибр — более органичный для меня жанр.

Дарья Суховой

Поэт. Родилась в 1977 году. Окончила филологический факультет СПбГУ, кандидат филологических наук. Выпустила два сборника стихов — «Автом» и «Стихи конца апреля» — в самиздате (1997), за которыми последовали книги «Каталог случайных записей» (2001), «Потому не будет» (2013), «Балтийское море» (2014), «Малый свет» (2015), «48 восьмистиший» (2016), «По существу» (2018). С 1999 года ведёт в интернете «СПбЛитГид» — расписание литературных событий в Санкт-Петербурге. С 2001 года проводит ежегодный Фестиваль новых поэтов, с 2011 по 2014 год проводила разъездной поэтический фестиваль «Авант». Живёт в Санкт-Петербурге.

Одно радио

ни сказать ни исказить:
не было ни одного радио

только пальцы
бестрепетно трогали
клавиши и струны

да, нелепые пальцы
неумелые пальцы

были круглые плееры
вечера́ вокруг компакт-диска
гадание на нём, как на блюдечке

потому что не было ни одного радио

ну например, когда были тарелки
эти тарталетки музыки съедались незаметно
когда были громкоговорители
эти сосиски музыки из них торчали вермишелью
но не было ни одного радио

спорадические магнитофоны
шорох и шум на всех волнах
отдельные иностранные слова —
тогда тоже не было ни одного радио

вы скажете, что упоминание компакт-диска
выглядит анахронически
что когда их изобрели
радио уже давно было

нет, ничего подобного,
не было ни одного радио

а вместо компакт-дисков
были долгоиграющие пластинки, бобины, монеты,
брошенные музыкантам
или музыкальным автоматам,
и другие круглые предметы

смотрите, женщина вышивает подушечку
круглую подушечку
напевает песенку
романс о любви и измене

какой романс

мы действительно никогда не узнаем
потому что ещё не скоро изобретут прибор
способный извлекать звук из предметов,
которые не являются звуконосителями
в традиционном понимании

так что не было ни одного радио

да и сейчас в общем тоже нет

Из сборника «Легко быть искренним: по следам
IX Московского фестиваля верлибра»

* * *

последнее время так мало времени
что писать верлибром не удаётся
потому что
считается что
верлибр это пустое
пустое времяпрепровождение

дурное время

является ли моностих верлибром
является ли прямое лирическое высказывание
верлибром

нет никаких рамок
ограничений

как быть когда текст
слабо организован

кстати может быть ещё
это связано
с манерой чтения

надо на что-то опираться голосом

Из книги шестистиший «По существу»

.
смог рассеялся
смола не смогла застыть
насекомое уползло

наискосок

смотрю

на солнце

.
глаз и нога завтракают разными видами снега

:
вчерашний снег

белая манка

шугá

кофейный ликёр

—
запивают растаявшим

.
ходит дурачок по́ небу
опустошает счета жертв катастрофы
опознавая их по профилям вконтакте
заблокированным спецслужбами
незнание субкода
не освобождает от ответственности

.
а вот одна старушка рассказала
будто бы чёрт теперь не боится ладана
она смотрела телевизор в сумерках
он вышел из стены и сел между ней и экраном
— бабушка, а какой он из себя?
— крысы в войну вели себя скромнее

.
огни прошли стороной
дымящиеся головешки
стрекочущие фонарики
дальние фары
но мы не спешим выходить
в поле зрения лунного света

.
проснувшийся говорит спящему
«я проснулся
давай и ты просыпайся»
спящий укутывается
в эти слова
и спит ещё крепче

Дарья Суховой о верлибре

1

Свободный стих занимает в современной русской поэзии нужное место на полке с инструментами поэта. Я не очень понимаю, как можно высказывать неприятие типа стиха, это приблизительно равно тому, что ты обожаешь ножовку, но ненавидишь кусачки. Или любишь гаечный ключ на 13, но ненавидишь на 14. Не конкретные, а как таковые. Можно, предположим, не уметь пользоваться ножовкой — как-то неудовлетворительно, неровно, медленно что-то подпилить, но это не вопрос о том, что может быть некто, кто мастерски и тонко этой самой ножовкой владеет. А ключ на 14 нужен к вполне конкретным головкам и гайкам, которые суть цели художественного высказывания...

Использование свободного стиха в русской поэзии — уже давно не вызов и не эксперимент. Кажется, нам это доказали как минимум «Экспериментальные переводы» М. Л. Гаспарова и «Переводы с русского» С. Завьялова, сокращающие неудобопонятные тексты из предыдущих изводов литературы до острейшего и точнейшего совпадения и попадания в современное чтение.

Пожалуй, единственное, что мне не очень нравится в современной трактовке свободного стиха, — его политизация, попытка сделать этот тип стиха не поэтическим, а социальным высказыванием. Да, он удобен для нарратива, но когда цель использования какого-то приёма переступает границы искусства, этот приём рискует дискредитировать себя. Пока не дискредитировал, но в зоне риска пребывает.

К тому же у свободного стиха появились теперь новые соседи, придающие весовитости его внеположенности: доку-письмо, блэкауты, монопалиндромы, равно как у рифмованного стиха соседом стал рэп, а у ритмизованного — порошки/пирожки.

Видится, что объективно есть темы и дискурсы, работая с которыми без свободного стиха автор обойтись не может. При этом свободный стих обязан обнажить авторское начало именно этого поэта, его оригинальность. Если этого нет, то получается верлибрическая банальность, а в современной «барной» поэзии и в отвалах фестиваля свободного стиха (доступных мне для обзора ввиду

того, что я вхожу в оргкомитет) встречается даже верлибрическая графомания. Её появление — тоже свидетельство органического вращивания свободного стиха в современную поэтическую парадигму.

2

В моей практике, которая является синтетической на выходе, практически никогда не ставится задача написать именно свободный или именно рифмованный текст. Скорее, всё идёт от ядра: идеи, языка, ритма, звука, сюжета, авторской маски — и потом додумывается до свободного стиха (что реже) или до рифмованного / полурифмованного / белого / комбинаторного стиха (что чаще). Последние три года мне работается иначе — шестистишие подразумевает очень небольшую зону свободы выбора между организованным и лишённым средств стиховой организации текстом.

Я не считаю себя верлибристом, у меня нет установки работать именно в свободном стихе. Среди шестистиший чистых верлибров — не более десяти-пятнадцати процентов. Но, на взгляд со стороны, даже после чтения мной рифмованного кто-нибудь из традиционалистов в сердцах нет-нет да и задаст риторический вопрос: «Почему вы не пишете в рифму?»

А вот в практике Алексея Кияницы верлибр занимает сто процентов, а его не позвали в этот сборник, притом что даже у верлибристов-классиков имеется некоторое количество текстов, которые написаны другими типами стиха.

Владимир Тучков

Поэт, прозаик, перформер. Родился в ближнем Подмоскowie в 1949 году. В 1972 году окончил Московский лесотехнический институт, получив специальность инженера по вычислительной технике на факультете электроники. До 1990 года разрабатывал компьютеры для оборонных целей в НИИ радиоизмерительных приборов. После чего перешёл в журналистику, которой занимается и поныне в качестве независимого автора. Стихи, а затем прозу начал публиковать в конце 1980-х, в годы перестройки. Автор двух поэтических сборников и двенадцати книг прозы. Публиковался в журналах, альманахах и коллективных сборниках в России, Европе и США как на русском языке, так и в переводах. Дипломант поэтической премии «Московский счёт» (1999) и конкурса «Бежин луг» (2018). Лауреат премий журналов «Новый мир» (1998) и «Знамя» (2009), первого Российского фестиваля верлибра и фестиваля малой прозы имени Тургенева.

* * *

на прошлой неделе пил с генералом военно-воздушных сил
на его плечах лежал груз остывшего синего неба
с одинокой звездой
по которой ориентируются астронавигаторы стратегических
бомбардировщиков
пили виски вероятного противника под названием Джонни Уокер
пили
и с каждым глотком
в глазах генерала прибавлялось света
но не того
что вырывается из реактивных сопел
а какого-то домашнего что ли
как отражение солнца от чисто вымытых полов
где пахнет только что испечёнными пирогами
и это было странно
разговор был здесь
где вокруг нашего столика
сновали какие-то совершенно бессмысленные
для задушевного разговора люди
а генерал был где-то
хоть и отвечал вполне связно
с военной конкретностью и определённой
грустит о семье
подумал я
поскольку всё урывками
на бегу
на лету даже
или о недавно ушедших родителях
или ещё о чём-то
что так тяжело сопрягается с его профессией
нет
даже с миссией

поддержания обороноспособности родины
так думал я
бутылка пустела с той же скоростью
с которой топливо из баков переливается
в камеру сгорания турбореактивного двигателя
а ты знаешь — сказал генерал внезапно — мне их всё время жалко
кого — не понял я — людей?
нет, не людей — ответил, вздохнув — ведь они тоже живые
кто тогда: звери, деревья, цветы? — спросил я
нет, не это, это всё на поверхности, а ты в глубь загляни
в самую сердцевину!
так объясни, я не дурак — ответил я — изумившись резкому переходу
только что о политике, о козлах в пиджаках...
и вдруг с головой в философию: что есть живое и что есть мёртвое
нет, всё равно не поймёшь — поморщился генерал
и вдруг вскочил
шваркнул на стол оранжевую бумажку с Муравьевым-Амурским
со скрещёнными на груди руками
гордо возвышающимся на берегу дальневосточной реки
поехали — на бегу натягивая шинель
джип
приближающийся по размерам к БТР
летел по ночной Москве
потом пошли мрачные пригороды
им на смену пришли перелески заснеженные поля
подслеповатые деревеньки
и началась чащоба
в которой пока не успели перевести стрелки с пятнадцатого века
на нынешний двадцать первый
генерал гнал молча
а ведь у него пистолет — тоскливо подумал я
и наконец фары выхватили из темноты ворота с красной звездой
и вот мы на складе боеприпасов
шинель генерала расстёгнута

от него идёт пар
он прохаживается вдоль
ровных рядов дремлющих авиабомб
загадочно улыбаясь
и вдруг мне становится не по себе —
откуда выплыло это дикое сочетание *дремлющие авиабомбы*?!
ну, уже начинаешь понимать? — спросил генерал
я отрицательно мотнул головой
ну как же! — взорвался генерал
и заговорил быстро горячечно оглушительным шёпотом
вот они живые
приложи руку — они дышат
приложи ухо — слышишь, как бьётся сердце?
я несу их в небе в бомбоотсеке — словно внутри себя
словно детей
несу осторожно...
и потом сбрасываю...
возвращаюсь на аэродром, словно блядь после аборта
ты напиши про это, напиши, ведь ты же писатель!
пусть люди поймут!

генерал погрузился в тяжёлые думы

и вот я пишу
хоть это и непросто
потому что тут много всяких вопросов
нормален ли он?
и можно ли таким доверять грозное оружие?
если он нормален
то ненормальны мы все
и вот это гораздо ближе к истине
поскольку всеобщая ненормальность уже почти что доказана
как в многочисленных пухлых диссертациях
так и неумолимым ходом истории

и что считать живым?
что неживым?
в конце концов неодушевлённые предметы
являются таковыми
исключительно потому
что мы их не одушевляем
генерал бомбы одушевляет
и значит они одушевлённые
то есть живые
и он вынужден их убивать
потому что над ним есть генерал с двумя звёздами на погонах
над тем есть с тремя
и так далее
до бесконечности
которая замыкается
на ничтожных людишках
без погон
безбожества-безвдохновенья-беззвёзд-безславы-безвысот
которые жаждут
чтобы все бомбы были убиты

Владимир Тучков о верлибре

1

С русским верлибром сейчас как бы всё нормально. Ежегодно проводится фестиваль, на который съезжаются до полутора сотен авторов. Толстые журналы (разумеется, не все) охотно печатают верлибристов. Значительная часть молодежи тяготеет к этой свободной форме стиха.

То есть цеховые дела обстоят вполне хорошо: есть плодотворно работающие мэтры, как, например, Вячеслав Куприянов. Есть несколько поколений, в которых поэты с разной степенью успешности пишут в данной эстетике. Существует довольно чёткая иерархия, без чего не может обходиться ни одно литературное направление.

Однако ситуация по интегрированию верлибра в тело всей русской поэзии несильно изменилась по сравнению с семидесятыми годами прошлого века. В это время и позже считалось, что верлибр, конечно, имеет право на существование. Но в очень ограниченных объёмах, потому что он — «нерусский». Поэтов-верлибристов можно было пересчитать по пальцам — Геннадий Айги, Владимир Бурич, Арво Метс, Вячеслав Куприянов...

Но позже, когда рухнул железный занавес и в «литературный обиход» в значительном объёме пришла мировая поэзия, прежде всего европейская и североамериканская, отличная от здешней, верлибр у нас так и не получил «равные права». Однако это, конечно, не чей-то злой умысел, а объективный ход истории.

2

Начинал я, когда большинство сочиняющих стихи уже заканчивает. В тридцать. Довольно долго писал рифмованные стихи, преуспев в этом деле до уровня газетно-журнальных публикаций. Однако первая значимая публикация — в культовом тогда журнале «Юность» — была нерифмованной. Кирилл Ковальджи отобрал из подборки два верлибра, отвергнув все рифмованные

стихи. После некоторых размышлений я понял, что верлибр предоставляет именно мне возможность более полного высказывания, трансформирования замысла в вербальную форму.

Среди близких мне друзей верлибристов не так уж и много. Но есть и «чистые». Это Александр Макаров-Кротков — минималист до мозга костей. Юрий Орлицкий — поэт и теоретик свободного стиха. Игорь Лёвшин, тяготеющий к эксцентрике и парадоксу. Дмитрий Данилов, который выстраивает интонации стихов по законам белого блюза. Однако и адепты регулярного стиха порой впадают в «верлибрическую ересь». Таков, например, прекрасный традиционный поэт Геннадий Калашников.

Но подавляющее большинство поэтов моего круга общения — адепты регулярного стиха. И это одно из свидетельств того, что Россия — не Европа, где силлаботоника уже давно считается архаизмом.

Елена Фанайлова

Поэт, критик, журналист. Родилась в Воронеже, врач по первому образованию. Специальный корреспондент Русской службы «Радио Свобода», обозреватель культуры; пишет для журнала «Сеанс» и сайта Colta.ru. Автор восьми книг стихов, лауреат нескольких российских литературных премий. В 2013 году — стипендиат Фона Бродского в Американской академии в Риме. Переведена на двенадцать языков. Сборники стихов выходили по-английски (США, 2008; премия Рочестерского университета), по-итальянски (2015), по-польски (2019). Была членом жюри нескольких литературных и кинопремий, участвовала во многих международных литературных фестивалях и гуманитарных конференциях.

* * *

Если бы я был парнем, то не ботаником, а хулиганом
Не пропускал бы ни одной юбки
В женском теле здесь тоже совсем недурно
Это годная урна.
Как говорят аналитики старой школы,
Анимус женщины усложняет её поступки.
Если бы я был художник
То рисовал бы эротические картинки
И политические карикатуры
В духе польских двадцатых,
Итальянских левых
Времён Муссолини.
Я была бы немецкое кабаре:
Шёлковые чулки, высокие трусы
Твёрдые каблуки, накладные носы
Мёртвые куплетисты
Плевал бы я в лицо любой власти
Был бы я известный в столице
Иллюстратор модных журналов
Автор комиксов оппозиции.
Понятно, чем заканчивается такая карьера:
Концлагерь или виселица
Но я успел бы по-настоящему повеселиться
Как циник и стоик
В глазах очевидцев
Закажите будьласка последний центральный столик
Человек которого любишь
Смысл и свет твоей жизни
Остальное детали
Орнамент на железобетоне
Крохотные рубины в твоей короне
Как надеваешь, никак не видишь

Ни феерической тупости, ни её эпидемий и карантина
Если бы я была режиссёр, то скорей всего Соррентино
Раньше казалось Триер
Только кармин и уголь
С белилами на картоне
Главный вопрос во вкусе, стиле и тоне
Правильный света угол.
Таких как мы вдохновляет
Только народная глупость
Только небесный вызов

* * *

Пристрели меня, капитан. От меня
осталась кучка психического говна.
Тёмные времена. Не говорю, где моя страна.
Ложные ценности, спутанные стремена.
Вронский оставит Фру-фру на имперском плацу
Сгинет и сам в Сараево после полёта Анны.
Я никогда не умру, но довольно-тки часто сцу.
Люди ведут себя как папарацци и обезьяны.
Снова дурные сны, сообщая в одной строке.
В них ты отказываешься разговаривать и одеваться.
Полоумные трупы врагов едва плывут по своей реке.
Клацает маятник времени, и от комментов
и комиксов не оторваться.
Не лисёнок чести грызёт мне сердце, я думаю о хорьке
И братце его кроте
Истории, инкарнации зла, о расстрельной тройке
О человеческой нищете
И состояньи ума на предмет новогодней попойки
Люций, воздуха. В свете ночных поллюций

Лучше видится будущее безумца
В облачных ножнах лежала душа бойца.
Клацает пряжка военная на твоём ремне.
Здесь никому не сохранить лица.
И городской оркестр производит умца-
Умца, с трубачом, барабанщиком
и горнистом в моём предпоследнем сне

* * *

Война и вечеринки и война
Все ангелы на дринке
Персонал на взводе
Всеобщий декаданс, враги умнее нас
На водке кокаине
И где ты, русская весна
Чего ты не цветёшь, как принято в природе?
Горошину я чую жопой на перине
Казнить сказать нельзя
Все договоры белой ниткой шиты
Где полуправда, не расти трава
На линии фронта.
Не отводи войска
Смотри глаза в глаза
От слёз до горизонта
Ответ ребятам: пронто,
Пацаны,
Сдаём ферзя
Слонами разыграем партию защиты
Я ехала домой
Тревожно мысль моя
Как все вы помните, и далее по плану

Ни Брекзит ни аншлюс
Мне не затмят ума: я думала о Вас.
Мы сделали бы честь второму Тегерану
Возьми мужской костюм. Из запонок возьми
Серебряные для парадного обеда
Держи осанку и соедини манжеты
И предъяви для публики запястья.
Я думаю как ты. Я действую с тобой
Мы не являемся вполне людьми.
Бои без правил. Нежелательные риски.
Кольцо всевластья.
Нецензурные сюжеты.
Хотя бы взять фрагменты из последней переписки
Все мёртвые за нас.
Последних папирос
Огни во тьме, в своём уме
Послание живым в непобедимый Вестерос
При чём здесь компромисс
В одной переговорной
Или спальней
Родителей как разночинцев.
Нас невозможно запугать, нельзя сломить.
Никто не выбирал
Себе в партнёры здесь нестойких принцев
Во тьме нетварной
Мгле тлетворной
Центральная Европа страсти
Свобода как инстинкт
И ненависть и ложь
И правда и любовь
И толпы площадей
И всё отдам за частную беседу
Я не люблю людей
Но выпью за их общую победу

Елена Фанайлова о верлибре

1

Русский верлибр продолжает обогащаться благодаря двум важным обстоятельствам. Первое — это политизация богемы, социальные проблемы, которые стали волновать авторов примерно со второй половины нулевых годов. Верлибр позволяет включать в ткань повествования большое количество деталей прямого наблюдения, что не всегда возможно при регулярном метре и рифме. Он удобен для создания многоплановых и многоуровневых текстов, для говорения от первого лица и при передаче речи «других» (частый приём современной поэзии). Это приём, который стирает границу между поэзией, прозой и драматургией.

На поэтическую сцену вышли авторы, для которых знание англоязычной поэзии с её почтенной традицией верлибра и свободного стиха довольно важно. Многие из них читают на других языках и практикуют перевод, что влияет на собственное письмо.

В Москве недавно был семинар по Уитмену, к его юбилею, это заставило меня перечитать «Листья травы» и признать, как было велико влияние на русскую поэзию.

2

Мои и других практики. Я бы всё же говорила не только о верлибре, а о свободном стихе в принципе. Совершенно спокойно перехожу с верлибра на дольник в рамках одного текста, тут же могут возникать и рифмованные фрагменты. Это вопрос адекватности материала форме, ритмической и редакторской (если так можно сказать) организации материала. Мне интересны на этом поле эксперименты Кирилла Медведева, Фёдора Сваровского, Льва Оборина, Бориса Херсонского, Оксаны Васякиной, Галины Рымбу, Александра Скидана, Константина Шавловского. Великий сборник Марьяны Кияновской «Бабий яр» (в России частично переведён Марией Галиной

и Полиной Барсковой), где рифмованные тексты чередуются со свободным стихом. Я немного, но давно перевожу Сергея Жадана, больше всего люблю его цикл «Радиошансон» про Юру Зойфера, автора австрийского кабаре 1930-х и концлагерного гимна «Песня о Дахау», там всё сделано верлибром. Это захватывающий пример использования поэтики немецкого и украинского модернизма первой половины XX века в современной поэзии.

Наталия Черных

Поэт, эссеист, прозаик. Первая публикация — сентябрь 1993 года, газета «Русская мысль». Стихи, эссе о современной литературе и проза опубликованы в «Новом мире», «Волге», «Знамени», «НЛО», многих других бумажных и сетевых изданиях. Автор поэтических книг «Камена» (2007), «Письма заложника» (2012) и других. Лауреат Филаретовского конкурса на лучшее религиозное стихотворение (2001). Живёт в Москве.

Шестидесятые

Michelle, ma belle!
из окна общежития
десять лет спустя
в России
пространство личной комнаты молодого существа
наполнено звуками
комната в новой квартире
обои с печатью ярким ромбиком
румба самба мамбо
румынская мебель
натуральное дерево
кресла с узкими подлокотниками
журнальный столик
на столике стоят новые белые замшевые ботинки
исписанные цветными пастами
чёрной
зелёной
красной
модная софа
герой на софе
телевизор «Рубин»
магнитофон «Ровесник»
лента тип шесть а
бобины
битлз
урия гип
диппапл
фloyd
шайн он
магнитофон подарили за удачное окончание восьмого класса
скоро первый экзамен за десятый
весна

девочка в жёсткой короткой юбке
юбка хлопает
девочка бежит
они копались в траве у корней сосны
прогуливая урок физкультуры
искали гранаты
драгоценные камни
девочка любит Олега
никому ни слова не говорит
герой догадался
Олег посмеивается над ней
девочка отличница и активистка
похожа на Лайзу Минелли
вечно в чёрной водолазке
на вечеринке уходит в ванную ярко накрасить губы
её подруга попроще
симпатичная
герой уже целовался с ней
с девочкой всё никак не получается
почему
Олег из восьмого класса
но выглядит на все восемнадцать
красиво курит дорогие сигареты
не попадаетея преподам
герой не то чтобы очень любит девочку
так себе
скользкая ночь встречает ударами фонарей
ударами лихих вывесок
взглядами глаз
похожих на волчьи
дыханием горьких ртов
тревожным запахом железной дороги
духотой бензиновых испарений
лохмотьями уличной философии

поисками тепла в заснувшем после пьянки теле
страшно
почему
стреляют
культура с потерянным лицом

Этюд

Интенданту Анри де Бейлю было видение
зимой 1812 года в России,
под Березиной.
Старый Кутузов, рассупонившись, стоял у стола;
больные ноги едва держали полководца.
На столе в медном подсвечнике трепетала
восковая свеча.
Фельдмаршал слушал далёкое пение,
которого никто, кроме него, не слышал.
Слёзы капали на раскрытую Псалтирь.
Интенданту Анри де Бейлю было видение
в ту самую ночь.
Ему не спалось.
Он вспоминал русских, с которыми ему довелось беседовать,
пока легкомысленная его армия
болталась по пожарищу Москвы.
Военный инженер Анри очень любил Наполеона
и доверял силе чувств и разума.
Он был свободен, как каменщик.
Ночь выюжилась над ледяной рекой.
В голове интенданта кружились
детали обстановки русских гостиных,
интонации и слова.

Что-то похожее на ужас касалось сердца
мыслью: за этими барами,
живущими словно на ветер,
что-то огромное было.
Но что?
Ночь вьюжилась над ледяной рекой.
Ангел русских плакал и звал Ангела французов.
Ангел французов рыдал.
И тогда небеса открылись
и босиком по снегу сошла молодая Девушка с Младенцем.
Ангелы склонились к Её стопам.
— Ради Её просьбы, — сказал Младенец Ангелу французов, —
подними их. Пусть идут. Ночью же.
Интенданту Анри де Бейлю было видение.
Его коснулась нежная рука, и сладкий голос сказал ему:
— Вставай и возьми свой отряд, сейчас же!
Наутро русские будут стрелять.
— Но как же все остальные?
На что тот же голос ответил:
— Не мешкая!
И вот через вьюгу, по льду, по реке
двинулся отряд невыспавшихся гонимых захватчиков.
К началу обстрела они были уж на том берегу.
А Кутузов так и не спал.
Царь и пророк Давид, победивший Голиафа пращею,
смотрел из гравюры в начале книги.
Интенданту Анри де Бейлю было видение.

Наталия Черных о верлибре

1

Для меня верлибр всегда был свободным стихом. Я никогда не смотрела на него как на поэтическую резервацию. Некоторое время меня интересовали гетероморфные опыты, то есть те, где в одном стихотворении сочетаются и рифмованные строчки, и нерифмованные. Если что и происходит с русским верлибром сегодня, то только непонимание значения самого этого слова авторами стихотворений и теми, кто пишет на них отзывы. Слово «верлибр» превратилось в нечто неудобовразумительное, а это форма, идущая ещё с античности, активно жившая в Средние века, Новое время и достигшая взлёта в культуре модерна. Повторяю, это «свободный стих», а не ругательство. Русский верлибр обладает своей уникальной историей, считаю, что её нужно изучать.

2

Довольно значительное место. Половина авторов, которых читаю, пишет свободным стихом.

Сергей Шабуцкий

Поэт, переводчик, редактор.
Родился в 1976 году в Москве.
Окончил филологический факультет МГУ (отделение теоретической и прикладной лингвистики).
Публиковался в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Иностранная литература», «ШО», «Интерпоэзия», «Зеркало», «Воздух», Homo Legens, «Гвидеон», альманахах «Новые писатели» и «Насекомое», в «Новой газете». Участник нескольких Форумов молодых писателей в Липках, в 2010 году вёл там мастер-класс поэтического перевода. Участник Международного фестиваля поэзии в Труа-Ривьер (Квебек, 2011), фестивалей SloWWWo, «Плюсовая поэзия», «М-8», «Киевские лавры», Международного издательского форума во Львове и других. Лауреат премии MyPrize (2017). Автор книги стихотворений «Придёт серенький волчок, а в кроватке старичок» (2016). Стихи переведены на белорусский, фламандский и французский языки. Живёт в Бонне (Германия).

* * *

Оторвали лапу
Уронили в речку
Упал с доски
Бросила хозяйка
Подобные случаи давно описаны
В специальной литературе
Но только в последние несколько лет
Психологи стали серьёзно
С ними работать
Наилучших результатов
Удалось добиться
Реабилитируя хомяков-повторюшек
Поскольку они способны
Проговорить проблему
А. И. Курбатов
Отмечает
Что подобранные на улице
Говорящие чебурашки
Нередко идут на контакт
Говоря не только
«Ты настоящий друг»
Но даже могут признаться в любви
Что особенно важно
Однако в некоторых ситуациях
Мы пока оказываемся бессильны
Представьте себе ангар
Поседевших медведей
Мокрых зайцев
Обожжённых бычков
Парализованных мячиков
Ни один из которых
Не оснащён устройством

Воспроизведения голоса
Дольше пяти минут
Никто из наших специалистов
Не может там находиться
Поскольку звук
Издаваемый пострадавшими
Совершенно невыносим

* * *

Буду смотрительницей маяка,
Нет, лучше женой смотрителя маяка.

Лилия Газизова

Между маяками можно путешествовать.
Прыгаешь на линзу,
обхватываешь руками и ногами,
она раскручивается всё быстрее, быстрее, быстрее,
луч набирает силу,
уплотняется и выталкивает тебя в окошко.
Летишь к следующему маяку.
Не совсем со скоростью света, всё-таки сопротивление воздуха.
Иногда происходит БУМ! Это ты сталкиваешься
с другим смотрителем маяка.
Хотя, скорее всего, никаких других смотрителей нет. Это просто БУМ.
Мало ли что может бумкнуть в воздухе над бурным морем.
Бумкнуло — и дальше полетел. Разве что слегка замедлился.
Или, наоборот, ускорился,
если этот БУМ происходит от перехода на сверхзвук.
При этом не забываешь, что ты всё-таки смотритель маяка,
поэтому периодически ловишь за конечности
сбившихся с пути, пролетающих мимо.

Они вырываются, говоря
пусти, ничего не хочу.
Короче, как с утопающими:
ребром ладони по шее
и тянешь за волосы до следующего маяка.
Прилетаете, спасённого кладёшь спать,
или он ещё на посадке
мягко сваливается на пляжный песок
и бежит, радостный.
Раскинет руки и гудит, изображает севший самолёт.
А сам идёшь исследовать маяк. Точно такой же, как твой.
Всегда точно такой же.
Смотрителя нет на месте, на столе приготовленный ужин.
Он тоже всегда одинаковый:
вкуснейшее мясо,
вкуснейшее пиво.
Приготовлен женой смотрителя. Она сидит тут же.
Что странно, жёны всегда разные.
Бывают ещё и мужья.
Они разные тоже.

* * *

Делал вид, что делает уроки.
А сам, пряча руки
Под крышкой письменного стола,
Остервенело что-то лепил
Из полимерной глины глины глины.

Полимерная глина глина глина
Замусоливалась и серела,
Но за крышкой письменного стола
Этого не было видно.

Она называлась «Пластикой»,
Лепилась плохо,
Рассыпалась в руках,
Трескалась при нагреве.

И ещё непонятно пахла.
Запах знакомый и неприятный —
Ни вспомнить,
Ни оторваться.

Днём этого дня
На школьном дворе
Впервые увидел труп.
Дедушка внучку пришёл забирать.
Дедушка ждал у крыльца
Конца уроков
И не дождался.
Дедушка старый, ему всё равно.
Смотрели в окно,
Видели, как родители,
Дедушки, бабушки
Подходили пощупать пульс,
Щупали, ужасались,
Не могли оторваться.

Через несколько лет
Вспомнил, чем пахла
Полимерная глина глина глина.
Полимерная глина глина глина
Пахла спермой спермой спермой.

Сергей Шабуцкий о верлибре

1

Ситуация, как мне кажется, двоякая. С одной стороны, экспертное сообщество давно воспринимает верлибр как одну из возможных систем стихосложения, которая ничем не хуже других. Вроде бы уже никому не надо ничего доказывать и ломать сто раз сломанные копыта. С другой же — за верлибром, вернее, за отношением к нему, по-прежнему закреплена функция некоего маркера, показателя авторской или читательской адекватности. Далеко не все любители стихов готовы признаться себе, что собственно поэзию, тот самый Дух, который дышит где хочет, они чувствовать не умеют. Поэтому им необходимы формальные костыли вроде концевой рифмовки или традиционной метрики. Разумеется, дело тут не в том, пишет автор свободным стихом или силлаботоникой, а в том, насколько он допускает саму возможность считать верлибр стихами. Таким образом, отношение человека к верлибру всё ещё является этаким лакмусовой бумажкой. И я надеюсь, что эта функция верлибра со временем отомрёт за ненадобностью.

2

Я более-менее всеяден и люблю разнообразие. Специально никогда не подсчитывал, но думаю, что у меня примерно поровну и верлибров, и силлаботоники, и вещей, написанных в смешанной технике. Каждый раз всё зависит от конкретной задачи, и набор средств может меняться несколько раз на протяжении одного текста. Да и как читателя меня интересует и одно, и другое, и третье. Среди тех, кто мне близок, встречаются и убеждённые верлибристы, и последовательные силлаботоники, но большинство всё-таки старается себя не ограничивать ни «справа», ни «слева». Мне не хотелось бы перечислять авторов, за которыми я внимательно слежу: трудно выбрать несколько имён из достаточно большого списка. Скажу только, что некоторые из них опубликованы в этой книге и оказаться с ними под одной обложкой для меня большая честь.

Аркадий Штыпель

Поэт, переводчик. Родился в 1944 году в городе Каттакургане Самаркандской области. Детство и юность провёл в Днепропетровске. Учился на физическом факультете Днепропетровского университета. Писал стихи на русском и украинском языках. В 1965 году был исключён из университета за литературную деятельность по обвинению в формализме, очернительстве, сионизме и украинском национализме. После службы в армии окончил учёбу заочно и получил диплом физика-теоретика. В Москве — с 1968 года. Работал инженером-акустиком, радиологом, учителем математики, монтажником-наладчиком, фотографом, сторожем. Первая публикация в Москве — в 1989 году в антологии поэтического андерграунда «Граждане ночи». Автор четырёх книжек стихов, многочисленных литературно-критических публикаций. Победитель суперфинала Московского слэма (2011). Стихи переведены на немецкий, английский, украинский языки.

*

в детстве одёргивали
«думай что говоришь»
что означало
не говори что думаешь
и вообще помалкивай в тряпочку

давно я этих слов не слыхивал
видимо научился не говорить что думаю
помалкивать в тряпочку

и когда романтический поэт
воскликнет
будьте как дети
говорите
говорите не задумываясь
всё что ни придёт в голову
я первый скажу

ищи дураков

*

размытая оптика облака
запах
воды
дыма

масляная живопись заката
краплак
кадмий

плоские камни
низкого берега
по
которым
вы-
шагивает
оловянная ворона

ко-
рона
бурь-
яна
ли-
лова

*

а вот и мы
едим синие груши
холодные синие груши
на холсте художника
после дождика

где радуга в левом углу
со стороны зрителя

*

мне нравится за окном машинный шум
и скрежет землеройных механизмов
это много лучше чем
механическая музыка
какая-нибудь ритмическая дребедень
из соседских окон

но больше всего я не люблю тишину
нет
тишина вовсе не лучшее
из того что слышал
далеко не лучшее

в больших количествах
тишина
просто невыносима

и мы умножаем меру шума
сочиня стихи и верлибры

*

ужинал
полулёжа
на общежитской
железной койке
в подражание
персонажам
вожденной
блаженной
античности

*

встретил будду
убил будду
второго
третьего
узнаёт будду
в любом
беззащитном прохожем

*

посмел отказаться
или
отказался посметь
большая разница
совершенно разные люди
хотя персонаж возможно
один и тот же

*

всё хорошо
значит главное
сахар соль мыло спички
всё хорошо
всё
значит так
спички мыло соль сахар
всё прекрасно

бумага стерпит

*

**нет не народный я трибун
и даже не антинародный
и даже вовсе не трибун**

порой конечно тянет на
какую-никакую три
буну
выкрикнуть:
позор!
ну да позор
позор конечно
позор?
кто ж этого не знает
ну позор
ну
ну не смешите

Аркадий Штыпель о верлибре

1

Что происходит с русским верлибром? Да ничего особенного. Верлибры наряду со стихами наконец-то занимают законное место в современной поэзии. Другое дело, что в стихах заведомо присутствуют хотя бы следы какой-никакой работы, а в верлибрах сплошь и рядом и того нет.

2

Я рифмач, верлибров у меня мало, да и те, что есть, не совсем, не такие уж верлибры. В практике близких мне авторов верлибр занимает примерно такое же место.

Из авторов, регулярно обращающихся к верлибру, я очень люблю верлибры Фёдора Сваровского и Владимира (Евгеньевича) Захарова.

Татьяна Щербина

Поэт, эссеист. Родилась в Москве в 1954 году, окончила филологический факультет МГУ в 1976-м. Автор многих поэтических сборников (один из них написан на французском языке и премирован Национальным центром книги Франции) и нескольких книг прозы и эссеистики, основные: «Ноль Ноль» (1991), «Жизнь без» (1997), «Диалоги с ангелом» (1999), «Книга о плюсе и минусе...» (2001), «Лазурная скрижаль» (2003), «Запас прочности» (2006), «Исповедь шпиона» (2007), «Франция, магический шестиугольник» (2007), «Побег смысла» (2008), «Они утонули» (2009), «Размножение личности» (2010), «Крокозябры» (2011), «Хроники. Стихи» (2017), «Антропологические путешествия» (2019). Переводилась и издавалась во Франции, Канаде, Великобритании, США, Новой Зеландии. Участник международных поэтических фестивалей.

Альцгеймер

Он складывал буквы в слова так,
что его называли поэтом.
Однажды его корреспонденты стали получать письма,
написанные на неведомом языке,
хотя там повторялось ясное слово «нет».
«Нет унобо гыгрию мрх нет
крдрдр...»
Он всё время работал,
писал и писал как никогда раньше.
Жена заглянула в его компьютер,
там были проложены дорожки из гласных,
на них кучками лежали согласные,
по обочинам стояли столбики из восклицательных знаков.
над ними висели звёздочки.
Жена подумала: звёздное небо,
точки росы, зазубрины запятых,
вопросительные головы,
бессмысленность речи,
визуальность условных знаков —
разрабатывает новую поэтику,
но он вышел из дома и потерялся.
Его привела полиция.

Вдруг он стал замкнутым,
на любой вопрос невпопад качал головой.
Ему прописали таблетки,
велели учить наизусть стихи.
Жена читала ему вслух:
«Буря мглою небо кроет»,
Он повторял: «Крозкрозкрозкроз».
Он почти ничего не ел.
Однажды всё изменилось.

Поэт всё время смеялся,
Жадно сметал со стола всё, что там было,
вино текло по шее,
одежда шла красными пятнами,
несмываемыми, означающими «навсегда».
Он никого больше не узнавал,
казался счастливым
и говорил «да». Дадададада.
Он будто не умирал, а высвобождался из жизни,
восстав против вложенной в мозг программы.
Стер её полностью.
Жена вспомнила его интервью:
«Поэзия — это свобода»
и только теперь согласилась.

Старик и дерево

Старик и дерево, похожие существа.
Старик врос корнями в прошлое,
земля — это прошлое, небо — будущее,
старик не может ходить, и всё интересное кончилось.
Деревенеет, не гнётся тело,
голова распалась на ветки, раскинувшиеся в никуда,
не соберёшь их в крону, подрагивают на ветру,
а потом тишина, только сядет синица, чаще ворона,
и воробьи суетятся, противно чирикают.
Старику не нравятся эти ваши новые времена,
дети как попугаи — ярко одеты и повторяют слова,
вырастают и прыгают по земле, что перекаати-поле.
В небе мельтешат птицы, оторванные от почвы,
щебечут на непонятном дереву языке,

хлопают крыльями, и надо следить,
чтоб никто не задел последний зелёный листик.

* * *

Умирающий меняется каждый день, как новорождённый.
А до этого — каждую неделю, как младенец.
Ещё раньше — каждый месяц, как малый ребенок.
А было раз в год — как вымахивает подросток,
так сдаёт старик.
Один набирается сил и желаний, другой теряет.
Один наливается соками, другой усыхает.
Одному жизнь всё роднее, другому — уже чужая.
Пути их сходились, когда перемены заметны раз в десятилетие.

* * *

Когда мир перестаёт быть волшебным,
он превращается в надо, нельзя и зачем.
Я делаю надо.
Заполняю, подписываю, оплачиваю.
Поливаю растения,
но они, подлецы, желтеют,
прямо помирают,
ненавидят зиму, хоть и живут в тепле.
Посуда, кажется, никогда не кончится,
но я её мою и домываю.
Всё продвигается,
желтея, краснея, коричневея
на ходу — ржавеющий механизм,

тормозящий и тормозящий время.
Зачем-зачем, нельзя не крутить педали.
Так говорят в неволшебном,
где мозг качает из прошлых жизней
страшный и сладкий сон.

Лето-2019

Бесконечные дожди превратили газон в болото,
до этого земля делилась на треугольники трещин,
будто каменная пустыня.
Не получается так, как хочется.
Не хватает тепла, в том числе внутреннего.
Хочется ах и ух, получается ох и эх.
Застой Застоевич Застоев.
Ожоги двигателя внутреннего сгорания,
тучное небо надо головой.
У кровососов нынче малый террор,
а у меня выгорание, которого раньше не было,
поскольку не было этого слова.

Прогоняя перед алфавитным строем букву З

Почему З?
ХЗ
ВЗ вы задолбали
ЖЗ Журнальный Зал
ЗЗЗ комар
КПЗ камера предварительного заключения

ЛЗ любовь зла
НЗ неприкосновенный запас
ПЗ период застоя
РЗ русская зима
ТЗ техническое задание
ЧЗ число зверя
Мимо буквы П З прошла дважды, потому была оглушена и на
третий раз превратилась в Ц.

Боль

Боль выворачивает наизнанку,
вырывая из организма «я»,
чтобы его обезличить.
Боль пытается, как полицай, но изнутри.
На помощь приходят таблетки, мази,
порошки — это такие пикеты, марши, петиции,
толку в них мало и всё же много:
боль убирается в конуру
и пару часов сверкает глазами.
Шторм или штурм утихает,
и можно перевести дыхание.
Обеденный стол завален лекарствами,
письменный — рецептами и вердиктами
докторов — царей в царстве боли.
Два царя были свергнуты мной за два дня,
они удивлялись: откуда боль?
и посылали узнать это у сканеров,
отрицающих существование «я».
«Я» уже на орбите, вращается вокруг организма,
своей Земли,
как бледная Луна, попавшая в турбулентность.

Ворот

Обрыдло говорить о ржавеющем вороте,
его проворотах, государственных переворотах,
разворотах на сто восемьдесят градусов,
поворотах голов налево и направо,
завороте кишок,
отворотах плащей со значками тайного ордена,
воротах в будущее, на которых висит ружье,
лязге ворот концлагеря,
вратах ада, открывающихся в полнолуние,
надвратной церкви с заунывными песнопениями,
мафии воротил,
навороте событий, которым бы просто не быть,
изворотливости правителя, которого не поправить,
совращении малолетних, развращении малодумных,
вращении против часовой стрелки,
«Превращении» Кафки
и отвращении ко всему.
Обрыдло говорить, что наворотили сами
и что прошлого не воротить.

Наружа

Наружа — запретная зона, закрытая на замок,
толстый, висячий, и тонкий, врезной, — у кого-то к ним есть ключи,
у меня — только очки, рассматривать запертые ворота,
там ещё на щеколду закрыто, с камерой наблюдаенья,
и на крючок со штрафом, если его поднимешь,
наружа — потерянный мир, и я без него потеряна.
Гордо иду на помойку, тайком в магазинчик,

в маске, перчатках, с социальной дистанцией,
но это ещё не наружу — её предместье.
Наружа закрыта — театры, кафе, фестивали, гости,
всё заглохнул онлайн.
К дальней наружу, куда мне так надо, не подступиться,
там ворота, и рота, и ров перед ними.
В цифровом концлагере тело обременительно,
если ты не растение и не котик,
хотя всё к этому шло.
Наружа — угроза телу, услада души, аминь.

Татьяна Щербина о верлибре

1

Свободный стих появился, когда содержимое сосуда — метрического рифмованного параллелепипеда — перестало быть видимым, а может, просто исчезло. Тогда сосуд раскололи, чтоб оставить чистую суть поэзии, без формы, которая прежде была прозрачной, как бы невидимой, а стала казаться гипсовой стяжкой, памятником на могиле поэзии, ложноклассической шалью.

Когда сосуд разбили, суть лишилась поддержки. Иногда из сосуда выливалась жидкость, превращаясь в лужицу, в которой отражалось небо и заглядывавшие в неё лица. Иногда это было облачко, ненадолго повисавшее в воздухе. Иногда ювелирное изделие, искусная статуэтка — их помещали в музей, ставили в книжный шкаф или приобщали к куче всего непонятного, хранившегося на чердаке. Иногда это была застывшая смола, принявшая форму сосуда, параллелепипед, который мог быть и ценным, как янтарь, и банальным, как бетонный столбик. Иногда суть рассыпалась мелкими горошинами, подбирать и сортировать которые оказалось нелегким делом, да и как бы ни выглядела эта суть, её воспринимали немногие, поскольку разнообразной сути, облепившей чувства и разум, атакующей зрение и слух, сотворилось так много, что перестало быть понятным, в чем вообще суть. Она стала во всём и ни в чём.

2

Рифмованных стихов я пишу, вероятно, больше, чем верлибров. Это возникает сразу, как если бы для одной прорезавшейся в голове мелодии требовалось подойти к роялю, а для другой — к ударным. Есть поэты, пишущие только верлибром или только с рифмой, тут не сравнишь, но из тех, кто пишет и так, и так, одним органичнее верлибр, другим — классическая просодия. По крайней мере, на мой слух. Поэты нового поколения пишут, по-моему, исключительно свободным стихом, как это давно уже происходит в европейской и американской поэзии. Правда, после этого перехода поэзия утратила своё царственное положение в литературе, но и обратного пути нет.

Алик Якубович

Фотограф и поэт. Родился, живёт и работает в Нижнем Новгороде. Окончил Горьковский государственный педагогический институт имени М. Горького, исторический факультет. По мнению FotoFest, входит в список ста пятидесяти лучших фотографов периода перестройки. В 2004 году, после окончания фотопроекта «Пацаны», ему стало тесно в фотографии и он начал писать. «Акустическая фотография» — так он определил свой стиль, в котором вышло семь книг. Участвовал в поэтических фестивалях: «СLOWWOW» (Нижний Новгород, 2006), XIII Российский фестиваль верлибра (Москва, 2006), «Стрелка» (Нижний Новгород, 2007) и других.

* * *

Весна.
Мне пять лет.
Я стою в луже
И вижу себя на небе.

* * *

А вчера
Птицы рассказали,
Как старый клён
Подрался с ветром.

* * *

Просветлённые алкоголем
Ловили на удочку
Танцующую луну.

* * *

Не знать, куда идти, —
И есть мой путь.

* * *

Утро скрипнуло
Ключицами лодки,
Отец закурил
И погладил собаку.

* * *

Мир состоит из трёх букв.

* * *

Как безошибочны ошибки.

* * *

Чай.
Обрывки ветра.
Утренняя сборка себя.

* * *

С годами
Всё больше
Похож на отца,
Которого не любил.

* * *

Море.
Закрытыми глазами
Слушаю запахи звуков.

* * *

Шапка кошкой свернулась на стуле,
Гость на кухне молчит стихами,
За окном простудился февраль.

* * *

Ветер разбил банку со светом.
Любуюсь осколками солнца.

* * *

Детство. Мяч. Гол.
Разбитое окно.
Отец снимает ремень.
Мама плачет.

* * *

А когда дорога
Повернула за ним,
Он даже не удивился.

* * *

Они так выразительно молчали,
Что можно было за ними записывать.

* * *

Юность — это когда скорость эрекции
Опережает время реакции.

* * *

Если бы у меня было больше денег —
У меня бы их вообще не было.

* * *

Упругое молчание спины
До поцелуя в родинку на шее.

* * *

Я знал одну женщину,
Которая не боялась высоты,
Но боялась летать.

* * *

Вчера нашёл пуговицу
От рубашки, в которой родился.

* * *

Ночью не спится,
Открываю пошире окно,
Чтобы звёздам было куда падать.

* * *

Хохотала до слёз,
Размазала глаза —
Получилось смешно.

* * *

Строители разрушали мой город...

* * *

В квартире размером с кровать
Ты мне не даёшь заснуть,
Потому что качаешь луну.

* * *

Пьяная и счастливая
Красила губы зеркалу.

* * *

Кем мы только не хотели быть,
А стали собой.

* * *

Жизнь как пропущенный вызов.

* * *

Лето — это такое море,
Когда из одежды только гитара.

* * *

45 лет, а ничего не хочется.
Может быть, что-то с рекламой?

* * *

Иногда, чтобы удивить себя,
Он выпивал четвертинку виагры.

* * *

Осенью с деревьев
Падали жёлтые мысли.

* * *

Хотел сделать себе подарок,
А некому.

* * *

Недавно изменила мужу
И, надевая длинную юбку,
Обнаружила красивые ноги.

* * *

Смешивали джаз с коньяком,
Нервно курили на балконе,
Импровизировали в постели.

* * *

Жизнь как лотерейный билет,
Который я потерял,
А он всё-таки выиграл.

* * *

По заштопанному звёздами небу
Уходили из дома в книги.

* * *

Увидел себя в зеркале и подумал:
«Как хорошо иметь такого друга, как я».

* * *

И только ключ задумался в замке
О том, чего не было.

* * *

Собери путь в себе,
И старый рюкзак
Обнимет тебя за плечи.

* * *

Приходила ночью,
Раздевалась молча,
Становилась кошкой,
Занималась нежностью.

* * *

Вино и море — вот моя йога.

* * *

Уметь не иметь.

* * *

Тихими мыслями выращивал в сердце лодку.

* * *

— Погода — под водку, — улыбнулся сторож,
Доставая кисти и краски.

* * *

Каждая женщина — выход к морю,
Если ты научился плавать.

* * *

Как бездарно время потратило нас.

* * *

Ветка стучится в окно
Яблоку, кем-то забытому.
Осень с грехом пополам.

* * *

Время собирать камни,
А не с кем.

* * *

У ненаписанных строк
Свой характерный почерк.

* * *

Открыть дверь ребёнком
И напугать её счастьем.

* * *

— А помнишь, — спросила дверь
У зеркала, что в прихожей, —
Как они были похожи,
Пока просыпались
Любовниками?

* * *

В лодке, уснувшей на берегу,
Выросло дерево
С листьями рыб.

Алик Якубович о верлибре

1

Верлибр сегодня — это удивительно музыкальное явление, которое звучит, если только в нём нет ничего лишнего. Он сродни джазовой импровизации, свободной от заданных форм и рифм, вдохновенной, рождённой здесь и сейчас.

2

Верлибр для меня — это акустическая фотография. Я стараюсь написать текст, который можно увидеть как картинку, иногда у меня это получается. В поисках третьего пространства соединяю в своих книгах цвет-свет-звук. У меня всегда вместе фотоаппарат, блокнот и карандаш. Форма работы чаще всего прогулка.

А ещё для меня это возможность поговорить на китайском языке по-русски. С поэтами почти не общаюсь, читаю Геннадия Айги и Карена Джангирова.

Санджар Янышев

Поэт, переводчик, композитор. Родился в 1972 году в Узбекистане. Окончил факультет зарубежной филологии Ташкентского государственного университета, с 1995 года живёт в Москве. Работал курьером, коммивояжёром, уличным музыкантом, рекламным менеджером, редактором, частным преподавателем, сценаристом, писал статьи для детской энциклопедии. Один из основателей объединения «Ташкентская поэтическая школа», Ташкентского открытого фестиваля поэзии (2001–2008) и альманаха «Малый шёлковый путь» (2000–2006). Составитель и редактор первой двуязычной антологии современной поэзии Узбекистана «Анор — Гранат» (2009). Автор книг: «Червь» (2000), «Офорты Орфея» (2003), «Регулярный сад» (2005), «Природа» (2007), «Стихотворения» (2010), «Умр. Новая книга обращений» (2017). Лауреат независимой поощрительной премии «Триумф» (2001), премии журнала «Октябрь» (2003), четырежды дипломант премии «Московский счёт».

Близнец

Один повар мне и говорит:
Притворись Хусаном, будь иногда Хусан.
Пусть жена по четвергам тебя не будит, пока солнце не зайдёт,
А сама тем временем твои ступни, живот и мочки твоих ушей
Натирает этим именем; пусть настаивает его
В тёмном сухом месте — да хоть бы и в чреве своём, —
А потом по одной средней пьялушке два раза в сутки тебе даёт.
Это будет разумно, ибо ты рождён не один.
Ты — близнец. Погляди-ка в крышку моего казана:
Вот этот кусочек коричневой луны — это ты,
А вот этот, побольше, — твой брат...
Он вышел первым. Но знаешь, как у нас говорят:
Старший — более умный, он выходит вторым.
Он младшего посылает: «Иди посмотри, что там?»
Если всё в порядке, кричи!» — И младший идёт и зовёт.
Ты слышал зов? ты не спутал его ни с чем?
Ты спешил или ждал?
Ты забыл или спал?
Эй, Хусан, где брат твой — Хасан?!

Бандалик*

...И ровно в полдень мы тронулись в путь.
На мне было стёганое атласное одеяло,
Напомнившее чапан, в котором я когда-то женился,
И, словно в дополнение к этой синей памяти,
Два пушистых зверька с белыми животами —

* Слово соболезнования, сочувствия, сопричастия (узб.).

Я и моя жена — сопровождали процессию до поворота,
Где начался встречный поток автомобилей,
Где начался встречный поток жизни.

Незнакомые люди забывали, куда шли до встречи со мной,
Они выходили из машин,
Они говорили детям: «Ты иди, я догоню»,
Они пристраивались спереди —
В единственную на земле очередь,
Начинавшуюся не с хвоста, а с головы, —
Чтоб хотя бы метр пронести мои носилки,
Чтоб хотя бы на минуту приобщиться к шествию.

Мы двигались вдоль пустынных трамвайных путей,
Которые через месяц разберут:
Уже теперь они напоминали йодистую сетку
На спине вчерашнего пневматика,
Однако ни один из моей свиты
Не пересёк границу мелкого гравия.
Через час мы прибыли на место
И возблагодарили Бога, что путь окончен,
И возблагодарили Бога, что путь — был.

Никогда ещё мы не были такими зрячими, такими чуткими.
И хотя я не мог приложить ладони к своим ушам,
Я видел, как это сделали все до единого
Мои попутчики, мои советники, мои незнакомцы.
Потом подходили к крану и полоскали руки.
И не было полотенца. И стряхивали капли,
Пробуждая мириады чертей, бесенят,
Которые — кому могли повредить?

Наконец меня поднесли к моей келье (землянке),
И человек — кажется, мой сын, кажется, мой старший сын —

Помог мне в неё спуститься.
Он придерживал моё почти невесомое тело,
Покуда оно занимало место в выложенной кирпичом нише,
Он бережно меня посадил, приобняв напоследок,
Он сказал: «До свидания, папа»
И оставил меня с моей мыслью — один на один.

А ещё он сказал: «Бандалик» — или это была моя мысль?
Бандалик, дорогой мой.
Бандалик, мой самый счастливый день.
Бандалик, мое пешее солнце.
На-най, на-най,
Бандалик!

Я убил

Она спала под фанерой, за окном,
рядом с сохнувшим бельём.
Мне кажется, их было много,
тёплых мохнатых комочков,
перемогающих день в мокричном убежище.
А я отогнул фанерный лист
и извлёк на свет слепое крошечное существо.
Я не хотел его убивать, это вышло случайно.
Мы часто в детстве ломаем машинки и куклы —
с единственной целью: понять их устройство.
Мне было четыре года.
Наверное, ещё раньше я убил
несчётное количество жуков, муравьёв, мотыльков —
не говоря уже о мухах;
и совершенно точно — одну ужалившую меня в глаз пчелу...

Когда я оттянул прижатое к телу,
похожее на веер крыло летучей мыши,
нечто близкое к восторгу,
трепету перед невиданной красотой мира,
его ужасом и хрупкой соразмерностью
ослепило меня —
не помню, как это произошло,
я проткнул одну из нежных перепонок,
и то, что в борьбе мужчины и женщины
даёт начало новой жизни,
принесло божественному рукокрылому созданию
скорую гибель.
Оно даже не пискнуло и, возможно, жило ещё целую вечность.
Вы скажете: ты не ведал... — да, я не ведал.
Вы скажете: все дети... — да, отвечу, все дети.
Но я помню её глаза, которые пытался разжать,
и помню чувство сопротивления материи,
которым не всегда измеряется
рождаемое нами зло.
Полжизни помню, дурацкой и ничтожной
своей жизни.
Возьмите вторую её половину!
Вот моё покаянное письмо.
Я ведь буду теперь прощён?
Не молчите — ведь буду?!..

Мёртвое живое

Обнял дерево — а оно мертво.
Пригубил воздуха — он мёртв.
Раздвинул женщину — она мертва.

Выдохнул слово — мёртвое оно.
Записал — стало ещё мертвее.
Запомнил — мёртвое, мёртвое, мёртвое.
Лёг в могилу — и земля мертва.
Подумал о прошлом, подумал о будущем — пустое и мёртвое,
мёртвое и пустое.
Встал, ощупал дух, понюхал тело — мертворождённое,
мертвоумершее.
Даже мысль — и та мертва, потому что о мёртвом, о мёртвом.
И пришла любовь и убила все мёртвое.
И поставила меня стеречь это мёртвое.
Почему меня? — живых спросите.
Налейте чаю.

Женщина

У него рассвет как нить.
У тебя закат как масло. —
Говорила она мужчине.

[У него хвост спереди.
У тебя он сзади. —
Так она не говорила.]

Он гений порыва.
Ты гений осады. —
Утешала она мужчину.

[У него позвоночник.
У тебя живот. —
Так она не сказала.]

У него минута.
У тебя вечность. —
Напоминала мужчине.

[У него вершина.
У тебя плато. —
Об этом она молчала.]

У него песок в ботинках.
У тебя гравий. —
Беспокоилась за мужчину.

[Он умрёт в будущем.
Ты умрёшь в прошлом. —
Молчала и сосала язык.]

Это меньшее, что она могла.
Это высшее, что она могла.
Верная с молодых ногтей. Верная дотла.

Причины

Каждый год — что-то новое.
Невиданный урожай яблок.
Обнаруженное в глубине сада около
вечно запертой калитки тутовое дерево.
Новая тропинка между холмами.
Дырка в мочке (пересёк экватор? родил третьего сына?).
Любовь, не ждущая выхода.
Мысль, не требующая завершения.
Поцелуй в колено.

Прикосновение босой пятки к позвоночнику.
Очередной трофеей для фарфорового зверинца.
Покупка роликовых коньков.
Соблазн прозы.
Кусочек сахара от Резы Мир-Карими.
Смерть.
Каждый год — нечто новое.
(«А ты что видишь?»)

* * *

Мужчина без женщины дичает.
Покрывается шерстью.
Начинает пахнуть непотраченными гормонами.
Бросает под ноги окурки и кусочки рифлёной бумаги.
Разбивает машину.
Перестаёт отжиматься от пола и экономить электричество.
Идёт в Макдоналдс.
Обзаводится старыми друзьями.
Приобретает микроинфаркт.
Бросает пить.
Изобретает средство от рака молочной железы.
Возвращает женщину.

* * *

В августе, в сумерках, две подружки,
Маша и Саша,
Ловят в траве кузнечиков на шорох.
(Кузнечики издают шорох и ловят на него Машу и Сашу.)

Потом, зажав им лапки — каждая своему, —
сталкивают лбами: чей чьего первым сожрёт.

Полжизни спустя Маша каждое лето ездит в Москву:
пять монастырей обойти, губами к Матроне,
лбом к Спасителю, в Кандалакше с этим похуже,
да и тянет на малую родину, чо там.

Жирного палтуса Маша привозит Саше.

Пива берут авоську; вспоминают общего Борьку,
что был Машкин, потом стал Сашкин,
а нынче уж нет его больше нигде,
бля, слышишь, подруга, НИГДЕ!

После к полуночной речке выходят, чтоб никто
не мешал предосеннему стрёкоту и верещанью.

И Саша хрустит челюстями.

А бывает, что Маша.

* * *

Ушёл в осень.

Уехал в зиму.

Уплыл в весну.

Улетел в лето.

Санджар Янышев о верлибре

1

Писать о русском верлибре как о чём-то внеположном всему остальному русскому стихосложению без язвительной улыбки нельзя. Поэтому буду предельно серьёзен.

Вечно юный русский верлибр сегодня — в стадии нащупывания искомой «тесноты стихового ряда» (что бы это ни значило): происходит процесс, равный значением тому, что век назад ознаменовал расцвет русского модернизма, когда акмеистическая ясность окончательно победила символистскую косность: выкристаллизовывание вещества поэзии, очищение от словесной шелухи, пустотности — в пользу вящей коммуникативности (являющейся, кстати, наряду с наррацией, одним из признаков прозы).

Вещество поэзии при этом стремится к распространению на сферы традиционно «непоэтические». Важны мыслительные «арки», незримая — и всякий раз актуализируемая, волшебным образом проявляемая — связь событий, явлений; всё прочее, как известно, «литература». Поэты же верлибристы, равно поэты-«силлаботоники», по-прежнему заняты поиском просодии, сиречь особой *интонации*, отличающей авторский голос (манеру) в ряду других.

2

В практике близких и интересных мне авторов верлибр занимает почётное второе место: на первом всё же не средство, а содержание — именно оно требует себе каждый раз новую форму, подчас уникальную, как хореический амфидольник или какой другой метросексуальный кентавр. Верлибр на этой шкале — всего лишь крайняя риска. Непосредственно перед прозой. Той самой, которую пишут наряду со стихами все известные (и близкие) мне поэты.

Окей, раз уж мы обратились к прозе, позволю себе ещё раз проговорить (-ся). «Прозаизация» русского стиха, его стремление к формальному очищению от метрической инерции, неизбежно приводящей поэта к вязкой инертности, энергетической подмене, — наиболее интересное приключение, переживаемое современной русской поэзией.

Содержание

От составителя	5	Инга Кузнецова	201
Нина Александрова	7	Вячеслав Куприянов	209
Алексей Алёхин	14	Дана Курская	216
Иван Ахметьев	22	Света Литвак	222
Сергей Бирюков	34	Александр Макаров-Кротков	230
Ольга Брагина	42	Вадим Месяц	239
Андрей Василевский	51	Арсен Мирзаев	249
Лилия Газизова	59	Вадим Муратханов	257
Мария Галина	67	Евгений Никитин	266
Марианна Гейде	72	Лев Оборин	274
Анна Голубкова	78	Хельга Ольшванг	281
Дмитрий Григорьев	85	Юрий Орлицкий	291
Фаина Гримберг	91	Андрей Полонский	299
Андрей Грицман	98	Виталий Пуханов	309
Владимир Губайловский	104	Андрей Сен-Сеньков	318
Данила Давыдов	113	Екатерина Симонова	326
Дмитрий Данилов	122	Сергей Соловьёв	333
Владимир Друк	128	Евгений Степанов	340
Андрей Егоров	138	Дарья Суховой	351
Валерий Земских	145	Владимир Тучков	360
Александр Иличевский	154	Елена Фанайлова	367
Лариса Йоонас	162	Наталья Черных	374
Владимир Козлов	170	Сергей Шабуцкий	380
Андрей Коровин	178	Аркадий Штыпель	386
Ирина Котова	186	Татьяна Щербина	393
Сергей Круглов	193	Алик Якубович	402
		Санджар Янышев	416

Литературно-художественное издание

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ВЕРЛИБР

Антология

Составитель *Лилия Газизова*

Редакционная коллегия:

*Лилия Газизова, Андрей Грицман, Данила Давыдов,
Вячеслав Куприянов, Арсен Мирзаев, Юрий Орлицкий,
Александр Переверзин (главный редактор)*

Издательство «Воймега»
e-mail: voymega@yandex.ru

Корректор *А. Воздвиженская*
Макет *Мастерская Антона Чёрного*

В оформлении обложки использована
картина *Ольги Розановой*
«Беспредметная композиция» (1917).

Подписано в печать 30.07.2021
Формат 60×84/16. Усл. печ. л. 24,88
Бумага офсетная. Печать цифровая
Тираж 500 экз

16+

Знак информационной продукции
согласно Федеральному закону от 29.12.2010 №436-ФЗ

Вячеслав Куприянов
Дана Курская
Света Литвак
Александр Макаров-Кротков
Вадим Месяц
Арсен Мирзаев
Вадим Муратханов
Евгений Никитин
Лев Оборин
Хельга Ольшванг
Юрий Орлицкий
Андрей Полонский
Виталий Пуханов
Андрей Сен-Сеньков
Екатерина Симонова
Сергей Соловьёв
Евгений Степанов
Дарья Суховой
Владимир Тучков
Елена Фанайлова
Наталия Черных
Сергей Шабуцкий
Аркадий Штыпель
Татьяна Щербина
Алик Якубович
Санджар Янышев

ISBN 978-5-6044597-9-9

9 785604 459799